

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД.
ВОРОН ХОЛЬМГАРДА

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Ворон Хольмгарда

«Автор»

2022

Дворецкая Е. А.

Ворон Хольмгарда / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2022 — (Княгиня Ольга)

Битва на Итиле разрушила вековой торговый путь из Руси в Хазарию, вынудив искать другие возможности. Приехав в землю мери за данью, Свенельд передает жителям предложение Олава конунга весной устроить поход по Волге до Булгара, чтобы наладить новые связи. Но когда рушится старый уклад, не все согласны в том, что должно прийти ему на смену. Осознав, какую ценность приобретает земля мери, ее старейшины пытаются выйти из зависимости от владык Хольмгарда. В центре событий оказывается семья Дага, самого уважаемого человека из русов Мерямаа: старший сын Арнор идет в леса на востоке «разведкой боем», что приводит к неожиданным и опасным результатам; дочь Арнэйд становится очень выгодной невестой, в борьбе за которую сталкиваются такие люди, которые без этих событий и не встретились бы никогда. Свенельд, желая утвердить мир в Мерямаа, вынужден браться за оружие, а Арнэйд, готовая пожертвовать собой ради предотвращения раздоров, оказывается в весьма угрожающем положении...

© Дворецкая Е. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елизавета Дворецкая

Ворон Хольмгарда

Часть первая

Глава 1

Силверволл, накануне Зимних Ночей¹

– Арни! Ну что ты там стоишь мокнешь? Я замерзла, пойдем домой!

Арнэйд куталась в плащ, отяжелевший от сырости. Дождь вроде бы не шел, но в воздухе зависла морось, одежда постепенно напитывалась влагой. Ноги застыли, пальцы заледенели. Хотелось домой, где тепло и сухо, пахнет горячими ржаными лепешками, пылает огонь в очаге, смолистый дым уходит под высокую кровлю. Поскорее бы сбросить плащ и кафтан, мокрые и тяжелые, и обогреться.

Арнор все смотрел куда-то вдаль, туда, где в роздыхе на восток от Силверволла текла за холмиками и рощами Мерянская река². Она служила некой границей: на западном ее берегу лежал Бьюрланд и подвластная Хольмгарду часть Мерямаа, а на восточном раскинулись малоизвестные земли, которые здешние русы считали частью Утгарда³. «Мы здесь живем на самом краю Мидгарда, отсюда уже Утгард видать», – каждый раз, глядя в ту сторону, вспоминала Арнэйд слова давно покойной матери. Силверволл располагался на длинном взгорке над Медвежьим ручьем, и отсюда открывался широкий вид на окрестные выпасы, полосы давно сжатых нив, дубовую рощу, которая и дала поселению его мерянское название – Тумер. В теплую пору вид бывал довольно веселый, особенно когда скотина паслась на лугах, но сейчас любоваться было нечем: взгорки в блеклой траве, ручей в желтой высохшей осоке, черные ветки голых рощ, груды бурых палых листьев. Угрюмое вечернее небо давило, гнало под крышу.

Наконец Арнор повернулся и направился к ней. Глядя сквозь морось, как приближается его высокая, плечистая фигура, как он движется – спокойно, уверенно, как человек, полностью владеющий своим телом и не делающий лишних движений, – Арнэйд еще раз удивилась: в какого внушительного мужчину вырос ее брат! Во всей округе мало ему равных. Арнор был старше ее на год, но и сейчас в мыслях она нередко видела его большеглазым мальчиком лет восьми – каким запомнила в детстве. А он уже... настоящий великан, особенно в этих сумерках.

– На что ты там засмотрелся? – окликнула его Арнэйд. – У меня ноги совсем застыли.

Поверх шерстяных чулок на ней были носки-волосянки из конского волоса, почти непромокаемые, но холод стылый и влажной осенней земли уже добрался до пальцев.

– Просто вспомнилось... – Арнор не заметил ее досады. – Был какой-то вечер... или несколько, я не помню. Уже в самом конце, перед тем как мы до знакомых краев добрались. Тоже была морось, сначала дождь шел, потом вот такое, уже не дождь, а скорее туман, густой, хоть ножом режь. Мы плывем, налегаем, чтоб не окоченеть, все молчат... Говорить не о

¹ Зимние Ночи – древнескандинавский праздник, дата начала зимней половины года, отмечался в конце октября. (Здесь и далее примечания автора.)

² По средневековому обычаю, здесь «рекой» называется водный маршрут, который мог включать несколько рек с волоками; в данном случае имеется в виду Молога и часть верхней Волги.

³ Утгард – «внешний мир» скандинавской мифологии, вне обжитого пространства, область опасного колдовства, место жительства троллей и ётунов.

чем, осточертели эти рожи, эти весла, эта река, а деваться некуда. Вот совсем некуда, ты только представь – гребешь и не знаешь, будет ли что впереди, или мы уже в таком месте, где кроме тумана и нет ничего...

– Мокрая Морось... – прошептала Арнэйд, намекая на палаты Хель.

– Вроде того. Вокруг тихо, берегов не видно, только весла плещут, уключины скрипят... Слушаешь это, слушаешь, и уже не понимаешь, где ты, кто ты, жив или умер... Вот правда, кажется, что ты уже умер и будешь так грести вечно...

Он замолчал, не то оживляя в памяти это ощущение, не то стараясь его прогнать.

– Арни, перестань! – взмолилась Арнэйд и взяла его за руку – тоже влажную от дождя, жесткую. Его пальцы неподвижно лежали в ее ладони, не отвечая на пожатие. – Ведь прошел уже год, как вы вернулись! Вы давно дома, неужели ты так будешь вечно... грести!

– Я иногда думаю... Может, мы и правда тогда заплыли куда-то в Нифльхель. Нас потом оттуда выпустили, но часть...

«Часть души осталась там». Арнор не сказал этого вслух, но Арнэйд поняла. Она не смела возражать: ее братья вернулись с Хазарского моря не такими, какими ушли, и некая отстраненность поселилась в их глазах. Особенно у Арнора. Виги, младший, более веселого и легкого нрава, год спустя уже был больше похож на себя прежнего.

Что сделать, чтобы вернуть и ту, потерянную часть души?

– Пойдем! – с нежной мольбой произнесла Арнэйд и потянула брата к дому.

* * *

– Это было давным-давно, еще до того как Торорд конунг впервые пришел из Хольмгарда в Мерямаа и обложил племя мери данью...

В темноте холодный дождь усилился, звучно капало с крыш, постукивало в заслонки на оконцах. Но оттого еще уютнее было сидеть в полутьме, глядя на огонь в просторном, сложенном из валунов очаге посреди дома, ощущать запах смолистого дыма, уходящего под высокую кровлю. Ближе к весне любому опротивеет этот дым, но сейчас он, товарищ жаркого огня, разведенного в доме среди осенней промозглой сырости, нес блаженство, обещая защиту хрупкой человеческой жизни от губительных духов холода и тьмы.

Арнор и Арнэйд оставили у двери мокрую обувь и пробрались в дальний угол, к ларю, чтобы найти сухие чулки. «Коленки совсем застыли!» – шепнула Арнэйд и, усевшись на ларь, стала растирать их; Арнор опустился на колени рядом и принялся сам растирать ей замерзшие ноги, поглядывая на людей у очага.

В эту пору в доме у Дага каждый вечер бывали гости. Они приходили уже после еды, не к столу, а чтобы послушать его рассказы. Прямой наследник изначальных северных насельников на Мерянской реке, Даг знал все предания о тех, кто обосновался здесь больше ста лет назад и заложил основы мерянской руси. Его деды устроили первое святилище, и люди из рода Дага приносили жертвы за весь Бьурланд – Страну Бобров, как русы называли эти места.

– Жил один человек, и звали его Хринг. Однажды пошел он в лес, стал рубить дерево, а оно и упало прямо на него. Лежит он, не может освободиться. Вдруг видит – идет медведь. Ну, думает Хринг, пришла моя смерть. А медведь ему говорит: что ты дашь мне, если я тебе помогу? Возьми, говорит Хринг, что пожелаешь. Хорошо, говорит медведь, когда настанут Зимние Ночи, я приду к тебе и возьму то, что мне желательно...

Арнор и Арнэйд сели ближе к очагу, Арнэйд взялась за пряжу. Эти слова были в числе ее самых ранних воспоминаний. Лет пятнадцать назад или даже больше, когда она была такой же, как Ерлави, – одна из младших сводных сестер, что еще не научилась прясть и все лезла к Арнэйд на колени, – эти же саги рассказывал дед, Арнбьёрн. Отец тогда еще не начал сидеть, его широкие плечи не горбились, и он не хромал на левую ногу. В те годы Даг был

таким же стройным и полным сил, как сейчас Арнор. Брат сидел напротив, и она видела, как пламя очага отражается в его задумчивых глазах. Арнор и Арнэйд, старшие дети своих родителей и погодки, были очень схожи: продолговатое лицо с высокими скулами, из-за чего щеки кажутся слегка впалыми, большие светлые глаза, ровные брови. Только нос у Арнора был прямой, с легкой горбинкой от перелома, а у Арнэйда – курносый, материнский; зато глаза ей достались более яркого оттенка. О своем сходстве они знали от родичей, но каждый из них считал, что другой уродился куда красивее. Арнэйд находила, что брат ее очень видный мужчина; Арнор полагал, что сестра очень привлекательная девушка, особенно благодаря голубым глазам, и что ее своеобразные черты – в них отразилась славянская, варяжская и мерянская кровь, – вместе с древностью рода, благоразумием и доброжелательностью делают ее редкой драгоценностью среди женщин Силверволла.

Заметив, что Ерлави мешает сестре работать, Арнор приподнялся, протянул руки, снял малявку с колен Арнэйда и посадил к себе. Арнэйд благодарно улыбнулась ему. У нее хорошие братья – Арнор и Вигнир, те, что ей родные и уже взрослые. Дети мачехи, Ошалче, пока еще малы – старшему лишь семь лет, – и непонятно, выйдет ли из них толк.

– Было у Хринга три дочери, – рассказывал тем временем Даг. – И вот подошли Зимние Ночи, стали в доме варить пиво и готовить угощение. Однажды вечером стучит кто-то в дверь. Открывает Хринг – а за порогом стоит медведь...

Голосом и повадкой Даг так ловко выразил испуг хозяина, что младшие дети взвизгнули.

– И говорит ему медведь: помнишь, Хринг, ты летом обещал мне кое-что? Вот, я пришел за моей наградой. «Что же ты хочешь? – спрашивает Хринг. – У нас есть хлеб, и мясо, и пиво, я готов хорошо угостить тебя». «Нет, – отвечает медведь, – всего этого у меня в доме и так вдоволь, только нет хозяйки. Хочу я получить в жены одну из твоих дочерей». Испугались девушки. Две старшие дочери говорят: нет, ни за что мы не пойдем с медведем, чтобы он съел нас у себя в берлоге! И только младшая, Аста, сказала: видно, это добрый медведь, если он не съел нашего отца, а спас, я пойду за него замуж. И вот она уходит с медведем. Долго они шли через лес, и видит Аста – стоит большой хороший дом. Медведь говорит ей: подожди здесь, увидишь, что будет. Заходит он в дом, а потом оттуда выходит человек и приглашает ее войти...

Хорошо зная эту сагу, Арнэйд слушала одним ухом, не переставая прясть и наблюдая за Арни. Ему удалось укротить Ерлави и заставить сидеть смирно: видно, шепнул ей, что отдаст ее медведю, если она будет елозить и шуметь. В свои двадцать три года, рослый, сильный, с неторопливыми уверенными повадками, с глазами, отражавшими немалый жизненный опыт, Арнор выглядел совершенно зрелым мужчиной, и пятилетняя Ерлави у него на коленях могла бы сойти за его дочь. Да и будь он из мери, как раз такое дитя уже мог бы иметь – его женили бы лет шесть назад. Но русы Бьюрланда, хоть и жили среди мери уже пять-шесть поколений и часто брали в жены мерянок, сохранили свой язык и обычаи. Даг не торопил взрослых сыновей обзаводиться семьей, хотя после того знаменитого похода на Хазарское море, когда они так прославились и взяли много хорошей добычи, им легко удалось бы сосватать лучших невест – хоть из русских, хоть из мерянских родов.

«Только не это! – порой восклицала Арнэйд, замученная возней с младшими сводными сестрами. – Если еще и вы женитесь и мне придется качать ваших детей, я убегу от вас в лес!»

Ошалче, вторая жена Дага, славилась плодовитостью и рожала по чаду каждый год. Однажды у нее получились сразу двое, но один через полгода умер. Еще парочку тоже забрали боги, но осталось достаточно, чтобы дому не грозила тишина – в нем галдели семеро малых детей. «Неудивительно, что Арни и Виги сбежали от вас за Хазарское море и не возвращались три лета!» – порой говорила им Арнэйд, измученная необходимостью кормить их, укачивать, обшивать, мыть, одевать, лечить, развлекать, укрощать и мирить. Ошалче никак не могла бы справиться с ними, к тому же она и сама часто бывала нездорова. Потому и не торопила падче-

рицу замуж – одна, даже при помощи служанок, Ошалче не могла бы управлять таким домом, где полно детей, скотины, челяди и гостей, где четыре раза в год устраиваются большие пиры для жителей Бьюрланда и сборщиков дани из Хольмгарда, где хозяину ежедневно приходится улаживать чужие дела, а дом целиком остается в ведении хозяек.

– И вот стала Аста жить у медведя. Все у нее было хорошо, кроме одного: едва светало, как ее муж превращался в зверя и уходил в лес, а возвращался только в сумерках и тогда опять делался человеком. Все у нее было, и жила она счастливо. Да только двум ее старшим сестрам это счастье не давало покоя. Не могли они смириться с тем, что Аста живет так хорошо, а они отвергли жениха-медведя и остались ни с чем. Однажды подговорили они охотников, чтобы те выследили в лесу медведя и убили его. Напали охотники на медведя и так его изранили, что он с трудом добрался домой. Увидела его Аста, всего в крови, закричала, а он сказал ей: «Пришло мне время умереть. У тебя скоро родятся три сына. У одного будут ноги как у лося, у другого – уши как у волка, и только третий будет весь похож на человека. Он вырастет великим мужем, и от него произойдет большой род». С теми словами медведь и умер...

Судя по глазам Арнора, он тоже едва слушал отца и мысли его блуждали где-то далеко. Арнэйд догадывалась – где. Они с Виги не так уж много рассказывали о Хазарском море, но если участники того похода собирались вместе, то разговоров хватало на половину ночи. Они вспоминали своих товарищей, живых и павших, своих вождей – Боргара Черного Лиса, который возглавлял северное войско в начале похода, Годреда и Свенельда, которые привели войско назад через неведомые земли, Грима конунга из Хольмгарда, Амунда – князя бужанского. Арнэйд слушала тайком, будто бы увлеченная пряжей, но старалась не упустить ни слова – особенно когда звучало имя Свенельда.

Не сказать чтобы Свенельд так уж хорош собой: черты правильные, но жесткие, не приспособленные для улыбок, глубоко посаженные глаза, высокие скулы, твердая складка ярких губ. Нос, ранее безупречно прямой, после похода обзавелся горбинкой от перелома и стал смотреть немного в сторону. Не очень заметно, но если приглядеться, то видно. Кожа после трех лет под жарким солнцем так загорела, что стала темнее бровей и волос. Прошлой осенью, когда Арнэйд в последний раз его видела, он имел дикий вид, как и все его спутники. Наткнувшись на них в лесу, Арнэйд приняла их за ёлсов и чуть не умерла от страха. Она слегка прикусила губу, чтобы не засмеяться, вспоминая, как неслась от них по лесу, а они гнались за ней, чтобы выяснить, куда наконец вышли.

Воспоминания приводили ее к тому поцелую... ну, когда он понял, что они дошли до Силверволла и их многомесячный путь через Утгард окончен... Прошел год, но она так хорошо помнила то ощущение, когда коснулась щекой его теплой щеки, его бороды, когда его губы прижались к ее губам... Ей казалось, что в тот краткий миг она узнала о страсти и о том, что такое мужчина, больше, чем за все двадцать один год жизни. Даже сейчас от этих воспоминаний где-то внутри становилось тепло и сладко. Арнэйд подавила вздох. Это воспоминание было ей дорого – дороже шелкового покрывала, серебряной самоцветной коробочки и перстня с сердоликом, которые он поднес ей в благодарность за ту встречу... Прошел год, и не стоило надеяться, что Свенельд еще когда-нибудь ее поцелует, но мысль поцеловаться с кем-нибудь другим несколько ее не прельщала.

«Если бы я мог, Арнэйд, – вспоминался ей хриплый голос, говоривший ей почти в ухо, чтобы не слышал никто другой, – я подарил бы тебе перстень...» В голосе его звучало сожаление, но оно и рядом не стояло с тем, что чувствовала она. «Но я... ну, ты знаешь. Я не могу».

– И вот Бьярнхедин⁴ вырос в могучего и уважаемого мужа, как и предсказывал его отец...

⁴ Имя Бьярнхедин означает «медвежья шкура»; как и некоторые похожие, оно могло изначально обозначать участника мужского воинского союза, каковые союзы нередко становились основой новых племен.

Сквозь эти мысли едва пробивался голос Дага. Пока Арнэйд думала о своем, у Асты, медвежьей вдовы, успели родиться три сына, из которых двое были чудовищами, как и положено исчадиям Утгарда, и только один походил на человека.

– Он был очень ловок на охоте и часто ходил в походы в чужие земли, откуда привозил много разных богатств. Он умел оборачиваться медведем, и если кто-то бывал с ним в ссоре, то в облике медведя он нападал на стада того человека, убивал его скот и вынуждал отселиться подальше от этих краев. И так он скоро занял главенствующее положение, и все жители округи признавали его власть... Он устроил святилище близ Силверволла – тогда это место называлось по-мерянски Тумер – и служил в нем, принося жертвы богам за свой род и всю округу...

Свенельдова молоденькая жена приходилась дочерью князю из каких-то далеких вендских земель, и Свенельд раздобыл ее четыре года назад в военном походе. Род Альмунда тоже восходит к ютландским конунгам, пусть и по женской ветви, и Арнэйд, не имевшая среди предков никаких конунгов, Свенельду была неровней. Но незаметно, чтоб он сам хоть сколько-то об этом думал. Он всегда был сдержан в обращении, не подмигивал и не сыпал льстивыми словами, но, если Арнэйд встречала его пристальный взгляд, у нее обрывалось сердце. Так не смотрят, когда равнодушны... Эти глаза стояли перед нею как наяву – цвета желудя, под прямыми русыми бровями, со взглядом сосредоточенным и острым.

– И вот на третий день после погребения Бьярнхедина Торир вдруг видит сон...

Очнувшись от мыслей, Арнэйд обнаружила, что пропустила почти всю сагу о своем знаменитом пращуре. В ней нет крови конунгов, но, может быть, Свенельду и понравилось бы иметь жену, происходящую от медведей-оборотней! Мужчины в роду Бьярнхедина Старого не случайно отличаются высоким ростом, отвагой в бою и удачей на охоте.

– И он сказал: пойдя к моему кургану и возьми мой пояс – он будет лежать на вершине. Скоро твоя жена забеременеет, и когда ребенок в ее чреве впервые зашевелится, обвяжи ее моим поясом – и тогда я смогу родиться вновь...

Эта часть саги была самой важной – мать каждого из детей рода в нужный час надевала старинный «пояс Бьярнхедина», и каждый из них нес в себе не только кровь, но и дух прадеда-оборотня. И Арнэйд, и Арнор, и Виги, и вся эта мелкая поросль детей Ошалче. «Если будешь так дурно себя вести, старый Бьярнхедин на тебя рассердится и у тебя вырастут медвежьи уши! – порой пугала их Арнэйд. – И тогда нам придется выгнать тебя из дома в лес, потому что с медвежьими ушами жить среди людей нельзя!»

Уже какое-то время Арнэйд замечала, что за дверью происходит некое шевеление: она то приоткрывалась, то затворялась снова. Было похоже, что кто-то желает войти, но не решается прервать рассказ. Лучше бы этот кто-то тихо вошел, сел у двери и не выпускал тепло. Как только отец закончит, надо будет пойти и втащить этого робкого гостя...

И едва Арнэйд успела об этом подумать, как дверь распахнулась во всю ширь. Арнэйд удивилась: гость-то осмелел!

А потом она удивилась еще сильнее. В дверной проем сунулось что-то огромное, темное, косматое... Переступив порог, оно выпрямилось и заревело; в глаза бросилась медвежья морда, косматая бурая шерсть...

Тишина мирного вечера разом сгинула; дети завизжали, все вскочили, поднялся крик, какая-то посуда загремела, катясь по полу. Арнэйд, выронив веретено, прижала к боку ринувшегося к ней Ерка – семилетнего брата; Арнор встал, держа на весу орущую Ерлави и собираясь засунуть ее к себе за спину. Даг поднялся и в изумлении шагнул к неожиданному гостю.

– Ты кто такой? – сквозь гомон расслышала Арнэйд голос отца.

– Я – медведь! – человеческим голосом доложил гость. – Ищу себе невесту, и вот слышал, что у тебя есть в доме незамужние дочери.

Арнэйд немного опомнилась. Она с первого взгляда разобрала, что это не зверь, а человек в медвежьей шкуре с мордой на голове – разница ведь хорошо заметна, да и не раз ей случалось видеть ряженых, – но от неожиданности этого явления ее разум не поспел за чувствами.

– Не бойся, – сказала она Еркаю, – этот медведь тебя не тронет. Сегодня он пришел не за мальчиками.

С лица Дага ушло изумление, он снова принял вид гостеприимного хозяина. Только что законченная сага ожила и сама явилась в дом, и он знал, как ему следует себя вести на месте своего пращура.

– Дочери у меня есть. Но я, признаться, не собирался никого из них сейчас выдавать замуж.

– Я вижу, вот эта девушка совсем уже взрослая. – Придерживая края шкуры, чтобы не расходились, медведь прошел вперед и остановился перед Арнэйд. – Слышал, она очень хорошая хозяйка. Мне как раз такая нужна, чтобы управляться в моем доме. Не отдашь ли ты мне ее?

– Это надо спросить у самой девушки. – Даг улыбнулся. – Пусть она решает, а я не стану ее принуждать или удерживать.

– Что ты скажешь, девушка? – обратился медведь к самой Арнэйд. – Не хочешь ли ты стать моей женой?

– Благодарю, это немалая честь для меня, – вежливо ответила Арнэйд. – Но у меня столько работы в этом доме, что я никак не могу его оставить. Довольно, Гудбранд, у нас все дети описаются от страха. Сними эту шкуру.

– Здорово я вас напугал? – с гордостью ответил медведь и сбросил с головы морду.

Под шкурой обнаружился мужчина лет тридцать с небольшим – среднего роста, плечистый, с продолговатым лицом и таким высоким прямоугольным лбом, что он казался равным всей части лица от переносицы до подбородка. Так же и верхняя часть его стана, с широкой грудью и налитыми плечами, казалась тяжеловатой для ног, как будто он из всех сил вдохнул, раздулся и не может выдохнуть. Черты лица у него были весьма приятные, русые волосы непокорно вздыбились. Гудбранд сын Гримкеля занимал видное положение в Ульвхейме – соседнем русском поселении, в роздыхе от Силверволла, и входил в число хёвдингов Бьюрланда. У него и правда имелось большое хозяйство – просторный двор, целое стадо разного скота. Челядь и работники его летом трудились на полях и лугах, а зимой ходили за скотиной и отправлялись в лес на ловлю. Каждую зиму Гудбранд привозил в Силверволл дань, собранную с Ульвхейма, и сам выплачивал пять куниц – лишь на одну куницу меньше, чем Даг.

– Снимай эту шкуру и садись. – Арнэйд указала Гудбранду на место возле Дага, с которого охотно поднялся Виги и поклонился, предлагая уважаемому гостю его занять. – Не хочет ли медведь выпить пуре?

– Не откажусь, – с готовностью согласился Гудбранд, сворачивая шкуру и оглядываясь, куда бы ее деть; тот же Виги взял ее и унес в угол, где на нее тут же уселись двое мелких. – Уж больно нынче мерзко снаружи.

Арнэйд взяла с полки серебряную чашу и направилась к ленгежу – берестяному бочонку с мерянской медовухой-пуре, где на краю висел деревянный ковшик. Начищенная чаша многозначительно мерцала в свете огня. Это была одна из любимых вещей Арнэйд из добычи, что братья привезли с Хазарского моря; на боках ее были вычеканены два орла с виноградными гроздьями в клювах. Арнэйд, конечно, никогда не видела винограда, но братья ее видели на Хазарском море; рассказывали, что он растет кистями, примерно как брусника, но только кисти эти размером с человеческую ладонь – «вот такие!», говорил Арнор, показывая собственную ладонь, весьма крупную.

– Ох, какое богатство! – восхитился Гудбранд, когда Арнэйд принесла ему эту чашу вместе с двумя свежими лепешками и белым козым сыром. – Сразу видно, что вы, Арни, за морем времени даром не теряли!

Арнор слегка улыбнулся – по сторонам рта дугами обозначились тонкие складки, – но его большие серые глаза остались неподвижны. Даже сейчас Арнэйд казалось, что мысли его далеко от родного дома и от них всех. Иной раз ей приходило в голову: уж лучше бы он тогда женился на Илетай, Тойсаровой дочери, и не ходил ни в какой поход. А в том, что сложилось иначе, был виноват не кто иной как Свенельд...

– А я к тебе, Даг, приехал посоветоваться, – откусив от лепешки и отпив из чаши, обратился Гудбранд к хозяину. – Как у нас будет с жертвами на Дисаблот? Ты помнишь, прошлой осенью жертвы приносила моя бедняга Хильд, но теперь... Я думал предложить поддержать чашу Вефрейе, она справится, но не слишком ли она стара для этого? Как ты думаешь?

– Да, бедная Хильд... – Даг закивал. – Я сам думал, что нам будет ее не хватать.

Гудбранд пережил уже двух жен, хотя никто не мог бы сказать, что он дурно с ними обращался. Первой его женой была мерянка, как у многих здешних русов, а второй – русинка тоже из Ульвхейма. Арнэйд знала Хильд: пышнотелая, румяная хохотушка, лет на пять ее старше, та на вид была крепкого здоровья, но весной вдруг стала сохнуть, чахнуть, исхудала как щепка и к первой листве умерла. До того она несколько лет выступала главной жрицей на Дисаблот, когда жертвы дисам должна приносить знатная женщина. Когда-то это делала Финна, мать Арнэйд, тоже русинка, только родом из далекой Альдейгьи.

– Ну а что ты думаешь, не доверить ли чашу твоей дочери? – вдруг услышала она голос Гудбранда. – Наверняка она знает, как с нею обращаться.

Арнэйд поняла глаза: отец и Гудбранд оба смотрели на нее.

– Я-то думаю, она справится. – Даг кивнул. – Если только другие женщины не сочтут, что она слишком молода.

– Не слишком! – заверил Гудбранд и подмигнул Арнэйд. – Она довольно для этого взрослая, но при этом куда красивее всех остальных. Богам, как и людям, я уверен, куда приятнее получать свою долю из рук молодой красивой женщины. А не от такой, у кого лицо будто прошлогоднее яблоко, всю зиму лежавшее под снегом!

Кое-кто засмеялся от этого сравнения, намекавшего на морщинистые лица почтенных старух.

– Уж это верно! – Арнор улыбнулся сестре, на этот раз по-настоящему. – Арнэйд отлично справится и будет прекрасно выглядеть с чашей! Ведь раньше это делала наша мать.

– И у нее есть теперь такие наряды, каких ни у кого не найдется! – подхватил Виги. – Если кто и станет возражать, то даже заяц поймет – это будет всего лишь зависть!

– Ну, стало быть, мы договорились! – Гудбранд хлопнул себя по коленям.

И при этом бросил на Арнэйд такой взгляд, будто они договорились не только о чаше... Проводив гостей и укладывая детей спать на широком помосте между дверью и очагом, она невольно вспоминала его и ощущала смутное беспокойство.

Утешала ее мысль о том, о чем сказал Виги: в таких нарядах, как у нее, не стыдно показаться на глаза ни людям, ни богам!

* * *

Арнэйд не считала себя красавицей. В воде отражалось худощавое продолговатое лицо с резко очерченными высокими скулами и курносый носом. В этом сказались ее бабки-славянки и бабки-мерянки, а высокий лоб обозначал присутствие варяжской крови. Ей говорили, что у нее красивые, яркие голубые глаза с пушистыми черными ресницами, но вот этого ей самой никак не удавалось разглядеть в воде, как и оценить своеобразную прелесть собствен-

ной внешности. Она порой грустила, что не выходит хоть немного пополнеть – да разве тут пополнеешь, когда весь день крутишься среди скотины, челяди, семерых маленьких братьев и сестер!

Вот Хильд и впрямь была очень красива. Белая, румяная, полнотелая, с правильными чертами, та обладала веселыми повадками и звонким громким голосом. Они с Гудбрандом хорошо друг другу подходили: оба здоровые, со свежими лицами, плотные, они даже были одного роста. Все в Бьюрланде жалели о ее смерти. Когда на Дисаблот Хильд, одетая в красное платье с отделкой желтым шелком, в кафтане с куньей опушкой, с тремя рядами разноцветных бус между позолоченными застежками, держала чашу перед жертвенником, она и впрямь походила на дису. Арнэйд слегка волновалась, сочтут ли люди ее подходящей заменой Хильд. Одеться она могла еще лучше, да и род ее был выше – она ведь из прямых потомков Бьярнедина Старого, первого из русов Бьюрланда.

– Раньше, чем Хильд, это делала наша мать, – напомнил ей Арнор, застав сестру в раздумьях над ларем с нарядной одеждой. – А ты – ее дочь, и ничьи права не могут быть выше твоих.

Он стоял, прислонившись плечом к столбу и скрестив руки на груди. Арнэйд благодарно взглянула на него внизу вверх: эти слова ее успокоили. Если так считает Арни, волноваться не о чем. После похода на сарацин оба ее брата стали уважаемыми в Бьюрланде людьми, хоть и жили по-прежнему с отцом, не спеша обзаводиться собственным хозяйством. И это тревожило Арнэйд, наводя на подозрение, что в их умах реют мысли о новых дальних походах.

Если бы они женились! Славы и добычи им уже хватит, свою отвагу доказывать больше не нужно. Арнэйд скучала бы в отцовском доме без них, но была бы за них спокойна. Однако оба они, хоть и охотно болтали с девушками – особенно Виги, – о сватовстве больше, после неудачной попытки Арни жениться на Илетай, не заговаривали.

– Мать была красивая, – со вздохом ответила Арнэйд. – И Хильд.

– И ты красивая. – Арнор сказал это вполне равнодушно, но в этом равнодушии сказывалась уверенность. – Не веришь мне, спроси у Гудбранда. Он тебе скажет, что ты красивее всех на свете.

– Что ты болтаешь! – Арнэйд поморщилась. – Едва полгода миновало, как он схоронил Хильд.

У нее появилось странное чувство: эти слова ей и польстили, и стало неловко.

– Не будет же он всю жизнь один жить, он не такой человек. – Арнор ленивым движением отлепился от столба и опустил руки, намереваясь уйти. – Ему нужна хозяйка. И я думаю, он нарочно придумал нарядиться медведем, чтобы посмотреть, как ты примешь разговор о сватовстве. Ведь если он сразу посватается, а ему откажут, это его опозорит.

Арнэйд не ответила и не подняла глаз, пока он не ушел. Но слова Арнора поселили в ней тревогу. Ну и кто будет все это делать, думала Арнэйд, пытаясь впихнуть ложку каши в рот двухлетней Олмавики, в то время как Ошалче кормила грудью свое самое юное порождение, а Ерлави и Еркай дрались из-за пареной репки. Савикай колотит их ложкой, пытаясь усмирить; вот-вот Ерлави рухнет на пол и начнет орать, дрыгая ногами. Оксай плюется в них кашей и вопит «ыыы», что у него означает «сыр», а говорить толком он в свои три года не желает, ни по-русски, ни по-мерянски. О боги, хоть бы медведь забрал меня отсюда!

К счастью, в это время вернулся Арнор и живо навел порядок: старшим отвесил лещей, младших пообещал выкинуть на дождь, и все затихли. Арнэйд перевела дух: самого старшего из сводных братьев мелюзга боялась, пожалуй, даже больше, чем отца. Что она стала бы без него делать?

Глава 2

Когда луна впервые округлилась после осеннего равноденствия – это называли Зимним Полнолунием – и настал Дисаблот, Арнэйд уже не испытывала сомнений. Несколько дней перед этим она почти не занималась детьми, а только присматривая за тем, как святилище готовят к празднику, а дом к пиру. Десятилетней Сулай она вручила метлу и отправила мести площадку святилища и лестницу по склону – большая уже, управится!

Могильные насыпи начинались прямо за крайними дворами Силверволла. За сто лет их образовалось много. Могилы прославленных людей были высокими и бросались в глаза, но большинство едва приподнималось над землей. Самым высоким был курган Бьярнхедина Старого, который, как рассказывали, его сыновья подсыпали не то три года, не то целых семь лет. У подножия курган был обведен небольшим рвом, где на дне по праздникам разводили костры, а вершину окружала невысокая ограда из заостренных кольев – на эти колья вешали головы жертвенных коней и баранов. С прежних лет заняты были уже почти все, наглядно показывая, как давно род Бьярнхедина приносит здесь жертвы богам и своему предку. От одного вида этого кургана – с огненным поясом из костров в нижнем рву, с белым ожерельем из черепов – охватывал трепет и чувство близости к богам. Сам Даг с двумя взрослыми сыновьями в полдень развел эти костры, и блеск их огня, запах дыма указывали путь собирающимся русам, едущими из Ульвхейма и Хаконстада. Давали знать: ныне священный день, приподнимающий завесу между миром видимым и невидимым.

Днем к Арнэйд явилась Гисла, соседка, и уложила ее волосы в особую прическу – «узел валькирии», как она это назвала. Гисла родилась в Свеаланде, в большом вике Бьёрко, и там же вышла замуж за торгового человека по имени Рунольв. Лет шесть или семь назад в Силверволл прибыл целый обоз переселенцев. Торфинн, Рунольв и Бруни были торговыми людьми, владевшими на троих кораблем, и промышляли в основном мехами. Каждый год бывая в Альдейгье, они выяснили, откуда в нее привозят куниц и бобров, и однажды решили вместе с семьями и хозяйством переселиться в Бьюрланд. Они привезли жен, детей, челядь, разную утварь, только скотину взамен проданной в Бьёрко приобрели заново в Хольмгарде. Теперь у них были дворы, стада, пахотная земля, а зимой они и сами ходили на лов, и покупали у мерян их добычу, чтобы сбыть ее людям из Хольмгарда, когда те приедут за данью. Каждый из них платил со своего хозяйства три куницы в год, что делало их людьми незаурядными.

По зимам, когда женщины собирались прясть, Гислу часто просили рассказать о родных ее краях. Она не раз видела обряды в старом капище Уппсалы, возле древних курганов, где еще пятьсот лет назад swei хоронили своих великих конунгов, и знала все обычаи конунговых жен. Однако своим происхождением Гисла не кичилась, со всеми держалась приветливо и была рада поделиться.

Обычно Арнэйд заплетала волосы в косу и надевала простое кожаное очелье, как носят меряне, чтобы волосы не лезли в глаза и не мешали работать. Но Гисла объяснила, что для принесения жертв знатная женщина должна уподобиться валькирии, держащей чашу перед Одином. Этого не знали ни Хильд, ни Финна, ни даже Вефрейя, что родилась и состарилась в Бьюрланде. Гисла велела Арнэйд распустить волосы, забрала их высоко на затылок, свернула жгутом и завязала в узел, из которого длинный хвост свешивался до лопаток. С непривычки было немного странно, но Арнэйд и впрямь почувствовала себя какой-то другой. Не то чтобы валькирией, но явно ближе к Асгарду. Вместо кожаного очелья она надела другое – узорного шелка, с тремя парами серебряных колец на висках. А серьги братья привезли ей великолепные – золотые, с подвесками из лиловых самоцветов.

Вместе с Гислой они выбрали одежду. Даг, человек небедный, и раньше дарил жене и дочери много крашенных вещей, но после похода братьев к сарацинам у Арнэйд завелось

столько цветных шелков, сколько она раньше и вообразить не могла. После их возвращения она целый год шила – когда находила на это время, – готовя праздничную одежду для себя и домочадцев. Теперь у нее было красное шерстяное платье, на груди украшенное красно-синим шелком с изображением львов, идущих друг другу навстречу, хангерок брусничного цвета, на груди и подоле украшенный полосами синего шелка с дивными серебристо-белыми цветами, желтый кафтан на бобре, сверху донизу вдоль разреза обшитый зеленым шелком с золотистыми птице-псами.

– Виги, я забыла, как они называются? – окликнула она брата. – Ты говорил, но это слово все время сбегает у меня из головы!

Виги был на год моложе Арнэйд. Если она и Арнор походили на мать и друг на друга, то Виги уродился скорее в мерянских родичей бабки Личиви, и варяжскую кровь в нем выдавал только высокий лоб и большие, четко очерченные, как у Арнора, серые глаза. Черты его широкого скуластого лица были грубее, и даже родная мать не назвала бы его красавцем, однако болтовня и дружба с девушками давались ему легче, чем Арнору. В глазах Виги, устремленных на девушек, всегда горел огонек, а это привлекает больше, чем самое красивое лицо с равнодушием во взгляде. Виги, как думала Арнэйд, легко выбрал бы себе жену, но не хотел опережать старшего брата.

– Симорг, – ответил Виги на ее вопрос. – Как думаешь, мне стоит поменять сережку?

– Ну разумеется! – Арнэйд всплеснула руками. – Для чего же вы привезли столько сокровищ если не чтобы показывать их людям на праздниках?

У мужчин мери было принято носить не только кольца на очелье, серебряные или бронзовые, но и серьги в ушах – одну, две, три, смотря по достаткам владельца. У варягов и русов, впервые их видевших, этот обычай вызывал смех, но русы Бьюрланда за несколько поколений переняли эту привычку: никому же не хочется, чтобы его считали голодранцем, не способным раздобыть себе даже маленькое колечко из бронзовой проволоки! В обычное время оба брата Арнэйд носили в правом ухе по серебряному колечку, но на праздник она отыскала среди их же собственной добычи пару хазарских серег, тоже золотых, с подвесками из прозрачного, как слеза, хрусталя, и даже самолично вставила их вместо прежних. Арнор, подчиняясь необходимости, но несколько этого стыдясь, сидел кривился, будто ему невесть как больно, а в конце вместо благодарности хлопнул Арнэйд по заду своей широкой ладонью. Она с визгом кинулась бежать, радуясь этому проблеску веселья.

Выдав братьям по цветной рубахе, Арнэйд оделась сама. Узорные серебряные застёжки ей остались от матери, а бус, перстней и браслетов братья привезли столько, что она могла надеть лишь малую часть. На грудь она повесила прошлогодний подарок Свенельда: маленькую серебряную коробочку с красными и голубыми камнями на крышке. Сарацины такие делали как вместилище для оберегов, но Арнэйд приспособила ее для иголок, швейных и вязальных, и под этим предлогом с нею не расставалась. Во всем этом убранстве она с непривычки чувствовала себя настолько другой, что даже ступала поначалу неуверенно, и Арнор вывел ее во двор за руку, смеясь, что Арнэйд, видно, сама себя не узнает.

В святилище отправились незадолго до вечера, сразу всем домом. Впереди шли Даг со старшей дочерью, за ними сыновья вели черного жеребца: его купили и выкормили на те подати, которые Даг брал с русов Бьюрланда на содержание святилища. Арнэйд несла чашу: это была лучшая чаша из добычи Арни и Виги, отданная для угощения богов. На боках ее некий царь верхом на коне гнался за круторогими козлами, пуская в них стрелы, а за ним бежали длиннотелые псы. В чашу была вложена метелочка из ветвей можжевельника – за нею Арнэйд нынче утром сходила в ближний лес.

Взяв священную чашу в руки, Арнэйд окончательно успокоилась. Как будто сами боги взяли в руки ее – уж они-то знают, как всему полагается быть, они проходили через эти обряды несчетные тысячи раз. Шествие прошло немного вдоль дворов, и уже стал виден Бьярнхеди-

нов курган в поясе огней. Арнэйд совсем успокоилась: она была готова. Двенадцать лет, с тех пор как умерла мать, Арнэйд рассчитывала на себя, привыкала заботиться о других и теперь верила, что справится с любым делом, доступным женщине.

Трубили рога, когда во главе своего семейства Даг первым ступил на тропу меж горящих во рву костров и стал подниматься по склону кургана. Склон был довольно крут, а поскольку подниматься приходилось весной, осенью и зимой, когда земля скользкая, то в склоне были вырезаны ступени, покрытые досками. На плоской вершине находилась площадка, а на ней – деревянное строение под высокой крышей, без передней стены. Посередине его был выложен из камня жертвенник, а за жертвенником полукругом стояли четыре вырезанных из дерева бога. Один, Тор и Фрейр были сделаны в человеческий рост, а четвертое изваяние, вполтину меньше, изображало самого Бьярнедина Старого.

Под пение рогов Даг первым подошел к жертвеннику и возложил на него серебряное обручье с драконьими головками на концах – кольцо клятв, главную святыню округи, а еще длинный жертвенный нож. Арнэйд поставила рядом чашу, Гисла и Вефрейя водрузили снопы из последних собранных с полей ржаных колосьев. Сноп украшали венки, искусно сплетенные из зеленых еловых ветвей с красными ягодами боярышника и рябины.

Следом вошли еще с десятков человек – старшие сыновья Дага, Гудбранд и Снэколь с самыми видными людьми Силверволла, Ульвхейма и Хаконстада. Много людей в капище не поместились бы, ведь когда-то оно устраивалось для нужд лишь одной семьи. Толпа, человек в триста, осталась снаружи, на площадке, на склоне и у подножия кургана. Среди них были не только русы, но и меряне – связанные с русами путем браков, или просто живущие в Силверволле и привыкшие выказывать уважение русским богам наравне со своими. Так же делали и русы в дни мерянских праздников.

Люди встали полукругом – боги и смертные образовали единое кольцо вокруг жертвенника, состоявшее из двух половин, земной и небесной. В середине людской половины встала Арнэйд. Глубоко вдохнула и заговорила.

– Вот и пришло Зимнее Полнолуние, настала зимняя половина года. Урожай убран, птицы улетели, скотина уведена в стойла, и скоро Один поведет свою буйную охоту по ночным полям, а Тор будет преследовать рожденных среди ётунов дев зимы, прислужниц Скади. Пришло время принести нашу благодарность богам и альвам за добрый урожай, за пищу и огонь, что позволят нам пережить зиму и благополучно дожждаться весны. Для того мы пришли сюда сегодня, мы, жители Страны Бобров, русы и меряне, чтобы разделить мясо и пиво с подателями благ, обитателями могильных курганов и небесных палат Асгарда.

Потом она подняла руки и повысила голос:

– Альвы, мы призываем вас! Старый Бьярнедин и прочие духи, светлые альвы, темные альвы, отцы, деды и прадеды всех нас, жителей Бьюрланда, собравшихся здесь, жители могильных холмов, мы призываем! Дис мы призываем – добрых старых матерей, помогающих людям родиться на свет и нарекающих им судьбы! Фрейра и сестру его Фрейю мы призываем – придите к нам, сущие из рода ванов, верхом на вепрях, с колосьями в руках! Одина и Фригт мы призываем, тех, кто ведает все во всех девяти мирах и вершит судьбы мира, – придите к нам! Скачите по тропам воздушным, асы и ваны, альвы и духи, дисы и норны!

Арнэйд говорила все увереннее, неосознанно наполняясь удивительным чувством – она призывала богов, но в то же время боги призывали ее; боги нисходили на вершину Бьярнединова кургана, а она возносилась куда-то ввысь и смотрела на эту площадку так, как смотрят Фрейя и Фригт. В эти мгновения ей стало окончательно ясно, для чего жрица должна внешне уподобиться богиням: чтобы дух богинь, обратившись к земле, нашел здесь достойное, привычное вместилище в теле той, что их вызвала. Для этого и яркие одежды, и дорогие украшения, и прическа валькирии, которую не следует носить в обычные дни.

Обряд продолжался; Арнэйд обнесла людской круг пивом, налитым в посеребренный рог, а долю богов вылила на жертвенник. Ее братья подвели жеребца; Даг оглушил его, вместе с сыновьями уложил и перерезал ему горло, и Арнэйд, собрав кровь в священную чашу, окропила ею сначала самых знатных людей в капище, потом всех остальных на площадке, и склоны кургана со всех четырех сторон, перенося благословение богов на всю землю Бьюрланда. Она ни о чем не думала, не помнила, кто она такая и в чем ее судьба, она была лишь орудием богинь, явившихся на ее зов.

В Силверволл возвращались уже в густых сумерках. У подножия кургана продолжали гореть огни, и от них зажгли множество факелов, так что на недлинной дороге в Силверволл было светло как днем. В Силверволле шествие направилось к гостевому дому сразу возле ограды. Здесь каждую зиму останавливалась дружина сборщиков дани, а в прочее время здесь никто не жил, но устраивались собрания и пиры. Припасы для пира уже несколько дней собирали со всего Бьюрланда, и десятки женщин с утра трудились, варили похлебки, пекли хлеб, жарили птицу. На высокий большой очаг поставили варить в котлах части жертвенного жеребца, а тем временем Даг провозглашал кубки в честь предков, богов и дис.

На пиру в честь дис женщины тоже садятся за стол, и Арнэйд предназначалось самое почетное место напротив ее отца. Но поесть и попить хозяйке пира почти не удастся: и времени нет, и мысли не о том. Часто Арнэйд подходила к отцу, чтобы снова наполнить рог, обходила столы, подливая в чаши знатных гостей пива или медовой браги, следила, чтобы вовремя подносили новое угощение. Пока шел пир, главы родов поднимались и каждый рассказывал о самых славных своих предках, после чего выпивал чашу в их честь.

Постепенно в длинной палате становилось все шумнее. Возбуждение праздника, звуки рогов, блеск огня, пиво, медовуха, изобильная еда сказывались на всех. Арнэйд вызывала всеобщее восхищение, и мужчины выражали его все более оживленно.

– Смотри, Даг, – кричал старик Торстейн, – когда придут эти хольмгардские, чтобы они вместо дани не забрали у тебя эту дису! Они ведь живо разглядят, где есть хороший товар!

– Мы им нашу дису не отдадим! – кричали в ответ другие мужчины.

– Уж больно они там ушлые, в Хольмгарде, да и мы тоже не рохли!

– Хватит с них того раза, как они увели дочку у старика Тойсара! Если они потянутся к дочке Дага, можно будет им эти руки укоротить! Правда, Арнор?

– Илетай сама пожелала выйти за Велерада, – спокойно отвечал Арнор, которого это напоминание больше всего касалось. – Они поступили по закону, и я не жду, чтобы люди Олава вздумали обойтись нечестно с нами, своими товарищами.

– Ну, тебе виднее!

Арнэйд с тревогой взглянула на брата: почти четыре года назад Даг пытался сосватать за него старшую дочь Тойсара, и таково же было горячее желание самого Арнора. Илетай и правда была прелестной девушкой: очень красивой, во всем искусной, многое перенявшей из хитростей своей матери, авы⁵ Кастан, но далеко не такой вредной. Однако Илетай сделала иной выбор: убежала из дома и вышла за Велерада, Свенельдова младшего брата. Конечно, Арнор не мог отнестись к этому равнодушно, это его задело, но он сумел одолеть обиду, а уж теперь, после похода на сарацин, никакие насмешки не вредили его чести. Никто не сомневался: пожелай он, и к нему доставят любую невесту Бьюрланда и Мерямаа, даже, пожалуй, другую дочь того же Тойсара. Ведь непреклонной покшавы Кастан, что противилась браку дочери с русом, давно нет в живых...

⁵ Ава – мать, то есть уважительно обращение к женщине; покшава – «великая мать», именование жен старейшин. (Мерянский язык до нас не дошел и является предметом реконструкции. В некоторых случаях приведены реконструированные мерянские слова, по книге Андрея Малышева-Мерянина, а там, где их не хватило, роль мерянского играет марийский язык, как его ближайший живой родственник, по записям XIX века. В наибольшей степени это касается личных имен, поскольку возможностей реконструкции древних мерянских имен для потребностей целого романа совершенно недостаточно.)

Но тут же мысль Арнэйд перескочила к Свенельду – ей хватало и меньшего повода, чтобы о нем подумать. Люди из Хольмгарда приходят в Силверволл после йоля, когда никаких пиров и праздников нет. Вот если бы он увидел ее сейчас, в этом ярком наряде, с прической валькирии, со священной чашей в руках! Пусть в ней нет крови конунгов, но выглядит она едва ли хуже тех женщин, в ком она есть!

– Можно найти средство повернее! – раздался довольно близко знакомый голос, вторгаясь в ее мысли. – Нашей дисе нужно выйти замуж, и тогда никто не сможет ее у нас отнять!

Арнэйд повернулась. Гудбранд, красный от пива, приветливо ей улыбался и делал знаки подойти. В руке он держал питейный рог, явно пустой, и Арнэйд не могла пренебречь этой просьбой. С медным кувшином – тоже из числа сарацинской добычи – она подошла к нему, осторожно наклонила кувшин и стала лить пиво в рог.

– Арнэйд, что ты думаешь об этом? – Когда она закончила, Гудбранд взял ее за руку.

– О чем? – Она отняла руку из его горячих пальцев, стараясь не хмуриться.

– О том, что я говорил тебе. Не хотела бы ты выйти за меня? Дом нуждается в хозяйке, хозяйство мое тебе известно, оно и вашему не уступит. И детей у меня всего двое, после вашей оравы тебе будет гораздо легче. Не думаю, чтобы твой отец счел меня неподходящим родичем. Если ты согласна, то мы можем справить свадьбу на этих праздниках. У меня найдет, из чего варить пиво!

– Не спеши так, Гудбранд! – Арнэйд старалась говорить ровно, не выдавая того, что это лестное предложение вызывает в ней лишь неловкость и досаду. – Я ведь еще не дала согласия.

Она бросила быстрый взгляд по сторонам, отыскивая Арнора, в надежде, что брат как-нибудь спасет ее от этого разговора. Но Арнор сидел далеко, увлеченный беседой с Торлауг, дочерью Торстейна, и их не слышал. Да и какой у него был бы повод вмешиваться – Арнэйд довольно взрослая, чтобы жених имел право обращаться к ней самой.

– Ну так дай! – ответил Гудбранд, будто речь шла о безделице.

Люди вокруг, прислушиваясь к этому любопытному разговору, одобрительно посмеивались. И в самом деле – во всем Бьюрланде едва ли найдется мужчина, больше подходящий дочери Дага. А сама Арнэйд подумала: наверное, вид ее возле жертвенника, с чашей в руках, где он раньше видел собственную жену Хильд, укрепил намерения Гудбранда, а пиво и вовсе стерло в его глазах разницу между двумя «дисами».

Или он для того и предложил Дагу доверить ей эту обязанность, чтобы подвести всех к этой мысли?

– Я не могу, – с прорвавшейся тоской ответила Арнэйд.

Она досадовала на Гудбранда: этим разговором он убил ее воодушевление и снова сделал «домашней дочкой», засидевшейся в невестах. А главное, вклинившись в ее мечты о Свенельде, будто попытался подменить его собой, и этого она не могла ему простить.

– Что тебе мешает? Не думаю, что твой отец будет против. Чем я могу ему не понравиться? – Гудбранд добродушно усмехнулся такой нелепости. – Он обещал тебя не удерживать.

– Я не могу его оставить, – твердо ответила Арнэйд, в этой мысли обретая почву под ногами. – У нас в доме семеро малых детей. Еще у меня двое неженатых братьев, шесть человек челяди, десять коров, не считая прочего скота. Моя мачеха занята с малыми детьми, она и отец не смогут обойтись без моей помощи.

– Это не причина. – Гудбранд допил пиво, положил рог на стол, встал и сложил руки на груди, отчего его плечи стали выглядеть еще внушительнее, мышцы проступили буграми. – Я желаю Дагу всегда оставаться таким же богатым – детьми, скотом и челядью, – но не может же его дочь из-за его богатства всю жизнь оставаться незамужней!

– Верно, Гудбранд! – поддержали его соседи по столу. – Такого не бывает!

– Что-то не слышно, чтобы девушке из богатого дома было труднее выйти замуж, чем из бедного!

– За хозяйством должны смотреть служанки, – продолжал Гудбранд. – И если у вас их не хватает, то почему, во имя всех зимних дев ётунов, почему твои братья не раздобудут столько, сколько надо? Эй, Арнор! – закричал он, не успела Арнэйд опомниться. – Вы так прославились своим походом, но почему же вы не можете добыть рабынь и освободить свою сестру, чтобы она наконец нашла себе мужа?

Услышав свое имя, Арнор обернулся, потом встал и подошел. У Арнэйд екнуло сердце при виде его нахмуренных бровей. Рослый и прекрасно сложенный, в зеленой рубахе, отделанной красно-желтым шелком с орлами, Арнор выглядел очень внушительно. В волнении теребя серебряную коробочку у себя на груди, Арнэйд думала: только еще драки здесь не хватало!

– Как только моей сестре понадобится муж, она немедленно его получит. – Все еще хмурясь, Арнор вопросительно взглянул на Арнэйд и сразу понял: не сейчас. – И пока я жив, я не позволю никому говорить, будто мало забочусь о ее счастье.

– Тогда почему ты не придумашь что-нибудь, чтобы она не крутилась с утра до ночи, а могла подумать о себе и своем устройстве? Если ей не на кого оставить хозяйство, то ты мог бы найти еще хоть пять рабынь... Что же вы не привезли ей служанок с Хазарского моря? – Гудбранд наклонился вперед.

– Ты знаешь, что мы не привезли никакой челяди. Это было невозможно в таком долгом пути, наши суда были заполнены другой добычей.

– Ну так сходил бы еще в какой поход и достал рабов! – смеясь беззубым ртом, посоветовал рыжий Кольбейн. – Х-хе! Мало ли мест поближе, чем Хазарское море!

– Пусть лучше тот, кто беспокоится, покажет себя! – крикнул кудрявый весельчак Ульвар. – Гудбранд, а ты сам-то на что способен? Ты не ходил с нами в поход, и не тебе упрекать других!

Все зашумели. Три десятка человек, что ходили за море под водительством сыновей Дага, стали в Бьюрланде людьми уважаемыми, как всякий, кто повидал чужие страны, показал себя храбрецом и добыл богатство. Но и сидевшие дома не хотели уступить свое достоинство, и на всяком собрании, особенно когда люди разгорячены питьем, между ними вспыхивали перебранки. Миротлюбивый Даг, которому приходилось разбирать все споры в Бьюрланде, уже не раз сетовал на то, что этот поход расколол единство жителей.

– Я? – Гудбранд повернулся к Ульвару. – Я не из тех, кто подбивает других, а сам ни на что не способен. Арнэйд, если я приведу тебе пять рабынь, тогда ты сможешь оставить дом?

Арнэйд бросила на Арнора взгляд, явно моливший о помощи. Она не собиралась принимать никаких условий и давать Гудбранду какие-либо обещания, пусть даже это грозило испортить пир; но испортить священный пир Дисаблота, на котором она впервые выступала «хозяйкой чаши», было бы уж очень досадно!

– Приведешь? – Поймав ее взгляд, Арнор повернулся к Гудбранду. – Откуда же ты их возьмешь?

– Куплю. Когда буду зимой собирать пушнину, спрошу у мери, не хочет ли кто продать девушек. У бедных родов, кому трудно всех прокормить, их можно достать не так уж дорого. Все равно их, – Гудбранд хохотнул, – летом умыкнет какой-нибудь чумазый удалец, и родня ничего за них не получит.

– Если братья девушки брали добычу в чужих краях на войне, ей не много чести получить купленную челядь! – поддел его Виги. – Да еще и за *недорого*.

– Что же ты пре... – Гудбранд икнул, – предлагаешь?

Братья быстро переглянулись.

– Чтобы свататься к девушке, у которой братья бывали за морем... – Арнор взглянул на Арнэйд, стараясь по лицу понять ее желания. – Сначала мужчина должен показать, что не уступает ее родичам в доблести и она не уронит себя, покинув ради него такой прославленный род!

– Но не могу же я ждать, пока Олав соберется утроллить... то есть устроить еще один поход!

– Не нужно ходить так далеко, – подсказал Виги. – Сыновья Альмунда прошлой зимой пошли на край хазарских владений. А от нас можно сходить... да хотя бы дальше на восток по Мерянской реке. То есть по Валге. Восточная меря и чермису не богаты серебром, но уж челядь у них достать легко.

– Что, Гудбранд? – Арнор слегка склонил голову набок. – Нравится тебе эта затея?

– Ты хочешь, чтобы я снарядил дружину на восток?

– Именно этого я хочу.

– А вы? – Гудбранд пытался стряхнуть хмель и сообразить, во что ввязался.

– Да и мы, – Арнор взглянул на младшего брата, – пойдем с тобой, чтобы убедиться...

– Что ты можешь брать добычу с бою, а не покупать за недорого! – закончил Виги.

– Уж я сумею сделать это дело не хуже всякого другого! – заверил Гудбранд. – Но твоя сестра и Даг должны пообещать, что если я доставлю пять рабынь, он примет их как выкуп за невесту...

– Нет, – отрезала Арнэйд, когда все посмотрели на нее. – Ты, Гудбранд, идешь в этот поход ради своей чести. Пока дело не кончено, не стоит пытаться замышлять...

– Но дочь Олава поступила так! – напомнил толстяк Вигфус, хозяин из Ульвхейма. – Она пообещала выйти за Годреда сына Альмунда, когда он отомстит! Если дело его удалось, они, надо думать, давно поженились.

– Ульвхильд – дочь конунга! – Арнэйд подавила вздох. – Пытаясь во всем подражать ей, я была бы смешна!

В тот вечер она еще не знала, насколько более мудрой, чем Ульвхильд, показала себя сейчас...

Глава 3

Назавтра Арнэйд с досадой вспоминала пир и спрашивала себя: да чем ей так не угодил Гудбранд? И мужчина, и жених он лучше всех в Бьюрланде – кроме ее родных братьев, конечно. И собой недурен. Уж лицом он не ётун – правильные приятные черты, свежий вид, всегда он приветлив и весел. Она сама едва ли понимала, чем он ей не нравится. Может, слишком мягким взглядом, слишком пухлой нижней губой, что делало его таким непохожим на... на того, о ком ей вовсе незачем думать. Если рассудить толком, эта мягкость во взгляде обещает его жене спокойную жизнь. Гудбранда никто не считает человеком вздорным, и, наверное, с ним будет легко поладить. Но Арнэйд не ощущала охоты стать его третьей женой, даже если ей достанутся в наследство все наряды двух первых.

Да и поздно думать. И Гудбранд, и ее братья дали обет на священном пиру Дисаблота, перед богами, альвами и дисами, приглашенными к угощению, и нельзя отказаться от похода, хоть они все трое перед этим женись.

На отца Арнэйд поглядывала не без смущения. Дело-то вышло нешуточное, и многие назовут причиной ее разборчивость – как это скажется на добром имени их дома? Привередливых невест не уважают, и женщина, которой никакой жених не хорош, обычно заканчивает плохо. Даг прятал от дочери глаза, укрепляя ее опасения.

Как вскоре оказалось, Даг сам чувствовал себя отчасти виноватым перед нею.

– Послушай, Аркей... – сказал он ей вечером, когда она замешивала ржаное тесто для лепешек.

Аркей, что по-мерянски значит Большая, ее прозвала мелюзга, и Арнэйд не раз уже замечала, что отец, повторяя за ними, называет ее так же.

– Послушай меня... – Даг остановился возле нее, и Арнэйд повернулась к нему, держа на весу перепачканные липким ржаным тестом руки. – Я подумал... не обижена ли ты на меня?

– Обижена? – Арнэйд удивилась. – О чем ты, ати⁶?

Когда она была маленькой, родители между собою и с нею говорили по-русски, но, подрастая в тесном соседстве с мерей, она с детства знала и мерянский язык, а в последние десять лет незаметно для себя нахваталась, как и братья, слов от детей Ошалче.

– Ты давным-давно уже взрослая женщина. Ты могла бы выйти замуж лет пять назад, и это не было бы слишком рано. Когда твоя мать вышла замуж, ей было только шестнадцать, и в Альдейгье считали, что это самое время. Они там от словен переняли обычай выдавать дочерей через пару лет после того, как те начнут раз в месяц пачкать сорочки. Но мы-то здесь никуда не спешим... К тому же столько детей, ты так много помогаешь нам с ма... с Ошалче, и я как-то позабыл, что тебе давно пора иметь свой дом. А ты мне ничего не говорила. Но как бы ты ни была нам нужна, я не позволю из моей родной дочери сделать рабыню. Если вам не хватает Пайгалче и Укунай, я могу и сам раздобыть вам в помощь еще какую-нибудь девушку! Обойдусь без помощи Гудбранда или еще какого паттара⁷, не так уж я немошен! Ну а если ты хочешь выйти за Гудбранда – или за кого-нибудь другого, – я буду рад поставить пиво для твоей свадьбы хоть завтра.

– Ох, ати! – Не прикасаясь к отцу руками в тесте, Арнэйд слегка боднула его лбом в грудь. – Ты вовсе не превратил меня в рабыню. Я рада жить с тобой... даже если мне хочется убить всю эту мелюзгу каждый день по три раза! Вон, ночью у Ерлави опять кровь носом пошла, теперь подушка грязная... Я не хочу выходить за Гудбранда. И ни за кого другого не хочу. Мне очень жаль, что вчера все так получилось и теперь они опять собираются в поход. Но я

⁶ Ати – батюшка.

⁷ Паттар – богатырь.

не знаю, как я могла бы этому помешать! Знаешь, как говорят: куда судьба катится, туда все и придет!

– Что до похода, то я давно этого ждал, – повторил Даг уже сказанное вчера. – Если люди рождаются с отважным сердцем, то стоит им один раз повидать мир, и дальше им всю жизнь будет скучно на своем хозяйстве... Поэтому в Северных Странах дренги так часто уходят в викинг⁸, и многие больше никогда не возвращаются к своим старым родителям. Рунической палочки от этой хвори еще ни один мудрец не вырезал. Вчера мы звали на пир предков – предки Хринга и Бьярнхедина заставили моих сыновей искать славы в чужих краях...

Арнэйд вздохнула и снова занялась тестом. Если чего-то хотят предки, она против них бессильна.

* * *

Перед окончанием знаменательного пира Арнор и Гудбранд просили всех разнести весть о новом походе и пригласили желающих через три дня в гостевой дом на совет. Собралось с полсотни отроков и мужчин – русы из всех трех поселений Бьюрланда и окрестные меряне. Далеко не все горели желанием братья за оружие, многие пока хотели только послушать, какие замыслы вынашивают организаторы похода и как намерены их осуществить.

Определять точно цели похода было рано – это зависело от того, сколько людей получится набрать. Арнор с Виги и кое-кто еще хотели бы добраться до земли чермису – это многочисленное племя, обитавшее на реке Валге между Мерямаа и Страной Булгар, служило главным препятствием на пути к болгарским торгам. Еще болгары прошлым летом предупреждали русов, что чермису не любят пропускать чужаков через свои земли, и в их воинственности те сами убедились по дороге.

– Если бы мы могли дойти до чермису и нанести им урон, то показали бы себя не хуже, чем сыновья Альмунда, которые пошли на хазарских вятичей на Упе! – говорил на совете Арнор, и его большие серые глаза блестели от воодушевления. Даже близкие люди редко видели его таким оживленным. – Ведь чермису тоже платят дань хазарам, хоть и собирают ее болгары. Если бы мы пошли туда, то могли бы считать, что сами отомстили хазарам за наших погибших.

– А далеко ли до тех земель? – спрашивали те, кто не был в походе.

Власть Олава конунга заканчивалась на Мерянской реке. То, что дальше на восток, было почти так же неизвестно, как тот свет. Конунги Хольмгарда запрещали торговать с теми, кто не платил им дань. Расчет был прост: за куницу в год можно обрести право выменивать серебро, бронзу, хорошие ткани и железные изделия, а кто не желает, пусть ходит в лосиной шкуре. Ватаги ловцов иной раз отваживались забираться на восточный берег, но случались столкновения: тамошние люди не любили «русских», то есть тех, кто платит дань в Хольмгард. Поэтому земли за Мерянской рекой казались уходящим в бесконечность царством мрака. Отделаться от этой привычной мысли не могли даже участники похода, по опыту знавшие, что текущая на восток река ведет к Стране Булгар и Хазарии, а не прямо в ледяной Ётунхейм.

Арнор, Виги, Снэколь, Ульвар и еще кое-кто из их спутников стали вспоминать и подсчитывать. Получалось, что от земель чермису до Бьюрланда они прошлой осенью добирались около месяца.

– Но то ведь мы гребли вверх по реке, суда наши были тяжело нагружены, а людей на веслах было мало! – восклицал Ульвар, по прозвищу Любимец Норн, горячий сторонник широких замыслов. – Если идти вниз по реке, да на легких лодках, то доберемся дней за десять!

⁸ Слово «викинг» изначально имело смысл «военный поход».

– А назад как? – возражал ему Рунольв, человек куда более благоразумный. – Похолодает, пойдет по воде шуга, а нас... у вас лодки будут нагружены – идти по воде станет невозможно! И застрянем мы... вы застрянете в двадцати пеших переходах от дома посреди чужой земли, где вокруг сидят очень злые на вас люди.

– Да что нам эти люди! Дворы вдоль реки можно сжечь, отогнать их подальше в лес, и никто не посмеет к нам сунуться на обратном пути!

– Если все дворы пожечь, самим на снегу ночевать? Не много же вас вернется!

– Уж тебе бы, Ульвар, стоило быть более благоразумным, – язвительно сказал Торфинн. – Ты уже лишился всего, что у тебя было, а осторожности так и не научился! Все полагаешься на удачу!

– Ну, то же были викинги... – Немного сникнув, Ульвар почесал в кудрявом затылке. – Сам Эйрик Берсерк, а он еще в двадцать лет Стюра Одноглазого одолел и всех его людей перебил. Разве здешние лесные люди могут с ними сравниться?

– Если этих лесных людей с луками собирается много, они представляют немалую силу, – возразил Ульвару Даг. – Ты сам должен знать, ведь с вами на Хазарское море ходила дружина Тумая, Талая и еще кое-кого из мерн. Они показали себя совсем не плохо.

– Так и мы себя показали неплохо! Посмотри на моего Кеденея! Он дикий человек, едва может сказать три слова подряд, но даже он понимает, что этот поход даст нам хорошую добычу! Кеденею можно верить – на добычу у него нюх!

– У него нюх, а у меня было пятеро сыновей! – сурово отвечал Торфинн. – Пятеро их было, когда я приехал с ними в Бьюрланд, а теперь их четверо. Старший остался на этой троллевой реке, длинной, как сам Змей Мидгард, его убили какие-то буртасы, чтобы ётуны взяли их всех. Не очень-то мне хочется, чтобы вслед за ним отправились еще один или двое.

– А разве твои сыновья не желают отомстить за родного брата? Как они посмотрят в лицо сыновьям Альмунда, когда те придут за данью?

– Мы еще не знаем, чем кончилась та вылазка! – Торфинн разозлился попрек его сыновьям. – С чем сыновья Альмунда вернулись к Олаву – да и вернулись ли? Может, удача совсем его покинула и хазары разбили их еще раз!

– Не следует так говорить! – Арнор нахмурился, видя, что эта речь лишает мужества нерешительных. – Что бы там ни было в Хольмгарде, удалось Олаву отомстить за своего зятя или нет – у нас есть своя собственная удача, и я предпочитаю рассчитывать на нее!

– Это самое правильное! – охотно поддержал его Ульвар. – Надо полагаться на свою удачу, и отважного человека она никогда не предаст! Норны – женщины, они любят тех, кто храбр и никогда не унывает!

– Да уж ты знаешь, о чем говоришь! – усмехнулся Рунольв.

Как и Торфинн, Ульвар был в Силверволле человеком новым. Он родился за Варяжским морем и остался в Силверволле год назад, когда войско проходило от Валги на запад. Владелец живых повадок и белозубой улыбки, Ульвар уверял, что раньше был богатым торговцем пушниной, но его ограбили викинги и отняли прямо в море корабль с товаром. В пушнине он и впрямь разбирался, но в его сагу о грабеже люди верили не очень; Рунольв говорил, что Ульвар, человек легкомысленный и азартный, однажды на торговом дворе на Готланде проиграл в кости весь свой товар одному жуку из Хедебю, после чего ему пришлось забыть о возвращении на родину и поискать счастья в чужих краях. Летом перед сарацинским походом об этом случае поговаривали в виках. Но Ульвар сохранял бодрость, сам ходил на лов, покупал меха и шкуры у мерян и потихоньку восстанавливал свое благополучие. В походе он показал себя неплохо, на свою долю добычи обзавелся домом в Силверволле и хозяйством. Прошлой зимой, когда из Хольмгарда приехали за данью, он послал через людей Халльтора весть за море своей жене, которая уже несколько лет ничего не знала о его судьбе. Она жила на восточном побережье Свеаланда, и кое-кто из свеев намерен был весной держать путь как раз в те края.

«Ее зовут Снефрид, она дочь Асбранда Эриля, с хутора Оленьи Поляны, его там все в округе знают! – объяснял Ульвар людям Халльтора. – Корабельная сотня Лебяжий Камень. Расскажите, что я жив, обосновался здесь, что у меня свой дом и хозяйство... Пусть она меня не ждет назад. Но только другим лучше не выдавать, зачем вы ее ищите».

«Уж не думаешь ли ты, что она к тебе придет? – изумилась Арнэйд, слышавшая этот разговор. – Не всякий мужчина может совершить такой путь без своего корабля и дружины!»

«Если она захочет, то справится! – с глубокой, отдававшей благоговением верой в способности жены отвечал Ульвар. – Хотя путь не близкий, это да! Ведь это надо добраться сперва до Бьёрко, найти там корабль с надежными людьми, идущий в Альдейгью, из Альдейгьи перебраться в Хольмгард, а там дожидаться, пока люди Олава поедут сюда за данью... Но надо же ей знать, что со мной. Что если она и впрямь захочет приехать? Конечно, для одинокой женщины... да нет, никак нельзя! Где же сыскать таких надежных людей, которые ее не ограбят и не продадут саму на рабском рынке Готланда?»

«А когда эта отважная женщина сюда придет, она обнаружит у тебя тут мерянскую жену!» – насмешливо ответила Гисла.

«Так я же не знаю, может, она там решила, что меня нет в живых, и снова вышла замуж. А мне жить всю жизнь одному? Не сам же я буду доить это троллеву козу и кормить этих ётуновых кур!»

Арнэйд и другие женщины смеялись, но считали, что Ульвар поступил верно: ждать приезда жены из-за моря и правда казалось делом бессмысленным. Насчет себя Арнэйд сомневалась, что решилась бы на такое путешествие, да еще ради мужа, который проиграл все имущество в кости!

В Силверволле Ульвар быстро подружился с ловцом из мери, Кеденеем, взял в жены его сестру Кеганай, и теперь они жили втроем. Кеденей – широколицый, с низким лбом, с такими высокими и округлыми скулами, что напоминали два яблока у него на щеках, с вечно спутанными и растрепанными темными волосами и такой же бородой, ничуть не походил на разговорчивого, кудрявого Ульвара и рот открывал в основном во время еды, но меж собой они отлично ладили. Лесная жизнь сделала его смуглое, обветренное лицо лишенным возраста, только по блеску карих глаз было видно, что он скорее молод, чем стар.

Предзимье выдалось неприятное, хмурое и холодное: часто шли дожди, дул пронизывающий ветер, тропы были покрыты лужами и грязью. По вечерам ветер так завывал над кровлей, так рвал над нею воздух, будто хотел вовсе обезглавить избу. В такую пору мало охоты высовываться под открытое небо, благо почти все работы вне дома закончены. Однако сыновей Дага часто не бывало дома – они ездили по округе, собирая свою будущую дружину. Арнэйд, слушая шорох дождя, жалела их, разъезжающих в такую погоду в мокрых плащах, но братья, возвращаясь домой, выглядели бодрыми и вполне довольными. Вести об их замысле расходились все шире, то и дело в Силверволл приезжали люди, чтобы заявить о своем желании к ним присоединиться. Не раз Арнэйд посылала кого-то из мелких в кузницу – звать братьев домой, потому что кто-то приехал и желает их видеть. Каждый вечер за ужином они принимались заново считать, много ли набирается людей. Не раз с тем же самым приезжали Гудбранд и Снэколь. От величины дружины зависело, насколько далеко получится зайти. Арнор, хоть и мечтал сравниться с сыновьями Альмунда, на свои возможности глядел здраво и понимал, что с дружиной около сотни человек на десятки переходов удаляться не стоит. Пока он наметил себе целью восточную часть земле мери – за Мерянской рекой, куда не простиралась власть Олава. Когда он думал об этом деле, у него сердце трепетало от мысли, что он, Арнор сын Дага, пойдет за добычей туда, куда сто лет назад не дошел Тородд конунг.

– Больше сотни мы едва ли соберем, – говорил Арнор вечером за ужином. – С таким числом мы до болгар, конечно, не дойдем...

– Знаешь, а я уже передумал! – заявил Виги, облизывая ложку. – У болгар нас так кормить не будут!

Перед осенними пирами забили бычка, и сегодня Арнэйд приготовила кашу из полбы, запеченную в горшке с размятой вареной репой и кусочками говядины, политую маслом и посыпанную раскрошенным сыром. Все за столом засмеялись, и Арнор тоже: он явно повеселел в ожидании похода, бывшее равнодушие ушло, его большие серые глаза весело заблестели.

– Я вижу, и меряне тоже просятся с вами, – заметил Даг. – Вчера был Сустык, сегодня Чолга...

– Сустык просил взять его сыновей, чтобы они раздобыли себе невест, – засмеялся Виги. – Им не везло на лову, нет средств на выкуп, вот они и хотят раздобыть девок там, где выкуп платить не надо.

– И вам бы стоило позаботиться о себе! – ответила ему Ошалче. – Хотя бы и так! Если у вас у каждого будет в доме по жене, вам будет не до походов куда-то к кереметам!

У мерян, как и соседей их, главным способом женитьбы было похищение; даже сам пан Тойсар, главный их жрец и судья, сидящий в Арки-Вареже, не мог отказаться от этого обычая, благодаря чему Свенельд и раздобыл невесту для младшего брата. Но, под влиянием многочисленных русов, насильственное похищение все больше уступало место сговору, а завершалось примирением при помощи выкупа и даров. Тем же, у кого не было куниц и серебра на выкуп, искали невест в дальних ялах.

– Чтобы найти челядь, очень далеко заходить не надо, – напомнил Даг. – Вы пройдете десяток ялов, чтобы каждому досталось кое-что, и к приходу сборщиков вернетесь. Можно будет сбыть им лишнее. Тогда это будет хорошее дело, которое подкрепит вашу честь и не навлечет на нас неприятностей. Я понимаю, Арни, тебе охота утереть нос Гудбранду, но... если ты возьмешь на себя слишком много, мы поссоримся с Олавом, а это ни к чему.

– Йора⁹. – Арнор слегка двинул плечом.

– Если вам повезет, мы укрепим свою силу и влияние. Но ведь может случиться и по-другому...

– Ма палем, – мягко ответил отцу Арнор. – Я это знаю.

Арнэйд подумала: он и правда знает. У него за спиной три года похода, трехдневная битва на Итиле, возвращение домой через неизвестность и глухой влажный туман... «Кажется, что мы уже умерли и будем грести так вечно...»

– Не надо слишком заноситься, – мягко посоветовала она. – Я прошу вас только об одном: чтобы вы отличились получше, чем Гудбранд, и он больше не смел ко мне свататься.

– Я не стану принуждать тебя выходить за Гудбранда, если он тебе не по душе, – с печалью сказал Даг. – Но хотел бы я тогда знать...

Он не закончил, но все поняли, что он хочет сказать.

– А что если однажды из лесу выйдет медведь и потребует невесту? – Арнэйд улыбнулась. – Раз уж в нашем роду такое водится, это может случиться и со мной.

– Дерево на меня пока не падало, – проворчал Даг.

– Брак с медведем обычно оказывается счастливым, – мечтательно продолжала Арнэйд. – Ведь он богат, и все у него в изобилии. И он всегда бывает очень добр к жене.

Арнэйд мысленно видела, как идет по лесу вместе с медведем, потом он, как в саге о Бьярнхедине Старом, просит ее подождать и скрывается в доме, а потом оттуда выходит человек... Выше среднего роста, с продолговатым лицом, с глубоко посаженными глазами цвета желудя, с твердой складкой ярких губ. От пристального взгляда этих глаз у Арнэйд даже в воображении обрывалось сердце. Он снова поцелует ее, возьмет за руку и поведет в свой дом...

⁹ Йора – ладно, хорошо.

Некоторое время все молча ели. Дети слегка возились, толкали друг друга и пинались под столом, но сегодня старшие не замечали их проделок.

– Ну а если нам не повезет, что мы потеряем? – сказал потом Арнор. – Всего лишь жизнь.

«От слова не зде-ла-еце», – чуть слышно прошептала Арнэйд заклинание на славянском языке, которому научилась еще в детстве от своей матери, а та – от бабки-словенки. Язык словен Арнэйд знала плохо, но кроме нее его не знал никто во всем Бьюрланде, поэтому заклинание, отвращающее злые последствия в худой час сказанных слов, казалось еще надежнее.

Глава 4

«И постарайтесь не попадаться на пути Одиновой охоте!» – пожелала своим братьям Арнэйд, когда после солоновороты провожала их из Силверволла на восток. «Йора, обещаю!» – только и сказал в ответ Арнор, обнимая ее. Впереди его ждали новые свершения, добыча и слава, о которых он мечтал целый год, но в эти мгновения возле оседланного коня ему острее всего хотелось одного – вернуться к ней.

Было это с месяц назад, и теперь Арнор, вспоминая то напутствие, мысленно отвечал: чего нам бояться, ведь Одинова дикая охота – это мы. Мы и есть та буйная рать, что выскакивает из зимних сумерек, и горе тому, кто повстречал ее...

Набралось около сотни человек – по большей части русы, но кое-кто из мерян тоже, – а значит, заходить очень далеко не стоило. От Силверволла Мерянская река почти сразу сворачивает на восток, и три перехода рать с тремя вождями – Арнором, Гудбрандом и Снэколем – прошла быстро, не отклоняясь от реки и никого не трогая, останавливаясь только на ночь. Ночевали прямо в лесу, сделав навесы и разложив длинные, медленно горящие костры, за которыми всю ночь посменно следили дозорные. Здесь, недалеко от собственного дома, русы не хотели привлекать к себе внимание и злить местных жителей. Их обычаи были хорошо знакомы: восточная мера отличалась от западной только тем, что не платила дань. Несколько раз в день на берегу попадались куды – полуземляночные мерянские избы; сейчас, зимой, над поверхностью снега виднелись только высокие жердевые крыши да курился из окошек дым. Наверняка оттуда их тоже видели, но никто не показывался, даже собаки прятались. И правильно: хорошего от сотни вооруженных людей, частью верхом, частью на лыжах, ждать не приходилось.

На четвертый день, после полудня, нашли то, что нужно – довольно большой бол, из десятка дворов. Он стоял не прямо над рекой, а дальше в лес, над притоком, и давала о нем знать лишь цепочка следов от проруби. Оставив сани у реки, русы надели шлемы и кольчуги, у кого были, взяли щиты и быстро устремились по узкой тропе в снегу. Первыми рванули всадники. С криком «Один!» два десятка конных ворвались в бол и обрушились на жителей, как Одинова буйная охота – внезапно и неумолимо. Залаяли псы, закричали женщины; иные пытались сбежать к лесу, другие забивались по углам в куды. Мужчин оказалось мало – в эту пору почти все взрослые, даже подростки, ушли на лов, остались дряхлые старики и малые дети. Однако иные успели схватиться за луки, и сам Арнор получил стрелу в грудь, едва оказавшись посреди бола. Успел подумать с удивлением, не смерть ли моя пришла на первых же мгновениях этого похода, но тут же невольно рассмеялся: стрела оказалась с тупым костяным наконечником, предназначенная для пушного зверя, и от хазарского пластинчатого доспеха просто отскочила. Не то первая, какая второпях попала стрелку под руку, не то других вовсе не было. Стрелков зарубили, тех, кто успел бросить оружие и упасть лицом наземь, связали. Казалось, захват бола занял несколько мгновений, и только ощутив, как прохватывает зябкой дрожью под доспехом – даже нижняя сорочка взмокла от пота – Арнор осознал, что потрудиться пришлось.

Жителей согнали в несколько хижин и приставили охрану. Остальные куды обыскали, но на большую добычу тут рассчитывать не приходилось: лишенная возможности торговать, восточная мера была богата только пушниной и лесным медом. В большой куде нашелся медный котелок с железной дужкой – должно быть, самое ценное из здешних сокровищ.

Вожди бросил жребий, и в этом боле выпало остаться Гудбранду. Вся дружина здесь просто не поместилась бы, и не более трети людей смогло бы ночевать под крышей. Гудбранд не огорчился: он пошел в поход за служанками для Арнэйда, и уже сейчас мог получить нужное, даже с выбором. Арнор и Снэколь двинулись дальше.

За следующие дни они захватили таким же образом еще несколько болов, и каждый обосновался в одном из тех, что побольше. Здесь держали добычу и ночевали, а днем обходили окрестности. При внезапных налетах на небольшие ялы, из пяти-шести дворов, где к тому же оставалось мало мужчин, отряд в полтора-два десятка хорошо вооруженных, опытных русов был неодолимой силой. Смирив охочих противиться, жителей загоняли в несколько домов, обыскивали остальные, забирали скотину – кормить дружину и пленных, – все оружие, меха, шкуры получше. Из пленных выбирали самых ценных – девушек, молодых женщин, здоровых отроков и парней. Этих вместе с захваченных скотом отводили в тот бол, где стоял вожак. Не менее десятка человек всегда оставалось сторожами при добыче. Несколько раз приходилось отбиваться: мужчины из ограбленных ялов, вызванные с лесного промысла молвой о набеге, собирались в ватаги и пытались освободить своих.

Здесьняя, восточная мера, несколько отличалась от привычной русам западной. Худошавые, невысокие – иные из мужчин рослому Арнору доставали макушкой только до плеча, – они были схожи с западными сородичами широкими, плосковатыми лицами и резкими скулами, по большей части имели такие же светлые глаза и волосы, но попадались среди них и темноволосые, кареглазые, смугловатые, с глазами не просто узкими, а слегка раскосыми, чем напоминали Арнору хазар и буртасов, виденных в низовьях Итиля. Но эти смуглолицые не оставляли каких-то отдельных родов или селений и жили среди других, тем же укладом и говорили почти тем же языком.

Однажды отряд под водительством самого Арнора, шедший с добычей – скотом и полонем – по льду реки, вдруг попал под ливень стрел из леса. Зная храбрость и упрямство племени меры, чего-то такого русы ожидали постоянно и не растерялись. Не желая стать легкой целью для стрелков, Арнор вел дружину вдоль низкого берега широкой реки; от высокого, откуда их можно было обстрелять безнаказанно, было слишком далеко. Стрелы летели густо – надо думать, в зарослях у низкого берега засело не менее полутора десятка стрелков. Две застряли в щите, висевшем у Арнора на плече; рядом кто-то вскрикнул, дернулась раненая лошадь Хьяльти, сына Торфинна. Краем глаза Арнор приметил, как кто-то из своих, ближе к лесу, упал на колени, хватаясь за бок.

– Стрелы! – рявкнул Арнор, вскидывая щит. – Бей!

На нем, как и на Виги, был шлем и хазарский пластинчатый доспех из добычи, и оба брата живо взялись за луки. У них хороших стрел хватало – все время между Дисаблотом и началом похода они не даром пропадали в кузнице. Выпустив по стреле, сыновья Дага погнали лошадей к лесу.

– Конные, за мной! – крикнул Арнор, на ходу выхватывая с пояса секиру.

Стрелы летели им навстречу, но в Арнора никто не попал – решительный порыв всадников заставил дрогнуть стрелков в зарослях. Тут было важно не дать им времени на стрельбу: размахивая топорами, Арнор, Виги, еще несколько верховых за ними ворвались в заросли у кромки берега, где засели стрелки.

Те уже пустились бежать – перед всадниками они были бессильны. Пока меряне оставались неподвижны, овчинные кожанки и кафтаны из лосиной шкуры делали их малозаметными возле заснеженных стволов и за еловыми лапами, но когда им пришлось тронуться с места, бóльшая быстрота сделала всадников хозяевами положения. Кто-то впереди и сбоку еще стрелял, но Арнор не стоял на месте, а заросли мешали и стрелкам. Стрелы с щелканьем сбивали ветки то позади лошадиного хвоста, то сбоку, Арнору на голову сыпался снег с деревьев, но он в треске ломаемых кустов мчался сквозь заросли, видя, как мелькает впереди спина бегущего врага – в овчинном кожухе, в меховой шапке, с зажатым в руке луком. Снега было по колено – для коня это не помеха, а вот человеку приходилось трудно.

Слыша все ближе за спиной треск ветвей, лесной стрелок понимал, что не уйдет. Остановился под толстой елью, отбрасывая лук, второй рукой вырвал из-за пояса топор, замахнулся...

но Арнор успел первым и сверху обрушил лезвие секиры на голову противника, прикрытую только шапкой. Тот рухнул с разрубленным черепом. Вскинул топор, Арнор быстро огляделся с седла, насколько позволял шлем, выискивая новых врагов. Рядом никого не было, и он развернулся к реке.

Оглядывая заросли, он вскоре заметил еще одного мертвеца из чужих, со стрелой в спине. Ульвар и Кеденей уже его перевернули и шарили за пазухой. Арнор сам приказал обыскивать по возможности тела и не оставлять никакого оружия. Больше у мери обычно взять бывало нечего, но если у кого находилась бронзовая серьга или медный перстенок, Ульвар и этим не пренебрегал. Увидев Арнора, ломящегося верхом через мелкие елки, Ульвар помахал рукой и крикнул, задыхаясь:

– Мы сейчас!

Шапка у него сбилась на затылок, русые кудри прилипли к потному лбу, кожух на плече был разорван, видно, стрелой, но пятен крови Арнор не заметил.

Едва Арнор выбрался из зарослей обратно на лед, как сразу увидел – еще не все. На реке шла драка. Здесь оставался взятый в последнем яле полон – десяток молодых женщин и несколько отроков – и с десяток голов разного скота. Полон был привязан попарно к длинной жерди – из такого положения невозможно было разбежаться в случае какой заминки. Возле полона человек пять русов отчаянно отбивались от десятка мерян, еще несколько лесовиков тем временем спешно освобождали пленных, разрезая путы на руках. Пять-шесть женщин уже бежали к лесу, одна, крепкая баба, тащила на плечах козу. На льду лежало несколько тел – Арнор мельком заметил двоих русов и несколько мерян, убитых и раненых.

Размахивая секирой, он налетел на мерян возле полона. Кого-то рубанул с ходу, прикрылся щитом от нацеленного копья, отмахнулся от двоих, что пытались ухватить его за ногу и сорвать с седла. Рядом, яростно вопя, дрался Виги. Вдруг он полетел наземь, и Арнор запоздало сообразил, что в них стреляют. Его оттеснили от полона, но тут из лесу подоспели еще трое-четверо всадников и человек пять пеших – теперь они погнали мерян прочь.

– Назад! – орал Арнор. – В лес не ходить!

Двое, за которыми он гнался, скрылись за елками. От своих он оторвался шагов на полста. Надо возвращаться, успел подумать Арнор... и вдруг получил такой удар в голову, что кувырок полетел с седла на твердый лед, и весь мир мгновенно поглотила тьма...

Очнувшись, Арнор ощутил только холод по всему телу. Голова звенела, гудела и болела. С усилием чуть подняв голову, он кое-как разлепил веки – свет резанул по глазам, замутило. Потом он понял, что лежит лицом в лед. Лица он почти не чувствовал. Упираясь в лед руками, Арнор поднял тяжеленное тело и сел.

Перед глазами все плыло, но он разглядел мечущиеся возле опушки фигурки. Значит, без сознания он пролежал совсем недолго, несколько мгновений. Драка еще идет. И он вроде как жив.

Шлем съехал на бок, мешая обзору, и Арнор попытался его поправить. Рука наткнулась на что-то, чего у него на голове не должно быть. У него выросли рога? Нет, один рог, слева. Едва совладав с ремешком, Арнор снял шлем и хрипло вскрикнул от изумления – в стальном боку шлема торчало обломанное древко стрелы. Арнор заглянул внутрь – на грубом льне стегаемого подшлемника, среди рыжих разводов засохшего пота, краснело небольшое пятно. Яркое, свежее. Он схватился за голову – волосы слегка влажные и липкие. На пальцах кровь.

Холодея, он вынул подшлемник – тот дался не сразу, что-то его держало. В шлеме изнутри торчал погнутый железный наконечник. Едва соображая, Арнор попробовал пошевелить его пальцем: засел крепко. Невидимый стрелок из леса попал ему в голову; с близкого расстояния стрела пробила шлем, но железо наконечника было куда хуже, чем железо шлема, наконечник погнулся и засел в подшлемнике, пробив его совсем чуть-чуть и лишь расцарапав

кожу. А будь железо наконечника чуть получше – он вошел бы ему в череп и засел в мозгу. То есть он упал бы с коня уже мертвым.

От опушки доносились крики. Арнор решительно запихнул подшлемник обратно в шлем и надел. С обломком было не очень удобно, но куда лучше, чем совсем без шлема!

Встав на ноги, он первым делом подобрал щит, потом огляделся, отыскивая своего коня. Тот с перепугу убежал шагов на сорок и запутался в мелких елках. К счастью, стрелкам было некогда его ловить. Они, скорее всего, «ударили в поршни» сразу, как выпустили стрелы, даже не видели, как Арнор падал – иначе непременно подошли бы забрать его оружие.

Арнор призывно свистнул; конь, уже успокоившись, послушно вернулся и позволил ему сесть в седло. Прикрыв спину щитом, Арнор направился обратно к месту схватки.

Жердь, усыпанная обрывками мочальных пут, валялась на льду, последние две женщины, увязая в снегу, скрывались за кустами на опушке. Двое-трое русов преследовали их, огибая бьющуюся раненую лошадь; кто-то поскользнулся, упал. Арнору бросились в глаза Ульвар и Кеденей, гнавшиеся за женщинами. Тех прикрывал один мерянин; слыша погоню за спиной, он обернулся, взмахнул топором, и Ульвар отпрянул – своего щита он уже лишился. Кеденей ткнул в лесовика копьем, тот отскочил, Ульвар снова бросился на него с топором и вдруг упал. Кеденей оглянулся, и в этот миг женщины и их защитник скрылись за кустами.

– Кеденей, назад! – по-мерянски крикнул Арнор. – Посмотри, что с ним!

Сам он, наложив стрелу, готов был выстрелить на любое шевеление, но кусты лишь подрагивали, потревоженные бегущими. Арнор оглянулся: драка на льду прекратилась, мерян больше не было видно. Тогда он подъехал к Кеденею; тот сидел на снегу возле лежащего Ульвара и даже не пытался его поднять.

– Что там?

Кеденей не ответил. Но тут Арнор и сам увидел – в шее Ульвара, пробив ее насквозь, торчала стрела с черным железным наконечником.

«Готов», – мысленно отметил Арнор, и даже раньше, чем он успел осознать потерю, явилась мысль о Виги – где брат, как он-то?

Ульвару было уже не помочь. Развернув коня, Арнор поскакал к своим людям – оценить потери.

* * *

Вернувшись в обжитой бол и раздевшись, чтобы сменить влажную от пота рубаху, Арнор вновь увидел на груди пожелтевший синяк от стрелы. Осторожно ощупал царапину на голове – чуть выше виска. «Ну и рожа у тебя... – обронил Хьяльти. – Иди-ка умойся». Умываясь, Арнор понял, что лицо у него расцарапано и кожа на скуле, на щеке и подбородке содрана об лед. Долго теперь болеть будет. Но и это была мелочь по сравнению со стрелой в голове. Наконечник из шлема он вынул, подбив изнутри обухом секиры, но дыра осталась. Все его спутники приходили посмотреть, совали в дыру палец и шевелили им, давась глупым смехом. Арнор осторожно, чтобы не потревожить содранное, ухмылялся в ответ. Норны его пощадили. Не то что беднягу Ульвара. Мог бы тоже лежать холодным, с застывшим в глазах удивлением. Идущий на войну уже мертв, как говорил варяг Хальтор, один из вождей в хазарском походе, и за те три года Арнор свyksя с этой мыслью. Пара царапин – это даже не раны. А могло бы все для него кончиться. Можно считать, задаром отделался.

Виги тоже был почти невредим, только ушиб плечо и бок, когда падал с раненой лошади. Убитых было двое – Ульвар и еще один парень из Силверволла, Хаки Лепешка, заколотый копьем в борьбе за полон. Тело Ульвара принес на плечах Кеденей; от места битвы его везли на санях, но потом Кеденей больше никому не дал притронуться к своему зятю. Убитых решили здесь не сжигать, а увезти тела домой, благо зимний холод позволял, и передать родне.

Ближе к вечеру Кеденей подошел к Арнору и молча протянул ему что-то. Арнор взгляделся: узелок в довольно замызганной конопляной тряпочке.

– Это что?

Вместо ответа Кеденей знаком предложил самому посмотреть. Мало кому приходилось слышать его голос, и Арнор порой мельком удивлялся, откуда такая дружба между ним и Ульваром, который рта почти не закрывал, а главное, как Ульвар своего шурина понимает.

Взяв тряпочку, Арнор осторожно развязал узелок. И присвистнул: в нем лежали три шеляга – целых, новых и блестящих, будто луна в полнолуние.

– Это еще откуда?

Кеденей показал на восток и сделал быстрый знак под горлом, обозначая убитого.

– Тот мертвец в лесу? – Арнор вспомнил, что застал Ульвара и Кеденей за обыскиванием трупа. – У него взяли?

Кеденей кивнул.

Арнор переглянулся с Виги – брат пробился ближе, чуя нечто любопытное.

– Богато живут! – Виги многозначительно поднял брови.

Это прозвучало как насмешка – каковой и было. Лишенные доступа к заморским товарам, здешние жители пользовались только тем, что им давал лес и немного выжженных делянок: не имели ни хороших тканей, льняных и тонких шерстяных, ни тем более шелковых, ни серебра, ни стеклянных и сердоликовых бус. Бронза и медь встречались редко, да и те доходили невесть какими путями, видимо, от болгар и торговавших с ними народов откуда-нибудь с северо-востока. Здешние женщины растили и пряли коноплю, выделяли немного грубых шерстяных тканей, и любимой одеждой у восточной мери был кафтан из кожи, лосиной или телячьей шкуры, поверх которого в холода надевался кожух из овчины.

А тут вдруг три шеляга, да новых!

Стоило бы спросить у пленных, откуда такое богатство, но увы – сражение на реке лишило Арнора всего полона, остался только скот. До того он уже набрал больше трех десятков пленных и целое стадо; по одной рабыне и по паре овец или коз получит каждый в его дружине, и это после выделения ему заранее обговоренной доли вождя. Нынешнюю вылазку Арнор считал последней и собирался завтра же поворачивать назад. Но теперь передумал: он не позволит мере хвастать, будто они сумели напугать и прогнать русов в тот единственный раз, когда дали им настоящий отпор.

Прочие русы были так же возбуждены битвой и обозлены потерей добычи, и решение задержаться споров не вызвало.

– Я сам останусь завтра здесь, – сказал Арнор, – на случай если они тоже отдышатся и попробуют напасть на нас опять.

– А я пойду порыскаю! – кровожадно оскалившись, пообещал Виги. – Дашь мне твоего коня?

Арнор почти не сомневался, что меряне, воодушевленные вчерашней победой, сегодня попытают счастья снова. При себе он оставил половину дружины; еще в утренней темноте расставил в лесу дозорных, а остальным велел сидеть в кустах, особо не показываясь снаружи. Если меряне сочтут, что здесь никого нет, и понадеются на легкий успех...

До полудня все было тихо. Если кто и замышлял нападение, то на глаза пока не совался. А едва миновал полдень, как в бол вернулся Виги со своими людьми. Свои все были целы, но никакой добычи не привели.

– Что это вы так рано? – спросил Арнор, выйдя их встречать. – Грибов совсем нет?

– Смотря чего покажу!

Виги, пропустив мимо ушей насмешку, соскользнул с коня и поморщился от боли в ушибленном вчера плече. Сунул руку за пазуху, вынул что-то блестящее и протянул Арнору.

– Ё-отунова кочерыжка! – Вглядевшись, Арнор от изумления вытаращил глаза.

Перед ним был серебряный ковш величиной с две женские ладони. Позолоченный чеканный узор на боках, на конце ручки – росток с тремя лепестками. На дне изображен гордый всадник в степном кафтане с косым запахом, с выющим чубом на маковке выбритой головы, с тонкими длинными усами.

– Это еще откуда? Где ты это взял?

– Не поверишь. – Виги выразительно помолчал, доводя брата до высшей степени любопытства, и под ухмылки дренгов объявил: – На кладбище!

– Чего? На каком, ётуна мать, кладбище?

– Наткнулись мы, знаешь, загородка березовая, в три бревнышка высотой, видно, что свежая. Ну, сруб, знаешь, «домик мертвых»? Я подъехал глянуть, нет ли оттуда следов, смотрю – саатана¹⁰, блестит что-то. Хорошо, снега вчера не было, иначе завалило бы. А так – стоит, красуется, будто на столе у конунга. Там еще всякой дря... всяких даров навалено, деревянные чашки, горшки глиняные... А на березе над могилой – кафтан висит! Хьяльти, давай!

Виги махнул рукой, и Хьяльти с гордым видом, будто богатый торговец, развернул перед Арнором белый льняной кафтан, отделанный красным узорным шелком. У Арнора чуть не отвисла челюсть: вещь была явно дорогая, новая, а главное, так одеваются очень далеко от здешних мест. Такие кафтаны он часто видел в хазарских владениях – их носят ясы, сами хазары, буртасы, иногда булгары. Но не меря.

– Не желает господин примерить? – Хьяльти встряхнул кафтан, подражая купцу. – Как на господина сшито!

– Это откуда ж здесь такое? – Арнор перевел изумленный взгляд на брата.

– Я тебе что, вёльва?

– Да откуда ж тут такое возьмется, ётунова кочерыжка? С неба упало? Э, ты хоть догадался у той могилы людей оставить?

– Саатана, обижаешь, енвеля¹¹! Там след был слабый, вывел на реку, пропал. Но я был бы уж очень нелюбопытным, если бы не хотел знать, откуда принесли такую роскошь. А главное, нет ли там еще!

Арнор вспомнил три новеньких шеляга, найденных за пазухой убитого стрелка. Какие-то здесь чудеса творились – над рекой Валгой прошел серебряный дождь!

Выросшие в тесном общении с мерей, сыновья Дага хорошо знали ее обычаи. Их и самих порой приглашали за поминальный стол, когда умирал кто-то в роду бабки Личиви, матери Дага. Им было известно, что своих покойных у мери сжигают на погребальном костре, потом собирают обгорелые останки с кострища, укладывают в середину продолговатой ямы, завернув в кафтан и обвязав поясом, будто тело, рядом кладут перемену одежды и еще кое-какие погребальные дары. Засыпав яму, поверх нее ставят небольшой сруб – «домик мертвых», без одной стены, так чтобы можно было подкладывать туда дары и угощение. То, что на могиле обнаружили подношения, их не удивило. Удивило другое – откуда здесь настолько дорогие вещи, серебро, льняной кафтан с шелком? Найти их на кладбище восточной мери было почти так же невероятно, как в глухом лесу.

– Может, там какой яс похоронен? – строил догадки Виги. – Или хазарин?

– А хазарин здесь откуда? Какие ёлсы принесли?

Томимый любопытством, Виги даже расспросил полонянок. Девушки-мерянки – с круглыми, плосковатыми, скуластыми лицами, с глубоко посаженными глазами и гладко заплетенными русыми косами не поражали красотой, но были крепкими, выносливыми и ценились как работницы. Несмотря на приветливость, с какой к ним обращался Виги, и попытки их задобрить при помощи лепешек и меда, они отмалчивались, отворачивались, отводили глаза,

¹⁰ Саатана – древнее угро-финское ругательство, «черт!» (позаимствовано из персидских языков.)

¹¹ Енвеля – старший брат (мерянск.)

лишь иные бормотали, глядя в земляной пол куды: «Ма ом пале. Я не знаю». Чье это кладбище, какого рода был тот покойник с тремя шелягами? Кого из них спрашивать?

Имелся более надежный способ прояснить дело. Могила выглядела свежей, берзовые бревнышки сруба еще не высохли, крышей его еще не покрыли, а значит, последний пир мертвого пока не состоялся. Оставалось его дожждаться. Спрятанные за деревьями на ближайшей опушке, сменяя друг друга, дозорные сторожили могилу днем и ночью. Русы знали: ждать гостей надо ближе к вечеру, перед сумерками. Но в какой день? Чувствуя, что где-то рядом тайна, сулящая богатство, Арнор опять отложил возвращение домой. Он даже вернул на могилу серебряный ковш с хазарским всадником и ясский кафтан: гости покойного должны застать все так же, как оставили. Иначе дело не сладится.

Опасаясь излишне растревожить округу, в ближайшие дни русы никуда больше не выходили, сидели в своем боле. От скуки нетерпение томило еще сильнее. На четвертый день наконец в сумерках прибежал на лыжах Ботольв, один из дозорных: гости пришли...

Глава 5

Короткий, пасмурный зимний день угасал, когда из леса показалась вороняя лошадь, волокущая сани. Ее чернота так резко бросалась в глаза среди заснеженного леса, что Мукача вздрогнул – едет посланец Киямата¹², если не он сам! Безмолвие и неподвижность кладбища, за которым он наблюдал полдня, настроили на мысли об иномирном. Кого еще здесь можно дожидаться, кроме как посланцев из мира мертвых! Мукача был из мерян, живущих в Силверволле, и с ним на пару нес дозор русин, Ботольв. Сегодня Мукаче впервые выпало сторожить загадочную могилу, и он не раз уже принимался шепотом молиться Колом-Аве – Матери Кладбища: «Колом-Ава, та, что первой из людей была похоронена здесь, милая, добрая бабушка! Прошу тебя, не гневайся, что мы сидим здесь и наблюдаем за твоими могилами! Не обижай нас, не причиняй нам зла, не пугай нас и накажи всем твоим покойникам, чтобы лежали смирно и не вредили...» Могилы покрывал снег, лишь жердевые кровли, точно такие же, как у жилых куд, только маленькие, едва торчали над белым покрывалом. Там же, где домики мертвых развалились от ветхости, снежная пелена лишь слегка поднималась.

Мукача негромко окликнул товарища. Они сидели здесь давно, вот-вот ждали смену и уже порядком замерзли – огня развести было нельзя, запах дыма в лесу непременно бы их выдал, поэтому для согрева Ботольв перетапывался и подпрыгивал на снегу, размахивая руками, отчасти напоминая ворону, что норовит взлететь. Услышав голос Мукачи, припал к стволу и замер. В саях сидел старик в большой куньей шапке, за ним шли на лыжах с десяток человек. Дозорные волновались: не заметят ли меряне, что могилу трогали? Снегопады последних дней надежно скрыли все следы, а березовый сруб, еще без крыши, был наполнен снегом, ровным и белым, как скатерть. Под ним скрылись все погребальные дары, и было совсем не видно, есть ли среди них серебряный ковш с позолотой, но тем не менее он там был.

Гости приблизились к могиле, старик в куньей шапке остановил лошадь и вылез из саней. Подошел к новой могиле, поднял руки и стал призывать вслух:

– Селтык, сын мой! Вот настал седьмой твой день, пора тебе идти на последний свой пир с нами! Тебя призывает мы, поезжай с нами! Возьми с собой и деда твоего Пакши, и бабу твою Чилдавику, и прадеда Палаша, и братьев его Палгадара и Палантая! Возьми товарищей твоих на пути – Чиму, Ендемея, Теверея, Идыра, Изгилду, Салыша, Ачеваша, Ушкилду! Все приходите!

Прибывшие вместе со стариком, сняв лыжи, окружили могилу. Старик вошел в круг, и все двинулись противосолонь, неловко притапывая поршнями на глубоком снегу, приплясывая и восклицая хором:

– Селтык! Чима! Ендемей!..

Трижды они обошли могилу, выкликая множество имен. Насчет предков покойного все было понятно, а вот кто его спутники? Неужели здесь ходит какой-то мор, сгубивший разом десять человек?

Но вот пляска на могиле завершилась, старик снова уселся в сани и стал понукать лошадь. Однако она, хоть и пыталась, не могла сдвинуть сани с места.

– Слишком много набрали духов! – шепнул Ботольву Мукача. – Ей не под силу.

– Слишком много вас, дорогие гости! – сказал старик, обращаясь к пустым на вид саям. – Лошади вас не сvezти! Прошу иных из вас остаться.

Немного подождали, потом старик снова взялся за вожжи, и лошадь наконец сдвинула сани с места. Двое дозорных выждали, пока сани и старикова малая дружина скроются за перелеском, потом Мукача обратился к Ботольву:

¹² Киямат – владыка подземного мира и господин мертвых.

– Беги к нашим. Я пойду за ними и буду смотреть, что там на месте.

Ботольв немедленно встал на лыжи и пустился в путь: возбуждение после долгого ожидания придало сил и живо его согрело.

* * *

Пока добрались до кладбища, начало темнеть. От кладбища пришлось пройти еще с роздых, но след от саней и десятка человек был на снегу отлично виден даже в сумерках. Тропа привела к обширному ялу – дымили оконца десятка хижин. Когда выходили из леса, навстречу выбежал Мукача – прятался где-то за поленницей.

– Уже пришел! – вполголоса доложил он.

– Кто?

– Покойник пришел! Сидят вон там. – Мукача указал на самую большую куду; даже издали были слышны звуки буйного веселья внутри, звук рогов и бубнов. – Давно пришел, теперь гулянка вовсю идет. Людей много. Весь ял собрался.

– Только нас и не хватает, – добавил Арнор. – Пошли, дренги. Кто окажется с оружием, тех бейте, смиренных не надо. В таком деле надо осторожнее – можно невзначай зашибить того единственного, кто что-то знает. Помните же – здесь мы ищем не добычу, а сведения. Ну, сначала сведения, потом добычу.

– Про серебряный дождь, – подтвердил кто-то из сгрудившейся вокруг него толпы дренгов.

Между кудами никого не было видно: все собрались на поминальный пир. Темным косматым пятном на снегу лежал убитый пес: Мукача пустил в него стрелу, чтобы не залаял на чужака. Проходя мимо, он вытащил стрелу, проверил целость наконечника, обтер о полукожуха и убрал в берестяной колчан: еще пригодится.

Русы окружили дом. Гудьба рожков и звуки гулянья заглушили их осторожное приближение. Узкие оконца были открыты, оттуда вился дым очага, тянуло духом жареной баранины. Пока подходили, слышался дружный топот пляски, но теперь стих. Незваные гости замерли под дверью и оконцами с оружием наготове, прислушиваясь. Было немного не по себе: зимний сумрак самой короткой ночи, поминальный пир, на который, по обычаю мери, является сам покойный в теле кого-то из живых родичей... «Дикая дружина Одина – это мы!» – напомнил себе Арнор и для бодрости подтолкнул локтем Хрока, ближайшего к нему дренга.

– А теперь расскажи-ка нам, Селтык, хорошо ли родичи наши поживают на том свете! – послышался изнутри женский голос, немного запыхавшийся после пляски. – Все ли у них есть, не терпят ли какой нужды?

– Может, они просили что-то им передать из вещей?

– Как поживает наша бабка, Чилдавика?

– Бабушка Чилдавика поживает очень хорошо, – ответил им голос, звучавший глухо.

Арнор еще раз подтолкнул Хрока: говоривший был в личине из тех, в какие рядятся для игрищ в честь покойников. Стало жутко: мир мертвых был совсем рядом, а они готовились ворваться прямо в него с оружием в руках.

– Каждый день она кушает то барашка, то гуся, то утку! – продолжал покойник.

– Посоветуй, дорогой Селтык, как мне вылечить мужа? – попросил жалобный женский голос. – Он хворает уже третий месяц, даже сюда, к тебе, не смог прийти, и никто не может ему помочь! Что за дух наслал на него эту хворь? Как ее прогнать? И можно ли, или ему уже скоро идти по твоему следу к нашей доброй Колом-Аве?

– Мне известно, отчего хворает твой муж! – глухим голосом ответил мертвец. – Эту хворь наслал керемет по имени Дух Лебедя.

– Как же нам его исцелить?

– И это мне известно. Пойди поздно вечером в овраг, разведи костер и скажи: «Тул Водыж, Дух Огня, на длинном хвосте твоего дыма подними и отнеси на небо мою просьбу! Найди Дух Лебедя и скажи ему: Йуксын Керемет, Дух Лебедя, забери назад болезнь, какую наслал ты на моего мужа, и возьми мои дары – узелок с мукой, голову барана и кулек соли! Помоги поправиться хворому человеку!» Узелок с мукой и солью повесь на дерево, зарежь барана, приготовь мясо там же, в овраге, поешь сама и оставь духу. Кости и шкуру сожги. А потом скажи: «Ласково придя, возлюби нас!» Тогда Дух Лебедя поможет, и муж твой исцелится.

– Тау, спасибо тебе, Селтык!

– Не слишком ли долго мы томим вопросами дорогого гостя? – сказал другой мужской голос. – Ему уж скоро трогаться в обратный путь, а еще надо на прощание провести ночь со своей любимой женой! Правда, Кунави? Пора нам по домам, а утром мы придем, чтобы проводить Селтыка обратно в его новый дом, к бабушке Колом-Аве!

«Он что, еще с покойницей женой спать будет?» – мысленно возмутился Арнор. Про этот обычай он слышал, но считал, что это шутка.

Заслушались!

– Вперед! – воскликнул он и, в одной руке держа секиру, второй рванул дверь куды.

Внутри оказалось много народу – куда ни глянь, везде лица, плечи, руки, освещенные огоньками расставленных тут и там глиняных жировых светильников и огня в очаге. В первый миг Арнор даже растерялся: казалось, некуда войти.

– Всем стоять! – крикнул он по-мерянски. – Кто двинется – стрелу в живот!

Перекинув щит с плеча на руку, он прикрылся, так что над окованной железными скобками кромкой виднелась только голова в шлеме и лезвие секиры, и отодвинулся от двери, давая возможность войти Хроку с луком наготове. При этом он толкнул одного из местных, что стоял слишком близко ко входу, тот повалился на других, и несколько человек завозилось на полу, пытаясь встать. В куду вошли еще человека три, и Арнор понял: надо местных выводить, в такой сутолоке дела не будет.

– Вы трое – на выход! – велел он ближайшим к двери с другой стороны. – Виги! Возьми пару парней, отведешь, кого я дам, в любую куду, закроешь там. Стоять, я сказал, пургален¹³! Руки выше, чтоб я видел!

Едва уловив движение руки кого-то из мужчин – к какому-то тяжелому предмету, который не успел разглядеть в полутьме, – Арнор шагнул вперед и врезал под челюсть кромкой щита, опрокидывая мятежника назад к стене. Убивать он не хотел, помня свои же слова о единственном осведомленном, которым мог оказаться кто угодно. Хотя разговаривать этот теперь долго не сможет...

Постепенно в избе стало просторнее: повинуясь приказам и выразительным толчкам сулицей, изумленные участники поминального пира выходили, держа руки на виду. Иные шатались, перепив медовухи, спотыкались и бормотали что-то, считая это вторжение за нашествие духов. За дверью русы принимали их и ватагами по пять-шесть человек разводили по каким попало куда, где и запирали, перед тем забрав изнутри все, пригодное как оружие. Один мерянин, в темноте сумев завладеть топором из-под лавки, бросился на Арнора; тот успел подставить щит, лезвие засело в кромке, и в тот же миг Арнор зарубил его сам. Только тогда закричали несколько женщин: до того все пирующие, уже изрядно угостившиеся медовой брагой-пуре и пребывающие мыслями на том свете, были так ошарашены этим набегом, что повиновались в каменном безмолвии.

Когда лишних вывели, появилась возможность оглядеться. Куда была как все – земляной пол, усыпанный соломой, вдоль стен – тяжелые лавки, вырубленные топором из половины рас-

¹³ Пургален – древнее угро-финское ругательство.

колотого бревна. Посередине горит огонь в очаге из крупных валунов, над ним котел с вареной бараниной, подвешенный к потолочному шесту. Такого жилья Арнор навиделся и в своей части Мерямаа. Однако с первого взгляда стало ясно: они пришли куда надо. На столе напротив входа красовались миски, какие и конунг не постыдился бы поставить на стол – хазарской работы, расписанные зелеными и коричневыми ростками и птицами по белому полю, чаши синего и зеленого стекла с тонкой резьбой. Бронзовый кувшин с чеканкой, бронзовый котел с железной дужкой возле очага, тоже с мясом. Над лавками развешано несколько кафтанов и широких, мохнатых овчинных шуб; кафтаны из белого льна с шелковой отделкой так сильно бросались в глаза на почерневших от дыма бревенчатых стенах, что казались живыми.

На месте Арнор оставил старика – этот приходил вызывать покойника, а значит, был здешним кугыжем, – и самого покойника, обнаруженного на почетном месте за столом. Выглядел он так, что Арнор, хоть и считал себя человеком бывалым, только поминал ётунову маму: такого он не видел и вообразить не мог. На покойнике был надет хазарский кафтан ярко-желтой шерсти, сверху донизу по разрезам обшитый сине-красно-лиловым шелком с каким-то сложным узором, который Арнор пока не мог рассмотреть, но в его огромной стоимости не сомневался. Встретить в этих местах такой кафтан было почти то же самое, как застать в утиной стае птице-пса симорга. Лицо закрывала темная кожаная личина с прорезями для глаз и рта. Арнор видал богатые кафтаны, видал «мертвецкие» личины, но то и другое сразу настолько резало глаз, что хотелось проморгаться.

В куде остались только эти двое и сам Арнор с тремя дренгами, – и еще женщина средних лет забила в угол, видимо, хозяйка дома и жена покойного. Арнор отставил в сторону щит и сел перед очагом, так чтобы видеть старика и покойника, но секиру из рук не выпустил.

– Откуда это у вас? – сразу спросил он, секирой указывая на кафтан, а потом на стол и стены.

– Кто ты такой? – с возмущением ответил старик. – Зачем врываетесь в почтенный дом, нарушаете священный обычай, убиваете людей! Люди вы или кереметы?

– Разница для вас невелика. Отвечай.

– Вы пришли за теми, кто был впереди вас? – глухо спросил покойник из-под личины.

– Кто – впереди нас?

– Или вы – духи тех, кто был убит? – воскликнул старик. – Великий добрый бог, хранящий род, великий создатель белого дня! Защити нас от порождений керемета, что ворвались прямо в наш дом!

– Нет, они не духи, – возразил ему покойник. – Я вижу – они пребывают в своих живых телах. Они ищут тех, кто приходил к нам...

– Да кто приходил к вам, ётунова кочерыжка! – Арнор начал терять терпение.

Если старик не мог понять, люди они или духи, то покойник, кажется, знал об этом деле больше самого Арнора.

– Такие же, как вы, – ответил покойник.

Лица его Арнор видеть не мог, и это ему причиняло досаду, которой он не хотел выдавать, поэтому делал вид, что ему все равно: на человеческое лицо смотреть или на кожаную личину. Но, сколько он мог судить по движениям покойника и ровному голосу, тот не испытывал ни страха, ни растерянности. Не то что старик, кипевший от возмущения. Во властных поведках его сказывалась привычка верховодить родичами, встречая лишь беспрекословное повиновение.

– Что значит – такие же, как мы?

«Русы?» – чуть не спросил Арнор, но сдержался. Здесь не могло быть других русов. Мелькнула пугающая мысль, что эти меряне где-то наскочили на дружину Гудбранда или Снэколя, хотя те должны находиться в других местах, но ее он отбросил: если бы у кого-то из тех двоих имелся такой кафтан, он бы знал. После похода на Хазарское море в Бьюрланде

завелось немало дорогих вещей, но все были известны наперечет. Да и зачем бы даже Гудбранд, не чуждый желания покрасоваться, взял бы столь дорогую одежду с собой? Хоронить, если что, все равно дома будут.

– В таких же шлемах и железных одеждах. – Покойник кивнул на снаряжение Арнора. – Только щиты у них другие... были.

– Где вы встретили тех людей?

– На реке.

– Давно?

– Семь дней назад, – без запинки ответил покойник, будто высчитал заранее. – В тот же день я был убит, и вот сегодня пришел в свой бывший дом на прощальный пир с родичами.

Арнор тихо зарычал, не открывая рта и пытаясь таким образом подавить досаду. При его спокойном, уравновешенном нраве он злился, когда чего-то не понимал, а эти речи звучали уж слишком дико.

– Да, нынче мы справляем прощальный пир моего сына Селтыка, а вы ворвались и нарушили обряд! – сердито попрекнул его старик. – Не дали моему сыну как подобает проститься с миром живых! Люди вы или кереметы, пусть великий добрый бог...

– Будешь болтать лишнее – велю заткнуть тебе пасть твоей же шапкой! – перебил его Арнор: кому нужны проклятия на голову? – И пока всю ее не прожуешь, больше не скажешь ни слова. Отвечай, о чем спрашивают. Если я узнаю все, что мне нужно, то не трону у вас никого.

Потом он обратился к покойнику:

– Как ты был убит?

При этом Арнор почувствовал себя Одином: кто еще может задавать такие вопросы мертвым?

– Меня зарубил один человек в таком же шлеме, но пока он пытался вытащить топор из моей головы, мой брат Пактай убил его копьем в шею, – с явной гордостью ответил покойник, и эта гордость была первым живым чувством, какое Арнор услышал в его речах. – Брат отомстил за меня, и вскоре мы разбили их.

– Они пришли по реке с востока? Сколько их было?

– Четыре десятка без малого.

«Как нас!» – мысленно отметил Арнор и невольно подался вперед:

– Правда? Вы разбили отряд из трех десятков, одетых как я? – Он взмахнул рукой вдоль тела, имея в виду пластинчатый доспех. – Сколько же было ваших?

– Пять десятков и еще шестеро, – с той же гордостью ответил покойник. – Род наш, род Селезня, уважаем в Мерямаа, на мой зов откликнулись мужи из многих родов. А мы за много дней получили весть, что с востока по реке идет отряд чужих опасных людей. Со всех четырех сторон света созвал Юмо своих храбрых сынов и ехал впереди них на белом своем коне с серебряными ногами. Все мы взяли хорошую добычу, хоть и немало наших братьев отправились к предкам. У нас не было шлемов и железных одежд, но мы сделали засаду на их пути, метко обстреляли и добили уцелевших топорами и копьями.

Ну, надо думать! Арнор легко мог себе представить рой стрел, выкосивший разом половину отряда на реке – он сам несколько дней назад побывал в таком положении, – а потом кровавую рубку с противником, превосходящим по силам в три раза. Если навалятся дружно втроем на одного, то и шлемы не спасут. Хорошо, что он в тот раз догадался идти подальше от высокого берега и что напавшие на них не имели преимущества в числе.

– И вы взяли у них хорошую добычу? Что там было?

– Молчи, Пактай! – крикнул старик: его давно тянуло вмешаться, но угроза Арнора его сдерживала.

Арнор отметил: он назвал имя не мертвого брата, а живого. Ошибся?

Да нет же! Арнор чуть не захохотал: ведь этот покойник в личине, что сидит перед ним, и есть уцелевший брат, Пактай! Видно, за доблесть ему и доверили честь изображать убитого на поминальном пиру. В своем теле тот уже не придет и с собственной вдовой не уляжется...

– Они узнают, что им нужно, и убьют нас всех! – горячо продолжал старик, не поверивший в обещания Арнора их не трогать.

– Мне нечего бояться – я уже лишился жизни, – ровным голосом ответил покойник. – Я желаю лишь одного: завершить достойно, по мерянским обычаям, свой путь в роду и уйти к Киямату. Спрашивай быстрее, кто бы ты ни был. Если я не успею исполнить все назначенное, то придется мне еще долго скитаться среди живых. Я пойду за тобой в твой дом, как бы далеко ты ни жил, и буду каждую ночь ложиться между тобой и твоей женой. Посмотрим, принесут ли тебе радость те ночи.

– У меня... – начал Арнор, но вовремя прикусил язык: нечего им про свои дела рассказывать.

От этой беседы его слегка трясло и в то же время хотелось смеяться.

– Сейчас нет, но скоро будет, – ответил покойник на те слова, которых Арнор не произнес.

– Ты знаешь мое будущее, пургален? – Арнору стало еще веселее и в то же время еще более жутко.

Он слышал о том, что в обряде посещения ряженный покойник пророчит родным об их судьбе, но считал это только игрой. Однако покойник ведь угадал, что у него пока нет жены, хотя в свои годы он, по мерянским меркам, уже лет пять мог бы быть женат.

– Отсюда мне видно. – Покойник кивнул личиной. – Ты знатного рода, но возвысишься еще сильнее. Есть нечто, что сейчас огорчает тебя, но скоро ты будешь этому радоваться. Придет снег... и принесет тебе мир – это то, что я вижу, хоть и не могу понять. А теперь оставь меня здесь одного с моей женой, больше я не могу говорить.

Когда выходец из Хель заявляет, что больше не может говорить, долг живых – оставить его в покое. Как ни мало у Арнора было причин ждать добра от этого чуда в желтом кафтане, тот предрекал ему честь и даже что-то вроде счастья. Дивясь такой доброте, Арнор поневоле хотел ему верить.

– Пошли, дренги. – Арнор поднялся, подбирая щит. – Старика заберите.

– А бабу? – ухмыльнулся Хрок.

– Бабу оставьте. Похоже, она ему еще нужна...

Глава 6

Выходя от покойника, Арнор думал, что самое удивительное на сегодня уже услышал. Он ошибся. Оставив возле покойницкой куды пару дозорных и велел вести сердитого старика за ним, он перешел в другую куду, где жались к стенам с десятков женщин и столько же детей, и там продолжил беседу.

– Рассказывай все по порядку, – велел он кугыжу. – Что это были за люди, на которых вы напали семь дней назад, что у них было с собой и где все это теперь. Я знаю, что там были немалые сокровища – серебро, дорогая хазарская посуда и цветная одежда с шелком. Я сам видел новые дирхемы, серебряный ковш с позолотой и кафтан на твоём покойнике. Не говори мне, что это все. Завтра, как рассветет, я велю обыскать ял и найду все до последнего кусочка серебра. Я пришел сюда за челядью, и если ты меня рассердишь, я уведу у вас всех женщин и подростков. А старых и негодных, – он помолчал, холодными серыми глазами глядя на кугыжа, – велю зарубить. Если же мы подружimsя, то людей я не трону. Но я должен быть уверен, что ты скажешь мне всю правду.

– Пусть кереметы с тобой водят дружбу, никса падта¹⁴, – злобно буркнул старик.

– Олет кужса¹⁵, – бросил Арнор и пальцем показал на него и на дверь.

Он не был злым или жестоким человеком, чужая смерть или страдания не приносили ему никакой радости, но после похода на Хазарское море он имел опыт в таких делах и знал: уж если ты пошел за добычей, жалость оставь дома. В одном старинном северном сказании, которое он слышал еще от покойной матери, упоминался меч, который, если извлекался из ножен, требовал непременно попробовать крови врага, а иначе угрожал жизни собственного хозяина. Став взрослым, Арнор понял: это была сага не о мече, а о человеке с мечом. Если на путь воина не хватает духу, сиди дома с женщинами и не позорь свое оружие.

Дренги подхватили старика и поволокли наружу. Арнор, выйдя вслед за ним, показал на дерево посреди яла и, пока дренги искали веревку, велел вывести по одному человеку из каждой куды, кто попадется. Собрали человек десять, от подростков до стариков. Уже стемнело, и дренги развели посреди яла большой костер, как раз возле дерева, чтобы видеть, что творится вокруг.

– Я хочу знать, что за чужих людей вы разбили на реке семь дней назад, – повторил Арнор уже для всех. – Что вы у них взяли и где эти вещи. Вот этот почтенный человек... как его зовут? – обратился он к ближайшему пленнику.

– Сурабай-кугыж, – стуча зубами не то от холода, не то от страха, ответил тот.

– Сурабай-кугыж не пожелал мне отвечать, и сейчас он будет повешен. Следом за ним пойдет любой, кто окажется таким же упрямым. Веревки на всех хватит.

Старик, стоя на холоде в одном кафтане и без шапки, дрожал с ног до головы, но крепился, упрямо набычась и стиснув зубы. Арнор взглянул на прочих: почти все смотрели в землю. Если у них есть дорогие вещи, он их найдет и без расспросов, но он хотел знать, что это был за таинственный отряд. Это важно: что за вооруженные люди, с дорогим снаряжением, серебром и цветной одеждой, пришли с востока? Это не могли быть русы – дальше на восток русов нет, – но тогда кто? Булгары? Зная расстояние отсюда до города Булгара, Арнор не мог в это поверить.

– Прощай навсегда, Сурабай, – сказал он. – Когда мы уйдем отсюда с добычей и полоном, твое тело так и останется висеть на поживу волкам и воронам.

¹⁴ Древнее угро-финское ругательство, примерно аналогичное «пошел к черту» и еще что похуже.

¹⁵ Грубое выражение со значением «тебе конец».

Он сделал знак дренгам; старика подхватили, подтолкнули под дерево и накинули на шею петлю.

– Г-господин! – вдруг раздался голос из ряда связанных мерян. – Г-господин, тебе н-не нужно уб-бивать нас, чтобы в-все это узнать!

Знаком велел дренгам подождать, Арнор взгляделся. Это заговорил третий в ряду – судя по голосу, молодой мужчина, ровесник самого Арнора. Разглядеть его лицо в полутьме было трудно, русые волосы падали на глубоко посаженные, как у всех мерян, глаза, хорошо был виден только широкий рот, окруженный рыжеватой негустой бородкой.

– А что мне нужно сделать? – поощрительно ответил Арнор, дескать, продолжай.

– Т-ты можешь р-расспросить с-самых этих людей. Мы толком и н-не знаем, кто они такие, – торопливо говорил молодой мерянин. Он тоже дрожал крупной дрожью и оттого заикался, но говорил охотно. – Они с-сами все тебе скажут лучше. А если н-не з-захотят, то их и...

«Их и вешай», – собирался он сказать, но опомнился, что сам стоит перед петлей, и не дерзнул давать вражескому предводителю советы.

– Как они мне все скажут? – осведомился Арнор. – Или у вас тут все мертвецы такие разговорчивые, как тот? – Он указал на куду, где встретил нарядного покойника.

– П-про м-мертвецов я н-не знаю. – Его собеседник мотнул головой, колыхнулись волосы у него над глазами. – Из н-них д-десяток есть ж-живых. П-поговори с ними.

– Живых? – Не ожидавший такого Арнор шагнул к нему. – Ты хочешь сказать, что у вас есть пленные?

– Д-да, гос-сподин. Мы н-не всех перебили, д-десяток взяли ж-живыми. Они еще з-з-здесь.

– Где – здесь? – Арнор с трудом верил в такую удачу.

– В-вон там. – Имея связанные за спиной руки, тот подбородком указал куда-то в темноту между кудами. – Конбай и Кончора п-погибли оба, в их д-доме только ж-женщины остались, и туда р-решили посадить тех ёлсов, а ж-женщин забрать.

– А ну води!

Дренги вытолкнули разговорчивого молодца из ряда, и он повел русов куда-то в конец яла. Идти пришлось на самый дальний край – Арнор даже подумал, не ловушка ли это. Дренги несли факелы, освещая дорогу. Нужная куда была укрыта за деревьями, поэтому Виги ее и не заметил, когда разводил захваченных на пиру и расставлял сторожей.

Возле нее никого, оконца закрыты. Да есть ли там кто?

Хрок осветил дверь факелом – она была заперта снаружи на засов и еще подперта двумя жердями. Оконце тоже закрыто, дымом не пахнет.

– М-мы д-держали тут сторож-жей, – пояснил мерянин, – но с-сейчас все уш-шли на пир, вот н-нет н-никого...

Арнор внимательно оглядел молчаливую куду. Перед дверью было натоптано, но следы не очень свежие – утренние. Потом он подошел к оконцу и постучал. Ему было не по себе: эта ночь, свет звезд и полумесяца, серебривший снег на низкой крыше, эта молчаливая, безглазая куда на отшибе... Как бы там не нарваться на что нехорошее – если молодой солгал о том, что пленных оставили в живых.

Со скрипом заслонка отодвинулась. На черную щель были направлены жала двух-трех копий, хотя изнутри это едва ли могли видеть.

Из оконца раздался голос. Мужской хриплый голос звучал вполне живо, но ни единого слова Арнор не разобрал.

– Кто там сидит? – крикнул он. – Люди или шайтуны?

В той речи, что прозвучала из оконца, он разобрал лишь ответное «шайтун». Раздалось еще несколько голосов, но ясно было только то, что сидящие внутри очень злы.

– Ётунов ты хрен! – выбранился Арнор, потом обратился к своему пленному:

– Вы на каком языке с ними разговаривали?

– Н-ни на каком! Они н-не понимают по-нашему – те, что з-здесь сидят.

– Тролль того коня бы! И что я ними буду делать?

– Эй, добрый человек! – вдруг раздалось из оконца, и Арнор даже не сразу сообразил: он понимает. – Во имя всех асов, неужели там есть кто-то, кто знает северный язык?

«Норрёна мол», он сказал! До Арнора дошло, и в тот же миг несколько его дренгов изумленно охнули. Северный язык!

– Что за тролли сидят в этой ётуновой заднице? – уже на родном языке закричал он в окошко.

Его родным был не северный, а так называемый «русский» – язык, на котором потомки переселенцев с Готланда и Аландов говорили между собой уже четыре-пять поколений. За это время накопились различия между ним и языком варягов, который Арнор слышал от уроженцев заморья – Халльтора и его спутников, но русы и варяги, хоть и посмеивались над выговором друг друга, общаться могли свободно.

– Так и есть – это ётунова задница! – подтвердили из черной щели. – Кто бы ты ни был – не уходи! Мы уже шесть или семь дней не можем поговорить с этими троллями – они убили всех, кто понимал их речь! Нас с утра не кормили и не давали дров, мы вот-вот уже все околеем от холода! Последняя вода в ведре почти замерзла!

– Кто вы такие?

– Мы мирные торговые люди! Они напали на нас и поубивали большую часть дружины, да и для себя мы добра не ждем.

– Сколько вас?

– Было тринадцать человек, осталось девять. И один труп у нас тут лежит – он умер еще ночью, но эти тролли не отзываются и не хотят забрать его отсюда! А кто вы, добрые люди?

– Ну, особо добрыми я бы нас не назвал, – честно признал Арнор. – Пусть кто-то один из вас выйдет и расскажет мне все толком. А там поглядим. Сейчас я отопру вашу дверь. Как я сказал – выходит кто-то один, медленно, руки на виду. У меня здесь довольно людей, все вооружены и шуток не понимаем.

* * *

Вышел, судя по голосу, тот самый пленник, с кем Арнор и разговаривал. При свете факелов его не получилось разглядеть, было видно только, что он довольно молод и боек.

– Господин, вели дать нашим людям дров и какой-нибудь еды! – взмолился он, обхватив себя руками за плечи и припрыгивая на снегу. – Нас все эти дни кормили, как собак, а то и хуже, и не давали перевязок, а у нас там еще трое раненых осталось! Еще четверо умерли, и прикажи, раз уж ты так добр, вынести беднягу Илхона, он умер еще прошлой ночью, но они его так и не забрали... Они, сдается, решили нас холодом уморить. До утра мы так не дотянем.

Сам замерзнув, Арнор велел вести варяга за собой и вернулся в ту куду, где собирался беседовать со стариком. Удовлетворить свое любопытство прямо сразу он не мог: сперва надо было позаботиться о людях, своих и чужих. Ясно было, что придется здесь ночевать; Арнор велел дренгам дать булгарским пленным дров, зарезать двух-трех овец и отдать женщинам, чтобы варили и жарили мясо. Надо было хоть как-то покормить свою дружину, десяток чужаков и несколько десятков местных. Русы обшарили куды и выгребли съестные припасы: сколько-то муки, зерна, сыра и молока, вяленой рыбы, копченой дичины. После целого дня ходьбы по холоду они и сами были голодны как волки.

Арнор уже не надеялся, что этот день когда-нибудь кончится. Да и день – одно название: светлое время промелькнуло, еще пока шли до того кладбища, и опять навалились вязкие сумерки. Зато вечер тянулся и тянулся. Было уже полночь, когда он наконец справился

со всеми делами, распределил стражи, расставил дозоры на околицах яла, убедился, что мужчины мери сидят надежно запертые в выделенных для них кудах, а женщины, боязливо оглядываясь на чужаков, прилежно пекут лепешки и присматривают за бараниной в котлах. Только теперь он смог наконец-то снять шлем и доспех – чуть не застонал от облегчения, когда это троллево мерзлое железо отделилось от его усталого тела и рухнуло на земляной пол.

К нему робко приблизилась одна из молодых женщин, держа деревянную миску, в которой что-то дымилось: это были на скорую руку приготовленные вареные комки пресного ржаного теста – алябыши, самый древний вид мерянского хлеба. На руке у нее Арнор заметил золотое кольцо: четыре золотых шарика, будто лепестки, а между ними красный глазок самоцвета. Ничего себе – сама госпожа Сванхейд из Хольмгарда была бы рада такому кольцу. С любопытством он взглянул в лицо женщине: примерно его лет, с более тонкими, чем обычно у мерянок, чертами лица, с немного вздернутым носом и большими, чуть раскосыми глазами, она попыталась ему улыбнуться, но не хватило духу.

Заметив, что Арнор смотрит на кольцо, женщина стянула его с пальца и положила на стол. Арнор взял его и повернул к свету очага – в самоцветной сердцевинке вспыхнула яркая алая искра. Незачем спрашивать, откуда здесь такая вещь – хоть самоцвет и похож на спелую ягоду брусники, в лесу такое не сыщешь. Да и золота здесь не водится. Эта красotka, может быть, и не поняла, что это золото, а не хорошо начищенная медь. В Мерямаа не придают большого значения различиям между серебром, бронзой и медью – всякий привозной металл здесь драгоценность, а золото мало кто хоть раз в жизни видел.

Однако Арнору сейчас было не до красавиц и даже не до золота: наконец слегка расслабившись, он ощутил такой голод, что готов был съесть не только алябыши, но и миску, и саму женщину.

У очага, отогреваясь, сидели двое, с кем он собирался поговорить: варяг из булгарских пленников и молодой мерянин, который и отвел русов к ним. Мерянина звали Веденга. Варяга звали Хавард. При свете Арнор разглядел, что тот и впрямь довольно молод, на два-три года старше его самого, худощав и очень грязен. Дивиться было нечему – после долгой дороги, битвы и семи дней взаперти кто же останется чистым. От его движений разливалась вонь, перебывавшая обычные запахи мерянского жилища, очажного дыма и прелой соломы на земляном полу, но любопытство заставляло Арнора терпеть. Он и сам сейчас не цветок весенний...

Поглядев на свои руки, Арнор потребовал у женщин ложку.

– Этим тоже дайте, – дыша открытым ртом: горячо! – велел он и ложкой показал на своих съезжившихся собеседников.

Некоторое время все молча ели: Арнор и Хавард с жадностью, а Веденга – с осторожностью, явно лишь из боязни снова разозлить вражеского вождя отказом разделить с ним пищу. Арнор тем временем поглядывал на того и другого, прикидывая, кого расспрашивать первым.

– Давай ты, – обратился он к Веденге. – Теперь у меня есть они, – он показал черенком деревянной ложки на Хаварда, – и я могу все выяснить у них, но вам же будет невыгодно, если я буду знать об этом деле *только* от них. Так что не упрямясь и рассказывай. Почему вы на них напали?

Хавард при этом бросил гневный взгляд на Веденгу, но от еды не оторвался. Веденга поставил миску на пол и обхватил руками колени.

– Это не мы... Это все придумали Алмай с его родичами. Они приехали к Сурабаю и стали склонять его напасть на этих людей, – он оглянулся на Хаварда и слегка отодвинулся.

Говорил Веденга довольно охотно, но глаз на Арнора не поднимал, и видно было, что им все больше овладевает уныние. Вчера булгары, кто бы они там ни были, сидели в плену у мерян, а теперь он сам стал пленником у русов заодно с теми. Пожалуй, он был еще моложе, чем показало на первый взгляд – лет двадцати, но держался, не считая этого уныния, довольно уверенно.

– Чем они вам не угодили? Они кого-то обижали? Грабили?

– Мы никого не трогали, господин! – вставил Хавард. Он не понимал ведущегося по-мерянски разговора, но понял взгляд, который Арнор бросил сперва на Веденгу, потом на него. – Мы были очень с ними любезны – тогда у нас еще были Арасланбет и Маймурза, они хорошо говорили по-здешнему, могли объясниться с чермису, арису и с этими... Мы всем их главарям давали хорошие подарки... Это нас и погубило! – Он погрозил Веденге ложкой, и тот отодвинулся. – Им показалось мало подарков, этим жадным барсукам! Они захотели взять все – и наше добро, и наши жизни!

– Вы увидели, что у этих людей с собой много добра, и решили их ограбить? – обратился Арнор к Веденге.

– Неправда! Великий Юмо свидетель – не нужно нам было их добро! – Веденга оскорбленно глянул на Хаварда и снова повернулся к Арнору.

– Что же вам было нужно? Рабы? – Арнор удивленно поднял брови: у мери не держали рабов, не было смысла, а продавать их поблизости было некуда. – Лошади?

– Это... Алмай сказал Сурабаю и другим кугыжам... Что, мол, эти люди говорят, будто ищут путь от Булгара к русам, что на западе...

– Вот как? – перебил его Арнор и повернулся к Хаварду.

Тот напряженно слушал, пытаясь что-то уловить из беседы на незнакомом ему языке, и по его сосредоточенному взгляду Арнор догадался: это человек ушлый и неглупый, хоть и притворяется болтуном.

– Так вы из Булгара?

Никто и никогда не приезжал в Мерямаа из Булгара. Раньше считалось, что на восток от Мерянской реки уже начинается Утгард и мир мертвых, как его ни назови. Вот уже год Арнор знал, что сюда можно попасть от Булгара, используя как дорогу всего одну реку, Валгу, хоть путь этот и занимает много-много дней. Но то, что этот путь сумел проделать и кто-то другой, поразило его почти так же, как его собственное появление с восточной стороны год назад поразило родичей в Силверволле.

– Из Булгара, – подтвердил Хавард с набитым ртом. – Прости, господин, что я не могу перестать есть, но ты знаешь, мы уже думали, нам придется съесть беднягу Илхона, раз уж он все равно умер, к тому же сырым...

– Тьфу! – Арнор поморщился. – Вы... зачем вы сюда приехали? – в последний миг он сообразил не подсказывать Хаварду ответ.

Тот ответил не сразу, а еще раз перевел внимательный взгляд с Веденги на Арнора.

– Господин... – почтительно начал он. – Чтобы наша беседа шла толковее... чтобы мы лучше понимали друг друга... не скажешь ли ты мне, кто *ты* такой? Я вижу, что ты могучий и влиятельный человек знатного рода, но не могу понять, в какой земле ты правишь... Я даже толком не знаю, где мы сейчас находимся и далеко ли отсюда до тех мест, где на северо-западе живут русы.

Арнор вспомнил себя и своих товарищей – более года назад, прошлой осенью. Когда они оказались в этих местах, придя по Валге с востока, у них был за спиной путь в два-три месяца по чужим, враждебным местам, они давно сбились со счета дней и переходов, понятия не имели, где находятся, ничуть не удивились бы, встань перед ними за лесом ледяные ворота Ётунхейма. Понятно, что когда Свенельд с передовым дозором вдруг наткнулся в лесу на Арнэйд, то принял ее за лесную нечисть, которая украла из его мыслей образ знакомой девушки. Арнэйд же приняла их за ёлсов – выглядели они именно так – и далеко не сразу согласилась признать за живых людей, к тому же ей известных.

Сейчас и эти люди из Булгара находились в том же положении. Но если Арнор, Виги и другие в конце долго пути обрели свой родной дом, то эти за счастье должны были счесть, найдя людей, с которыми способны объясниться.

– Я из Бьюрланда, – ответил он Хаварду. – Так называется область на Мерянской реке – иначе на Валге, так ее зовут сами меряне, – и там уже пять-шесть поколений живут русы. Мы платим дань Олаву конунгу из Хольмгарда. Я принадлежу к одному из самых древних русских родов на этой земле, мой отец, Даг сын Арнбьёрна – хёвдинг в Силверволле. Меня зовут Арнор. Здесь со мной мой младший брат Вигнир. Где-то поблизости есть еще две дружины наших людей, их вожди – Гудбранд и Снэколь. Всего нас около сотни клинков. Сюда мы пришли за добычей, потому что... на пиру Дисаблота дали обет посостязаться в доблести.

О сватовстве Гудбранд за Арнэйд он рассказывать не стал – незачем этому чумазому троллю так много знать об их семейных делах.

Тот понимающе и уважительно закивал:

– Да, да! Священный обет... состязание в доблести... так не раз бывало в старину! Я и вижу, ты весьма преуспеваешь... Но скажи мне – далеко ли отсюда до Бьюрланда?

– Пять-шесть переходов на восток. Я уже собираюсь домой и прямо отсюда поверну назад. Думаю, ты и твои люди поедете с нами.

– Только об этом мы и могли бы просить! У нас просто нет другого выхода... – Хавард осекся. – Эти шайтуны отняли у нас все имущество, и лошадей, просто все! – Он указал на свой замызганный козух, показывая, в какое убогое состояние приведен. – А мы ведь люди небедные, у нас был с собой и хороший товар, и подарки...

– погоди, – Арнор остановил его и опять обратился к Веденге. – Вам не нужно было их добро, так что же было нужно?

– У Алмая старый отец, Отай – сновидец, он видел важный сон. Он сказал, что если люди из Булгара найдут путь на запад, а русы с запада – путь в Булгар, они начнут ездить туда-сюда, с товарами и дружинами. Сначала будут дарить подарки и притворяться друзьями. А потом завладеют нами, принудят платить дань, будут захватывать полон и продавать куда-нибудь во владения самого Киямата. А чтобы этого не было, надо их отвести от нашей земли, пока не стало поздно. Вот потому Алмай и стал собирать войско. Он хотел, чтобы они все до одного были перебиты и брошены волкам. Тогда, стало быть, другие вслед за ними не поедут. Но Сурабай знал, что за богатых пленников можно взять выкуп, он велел не убивать этих... Алмай был убит в сражении, и все стали слушаться Сурабая, и он сохранил им жизнь. Только мы не смогли с ними сговориться, чтобы узнать, где за них заплатят выкуп. И уже не знали, что с ними делать. Иные говорили, что надо их тоже при... – Он осекся и закончил: – А потом пришли вы.

Арнор кивнул: все сказанное походило на правду. От чермису они и раньше слышали опасения, что если позволить русам торговать, рано или поздно это кончится подчинением и обложением данью. Чермису, мурамар и родственные им племена считали себя в безопасности, пока жили вдали от торговых путей и чужих могучих владык с большими дружинами. Но появившись здесь торговый путь – и дни их замкнутой независимости будут сочтены. Неведомый ему храбрец Алмай рассуждал вовсе не глупо.

– Теперь скажи, куда и к кому вы ехали, – обратился он к Хаварду.

– Выходит, что к вам! – Хавард, за это время обдумавший полученные сведения, подался вперед, впиваясь в Арнора внимательным взглядом.

– К-кто вас послал – Алмас-кан?

Не подавая вида, Арнор взволновался. Вспомнились разговоры в Силверволле о поиске путей к булгарам, о неизбежных трудностях, о том, что это дело не сделать без помощи Олава конунга. И вот они – люди из Булгара! Арнору стало жарко. Неужели Алмас-кан сам послал людей искать пути по Валге, и он, Арнор, первым на них наткнулся? Это все равно что... пойти за грибами и найти на кусте ожерелье Фрейи... Опять вспомнилась Арнэйд – прошлогодняя встреча в лесу ее очень прославила в Бьюрланде и по всей Мерямаа, но теперь он, похоже, сестру обскакал.

А ведь это из-за Арнэйда они здесь оказались...

Но эта мысль мелькнула и пропала. Арнор смотрел на Хаварда и ждал ответа. А тот не смог ответить сразу; при упоминании Алмас-кана на его лице проскользнуло нечто вроде беспокойства, но тут же он овладел собой.

– А ты знаешь Алмас-кана? – Он воззрился на Арнора с таким же изумлением.

– Нет, откуда мне его знать? Но я о нем слышал. Я был в Булгаре прошлым летом. Знали мы Байгул-бия. Это... сурт... сюр-баши.

Хавард помолчал, потом еще раз оглядел его. Задержал взгляд на хазарском шлеме и пластинчатой броне, которые Арнор снял и оставил на скамье поблизости. Снова поднял глаза и пристально взглянул ему в лицо.

– Так ты... ты из тех людей, что той весной шли с Гургана... по реке Итиль и...

– Да, я из тех людей. Наша дружина, из Бьюрланда и Мерямаа, ходила на Хазарское море с людьми Олава. И с ними вместе мы возвращались назад. Через эти места, кстати.

– Вы... выжили?

На лице Хаварда отразилось такое изумление, будто он повстречал саму Луну, разгуливающую по земле. Хавард невольно привстал; Арнор сделал движение, и тот, опомнившись, снова сел. Несмотря на эту увлекательную беседу, права двигаться без спроса ему пока не давали, и он это понимал – человек опытный, как мысленно отметил Арнор.

При виде этого изумления Арнор с трудом сдержал улыбку, но улыбка эта была бы горькой. Они и сами много месяцев не верили, что выжили... что будут жить и дальше... что когда-нибудь вернутся домой. И удалось это далеко не всем.

Не сразу найдя слова для ответа, он выразительно развел руки, будто показывая себя: видишь, я живой.

– Но этого не может быть! – Хавард, похоже, не верил своим глазам.

– Был бы ты красивой девушкой, я бы разрешил потрогать, – хмыкнул Арнор, вспоминая любимую среди парней прошлогоднюю шутку. – А так извини, верь на слово.

– Но вас же всех переби... – Хавард закрыл рот, будто сообразив, что говорит не то.

– Нет, мы после Булгара так и плыли по Валге, пока не дошли сюда. Чермису и меря, конечно, пытались нас тревожить по пути, но нас было больше двух тысяч. Поди-ка подступись.

– И две тысячи вас прошло через... все эти земли? – Хавард слабо двинул рукой на восток, где лежали немыслимые просторы лесов между Мерямаа и Булгарией.

Арнор только опустил на миг веки: да.

Некоторое время Хавард молчал. Теперь Арнор более-менее разглядел его: лицом тот был недурен, с большими светлыми глазами, только борода и волосы до плеч были так грязны, что даже цвет их не понять.

– Так вас послал Алмас-кан? – повторил Арнор, прервав его раздумья. – Вы его люди?

– Н-нет... – без большой охоты признался Хавард. – Мы, как я уже тебе сказал, торговые люди... и послали нас уважаемые люди... Нас было четверо, мы собрались все вместе и решили поискать... Ты ведь знаешь... После той битвы на Итиле многие понимали, что хакан-бек больше не разрешит русам приезжать с товарами в Итиль и Булгар, а тем более проходить дальше. К тому же прошлой зимой русы разорили волоки между Окой и Доном...

– Что? – Арнор подался к нему. – Разорили? Какие русы это были?

– Я... я не знаю. Какие-то русы. Мы узнали... об этом стало известно со слов люторичей.

– Это еще кто?

– Это племя живет в верховьях Дона. Они славяне. Летом они принесли весть, что Тархан-городец и вся область волока разорена русами, селения сожжены и обезлюдели. Торговые люди больше не смогут там ездить, даже если бы хакан-бек это позволил. Волоки стали непроходимы.

Значит, сыновья Альмунда сделали свое дело. Арнору это известие внушало и радость, и отчасти зависть, и волнение. В этой мерянской куде с земляным полом, в бликах огня и запахе

дыма с очага, под боязливыми взглядами местных женщин и любопытно-усталыми – его дренгов встретились два далеких мира, две части света, разделенные огромными пространствами лесов и рек, и это было не менее значимое событие, чем поход Свенельда и Годреда ради мести за Грима конунга.

Заскрипела дверь, повеяло холодом, ворвался свежий стылый воздух снаружи и будто нож разрезал дымную духоту куды. С шумом ввалились несколько дренгов, стали раздеваться, спрашивая, есть ли еще чего пожрать. От них веяло замороженным железом. Арнор и не заметил, как прошло время – Виги уже сменил дозорных на околицах и возле домов. И, осознав это, Арнор осознал и свою громадную усталость. Возбуждение любопытства больше не могло ее одолеть. Он сейчас заснет сидя, даже если перед ним вдруг явятся Алмас-кан вместе с хаканбеком Аароном.

– И мы решили поискать другой путь на северо-запад, – продолжал Хавард. – Мои спутники – очень уважаемые люди: Ямбарс, а еще почтенный Самуил бен Бехер... Был с нами Челей-тархан, но он, увы, был убит в самом начале той злосчастной битвы... Но, я вижу, ты утомлен, может, нам лучше продолжить беседу завтра?

– Именно так. – Арнор покрутил головой. – Хьяльти, отведи этого человека обратно в ту дальнюю куду и проверь заодно, все ли у них есть, чтобы дожить до утра.

Хьяльти уныло переглянулся со своим товарищем Йораном, но делать было нечего – опять вылезать на холод.

– А потом мы наконец поспим, – утешил их Арнор.

Женщин тоже отвели в другую куду, а в этой расположились свободные от дозоров русы. Ложились плотно, один к другому, прямо на пол, устланный соломой. Арнору, как вождю, досталось одно из почетных мест – на лавке. Он лег, подстелив овчину, завернувшись в плащ и накинув сверху свой походный волчий кожух. От утомления кружилась голова и перед глазами мелькали огненные пятна. Небось полночи проболтали... Вот-вот Виги придет его поднимать, чтобы поспать самому...

В последний миг, когда мысли уже плыли, вдруг вспомнились слова того покойника: «Буду приходить каждую ночь и ложиться между тобой и твоей женой»... Арнор еще успел улыбнуться про себя. Покойник-то провел эту суматошную ночь куда приятнее, чем кто-либо другой во всем яле. За разговором с Хавардом Арнор про него и позабыл, но теперь эта угроза навела на приятные мечты: когда-нибудь у него будет уютная постель в собственном доме, теплое и мягкое женское тело рядом... А все неугомонные покойники могут отправляться к Могильной Матери. На этом он и заснул.

* * *

Засыпал Арнор в мечтах о неведомой будущей жене, а проснулся с ясными мыслями о сестре.

– У Арно счастливые руки, – говорил он утром Виги, когда тот проснулся и Арнор сел вместе с ним и дренгами завтракать ячменной кашей, ржаными лепешками и остатками вчерашней баранины. – Она принесла жертвы за нашу удачу и тем спасла нас с тобой от бесславной гибели. Понимаешь? Это наша удача – что мы пришли сюда *не первыми*! Что булгары явились дней на десять раньше нас. Это нас здешние могли бы расстрелять на реке и добить выживших. А так эти тролли приехали раньше, меряне всей силой навалились на них, но при этом потеряли половину – самых ушлых. Они, должно быть, вызвали на этот бой людей из западных тукумов – поэтому мы почти не встречали там мужчин. И здесь, когда мы сюда дошли, стало почти некому воевать. Нет, Арно нельзя отпускать из дома. Она нужна нам. Она прямо-таки наша хамингья.

– А Гудбранд? – хмыкнул Виги. – Он ведь тоже набрал добычи и небось воображает себя Сигурдом Убийцей Дракона.

– Пусть Гудбранд хоть с козой себе любит, саатана, но Арно для него слишком хороша.

Братьям было о чем подумать и помимо судьбы Арнэйд, но времени рассиживаться не имелось. Вся добыча их похода осталась в дальнем яле под охраной всего десяти хирдманов во главе с Викаром, внуком старой Вефрейи, и Арнор не на шутку беспокоился о судьбе и своих людей, и всего добра. Едва немного рассвело, всех свободных от несения дозора безжалостно разбудили и отправили искать имущество булгар. Второпях переворачивали куды вверх дном, обшаривая короба, подполы, сеновалы, бочки и мешки. То и дело кто-то из дренгов приходил к Арнору и выкладывал то узелок с тремя-четырьмя шелягами, то шелковую островерхую шапку с меховыми «ушами», то глиняную чашу, расписанную зелеными и желтыми птицами, то бронзовый кувшин с узким горлышком и длинным носиком, то пару высоких хазарских сапог с загнутым вверх мыском, перстень с сердоликом. Нашли с десятков кафтанов и шуб – не все такие роскошные, как на том ряженном покойнике, но явно не здесь сшитые, несколько шлемов и кольчуг, луков и хазарских мечей с искривленным клинком.

Самая лучшая находка была сделана в «покойнищом» доме: помимо цветной сарацинской посуды, в коробе с мукой нашелся широкий плоский серебряный браслет с красным самоцветом в серединке. Вновь призванный для совета Хавард подтвердил, что вещи, конечно, их дружины.

– Это все предназначалось в подарок вам! – мрачно сказал он. – То есть тем знатым людям, с которыми мы надеялись увидеться в ваших краях. И всего этого было в четыре раза больше!

Остальное, как сказал Веденга, Сурабай раздал в другие роды, участвовавшие в той битве.

– Прочее искать не будем, – решил Арнор, убедившись, что здесь больше ничего нет. – Можно до весны по лесам шарить, а мы уже этих-то едва прокормим в пути.

– Так можно хоть в ближних ялах посмотреть! – взмолился Йоран, и кое-кто из дренгов его поддержал. – Полдня всего и потеряем. А там, может, еще бочонок серебра!

– Где искать эти ближние ялы, ты знаешь?

– Так у нас их вон! – Йоран ткнул рукой в сторону кудов. – Там сидят которые, они знают. Всего дела: у бабы забрать ребятенка, она куда хочешь приведет.

– От жадности, Йоран, тролль лопнул! – убедительно ответил Арнор, положив ему руку на плечо, и добавил, предупреждая возражения: – Если разграбят наш старый ял, пока мы здесь вожжаемся, убытку будет больше. Ты и так разбогател на двух рабынь и пяток коз, тебе мало?

С рассветом обнаружилось еще нечто, очень способное утешить: в загоне на другом краю яла стояли два десятка лошадей. Почти все они тоже были взяты у булгар, а теперьгодились для перевозки людей и добычи. Часть запрягли в сани, каждый из русов сел верхом, остальных отдали булгарам, которых, разумеется, забрали с собой. Трех раненых устроили на санях, и вскоре после полудня тронулись в обратный путь.

От разговоров с булгарами Арнор пока воздерживался – к тому же Хавард сказал ему, что среди них почти никто, кроме него, не говорит северным языком. Арнору лишь поклонился от саней важного вида крепкий старик, темноволосый, с нитями седины в длинной темной бороде. Даже сквозь грязь и худобу было видно, что это важный человек – усталость и голод не лишили его горделивой осанки и властности в выражении лица. Арнор разрешил булгарам взять свою одежду, если она есть среди найденной, и ничуть не удивился, когда старик выбрал самую роскошную шапку – на собольем меху, сплошь крытую узорным шелком, – и длинную широкую шубу на черной лисе. Но, как ни любопытно было Арнору узнать, что за птица, он оставил это до возвращения в Силверволл и встречи с отцом. Не будучи особо самонадеянным, он понимал: предстоят разговоры, для которых он еще слишком молод.

Пустив вперед дозор, он ехал в ряду дружины, глаза его привычно обшаривали лес по сторонам широкой реки. Мысль о значительности встречи с булгарами веселила его сердце даже больше, чем серебряный браслет за пазухой.

Глава 7

В самом дальнем яле, где оставался Гудбранд, Арнора ждал еще и Снэколь: перед расставанием вожди уговорились встретиться здесь и возвращаться вместе, чтобы не подвергать угрозе добычу на обратном пути. Оба были недовольны задержкой: взятый скот приходилось расходовать для прокорма дружины и своего полона. Чтобы умиротворить товарищей, Арнор, пребывавший в хорошем настроении, преподнес им подарки: Снэколю – льняной кафтан с шелковой отделкой, а Гудбранду – ту молодую женщину, Лисай, самую красивую из яла упрямого Сурабая.

– Я был прав! – потрясенно заявил Снэколь, держа в руках расправленный кафтан.

– В чем? – осведомился Арнор.

– Я тебе говорю! – Снэколь взглянул на Гудбранда. – Помнишь, я говорил: Арни так долго нет, потому что он все-таки полез до самого Булгара! Вот у него оттуда и добыча, и полон! – Он ткнул пальцем в булгар, стоявших настороженной и довольно хмурой кучкой.

У них для веселья было мало причин: Арнор заверил, что их жизни и свободе ничто не угрожает, но из всего их имущества вернул им только необходимую одежду, исподнюю и теплую. Хавард было намекнул на возвращение и остальных – той части, что нашла в яле Сурабая, – но Арнор ответил ему выразительным взглядом: ты меня за дурня держишь?

– Ты сам отнял бы законную добычу у своих людей после похода? К тому же ты говорил, что эти вещи предназначались для даров. Считайте, что вы их уже вручили, а мы приняли.

Это было весьма великодушно со стороны Арнора: посчитав вещи за дары от булгар, он тем самым пообещал им ответные дары. А мог бы держать их у себя в невольниках, пока из Булгара выкуп не пришлют... Однако те блага, которые сулило Бьюрланду их появление, весили неизмеримо больше, чем выкуп даже за троих знатных людей.

Проезжая во главе своей дружины от Мерянской реки к Силверволлу, видя впереди длинный холм с курящимся над острыми крышами печным дымом, Арнор слегка усмехался про себя: он будто мальчик, что пошел на Медвежий ручей удить рыбу, а выудил золотую гривну. С холма, где стоял Силверволл, их увидели издалека, и к тому времени как Арнор впереди обоза подъехал к холму, все жители высыпали его встречать и рассматривать добычу. Посмотреть было на что – всадников стало вдвое больше, чем при отъезде, позади брела толпа полона, потом гнали стадо – коровы, козы, овцы.

– Арни, надеюсь, ты отличился получше, чем Гудбранд! – воскликнула Арнэйд, радостно обнимая его.

– Конечно, получше! У него вот такого нет! – Арнор взял руку сестры и надел ей на палец золотое кольцо-цветок с красным самоцветом в сердцевинке.

Арнэйд ахнула и даже покраснела от восторга и потрясения.

– О, Арни! – Она подняла распахнутые глаза на брата, и он почувствовал себя вознагражденным за все труды и скитания по холоду. – Где ты мог такое взять?

Но Арнор только подмигнул ей и пошел распоряжаться. У него еще будет время обо всем рассказать подробно.

– Вот эти люди – не полон, это наши гости, – сказал он Дагу и прочим, показывая на булгар. – Их, думаю, стоит поместить в гостевой дом. Беда в том, что из них только двое говорят по-нашему – Хавард и вон тот длинный, его зовут Бард, а остальные – только по-булгарски.

Среди уцелевших гостей из Булгара, кроме Хаварда, нашелся еще только один рус. Остальные не знали ни одного из двух языков, известных в Бьюрланде, так что все разговоры с их вождями – Ямбарсом и Самуилом – вести можно было только при помощи Хаварда.

Но прежде разговоров гостям необходимо было привести себя в порядок – пока они больше напоминали леших, чем людей. Их нужно было отвести в баню, найти для них какую-

нибудь одежду, пока новые рабыни выстирают и высушат то, в чем они прибыли. Однако несмотря на их жалкий вид, Даг был склонен отнестись к гостям с уважением: сами вещи, которыми они владели до неудачной битвы на Валге, показывали, что люди это не бедные и имеющие вес. Даже взятые среди прочего уздечки их лошадей были украшены тесным рядом узорных бляшек из посеребренной меди и даже чистого серебра.

Предстояли немалые хлопоты – скот и полон требовалось устроить в тепле, людей помыть, всех накормить. Перед дележом добычи нужно было высчитать стоимость каждого человека и каждой козы, вычислить законную долю каждого участника похода, выделить Арнору «долю вождя», а потом уже распределить по новым владельцам. Серебряный браслет, золотое кольцо, лучший из мечей – с золоченой изогнутой рукоятью, украшенной самоцветами, и серебряный ковш с могилы Арнор взял в счет своей доли – он ведь был не только вождем похода, но и принадлежал к самому знатному роду в Бьюрланде.

– Но, Арни, такими драгоценностями прилично владеть только конунгу! – воскликнула Арнэйд, когда брат, еще источая запах снега, конского пота и замерзших кожаных ремней, выложил все это на стол.

– Ну а поскольку конунгов у нас тут нет, нашему роду будет приличнее держать у себя эти вещи, чем кому-либо другому! Уж Олаву я их не отдам – он для нашего похода не сделал ничего.

– Арни, тебя любят боги! – вполголоса произнесла Арнэйд, пока он раздевался. На собственного брата она глядела с таким изумлением, будто увидела впервые. – Тем летом ты нашел дорогу домой от самого Хазарского моря. А этой зимой ты нашел в дальних восточных лесах золото и серебро! Я думала, такие удачливые люди рождались только в старину.

Арнор промолчал в ответ. Стянув рубаху, подошел к лохани и знаком попросил Арнэйд ему полить. Не склонный к самолюбанию, пока что он не ощущал себя любимцем богов. Слава асам, после того похода он перестал чувствовать себя неудачником, которого старая мерянка заколдовала и лишила воли, а сыновья Альмунда ограбили, из-под носа уведя лучшую невесту. Но теперь непреклонная Кастан давно мертва, а бегство Илetail позабылось за четыре года. Его, Арнора, нынешние дела дадут людям более свежую пищу для разговоров, и в душе зародилась надежда, что впереди его и правда ждет возвышение. Разговорчивый покойник в желтом кафтане именно это ему и предсказал.

– Теперь можно ждать, что ты женишься на дочери конунга! – следуя в том же мысленном русле, улыбнулась Арнэйд, пока лила воду из бронзового кувшина – плода прошлого похода, – ему на руки, на спину и на шею.

– Незамужней дочери конунга у меня пока на примете нет, – буркнул Арнор сквозь ладони, обмывая лицо.

– А Ульвхильд?

– На ней уже женился Годред. – Арнор выпрямился и повернулся к сестре.

Вода текла по его лицу и гладкой широкой груди, где висели два «молоточка Тора» – серебряный на серебряной же плетеной цепи и янтарный, на кожаном ремешке, полученный еще от матери в подарок к осенним пирам, когда ему исполнилось семь лет. Взгляд Арнэйд упал на этот молоточек – теперь он находился на уровне ее глаз, – и подумалось, что только он и напоминает ей о брате, с которым они играли в детстве. Ей, шестилетней, мать тогда же подарила янтарную бусину величиной с крупную ягоду клюквы, и Арнэйд до сих пор носила ее в ожерелье среди других.

Ну и еще его глаза. У Арнора и в детстве были такие глаза – большие, светло-серые, со взглядом спокойным и пытливым. Он уже тогда знал: за свое достоинство и честь надо вести нелегкую борьбу, но был полон решимости не отступать. Помешать ему смогло только колдовство, и Арнэйд до сих пор хмурилась, поминая покойницу Кастан недобрым словом.

– Булгары рассказали, – продолжал Арнор, спеша поделиться важной вестью, – что сыновья Альмунда разорили западный край кагановых владений, взяли там большую добычу людьми и всем прочим, так что вся область волоков почти опустела. Думаю, Олав сочтет, что эти двое покрыли себя достаточной славой и отомстили за Грима, и согласится на свадьбу. Ну, то есть это же было еще прошлой зимой, так что сейчас эта свадьба давно уже состоялась. Я так думаю.

– Они покрыли себя славой?

Арнэйд вспыхнула: то, что касалось Олава и свадьбы его дочери, она пропустила мимо ушей. Все ее мысли устремились к Свенельду. Ведь сыновья Альмунда *вдвоем* пошли в тот поход мести; если уж их дело удалось и весть о нем дошла даже до Булгара, значит, славой они оба покрыли себя более чем достаточно! От радости у нее забилося сердце, щеки загорелись. Она и раньше не сомневалась, что Свенельд не уронит себя в военном походе, но целый год, с тех пор как прошлой зимой она узнала от Велерада об этом замысле, в самой глубине души жила тайная тревога. Из походов ведь не все возвращаются живыми и невредимыми, а Один выбирает для себя лучших мужей... Но удача не изменила Свенельду. Арнэйд стыдила сама себя – ее не должны так волновать успехи совершенно чужого и в придачу женатого мужчины, – и сознавала, что даже достижения родных братьев обрадовали ее немногим больше этого известия.

– Мои булгары мало что об этом знают, но такие вести до них доходили, – добавил Арнор. – Я их расспрашивал по дороге. Они сами в тех краях не были и только слышали о тех делах от люторикиков... Забыл, как называется племя, это какие-то славяне, они живут на Ванаквисле, поближе к тем краям. Но что волоки между Славянской рекой и Ванаквислем больше не доступны – в этом они уверены. Они же потому сюда к нам и повлеклись, что других путей не осталось.

Первые несколько дней Дагу и прочим хёвдингам Силверволла, занятым оценкой и дележом добычи, было не до булгар. Тех поселили в гостевой дом, там же пока разместили часть приведенных пленниц. Одинаковых по стоимости делили по жребию, но Арнор имел право сам выбрать, в итоге доля сыновей Дага составила семь человек – пять молодых женщин и двое парней, Веденга и один отрок лет пятнадцати, Латуган. В хозяйстве Дага теперь прибавилось скота, и новой челяди хватало работы. И в домашних хлопотах, как надеялась Арнэйд, ей со временем, когда новые служанки привыкнут к дому, станет полегче. Особенно она надеялась на двух – Касе и Талвий, которые, хоть и ходили угрюмые, довольно толково выполняли все им порученное. За ними присматривала Ошалче. У остальных же пока все валилось из рук, две только и могли, что сидеть, забившись в угол. Эти девушки за всю жизнь ничего не видели, кроме своего бола да священной рощи «тукым-ото», где их род приносил жертвы богам, а теперь оказались силой оторваны от всего привычного, от родичей, и заброшены в неведомый край, к чужакам, говорившим между собой на непонятном языке.

– Кто будет хорошо работать, те получают хорошую еду и никто их не обидит, – объявил им однажды Арнор, застав сестру, напрасно пытавшуюся выманить двух пленниц из угла, где они сидели, закрыв лицо ладонями, и пристроить к жернову молоть рожь.

Требовалась пропасть хлеба, и лепешки пекли чуть ли не весь день. Более суровая хозяйка уже употребила бы палку, но Арнэйд была для этого слишком доброй.

– А кто не возьмется за ум, тех мы скоро продадим сборщикам из Хольмгарда, а те продадут их варяжским купцам, а те увезут их на продажу куда-нибудь в Бьёрко или Хедебю. Хорошо ли им будет за три моря отсюда, где даже языка их ни один человек не понимает?

– Ну же, Идави! – уговаривала Арнэйд. – Бери подругу за руку, и пойдем. Если не будет муки, не будет лепешек, и вам не достанется. Лентяек кормить никто не станет. Вы же не хотите умереть прямо в этом углу?

– Давай я их обменяю на каких-нибудь посговорчивее, пока не поздно.

– Если к вечеру они не возьмется на ум, придется так и сделать, – устало отвечала Арнэйд. – Но жалко – они по виду сильные, крепкие, как раз чтобы ходить за скотом и молотить зерно. Будут хорошо работать, когда привыкнут.

Хотела бы она в это верить. Пока же у нее только прибавилось забот со всеми новоприбывшими, включая и болгар.

– Я сейчас приведу Талвий, – добавила Арнэйд, – она потолковее, она их уговорит.

Талвий была молодая женщина, пару лет назад вышедшая замуж, но, как поняла Арнэйд, в новом доме ей не нравилось и она была не прочь оттуда уйти в другое место.

Из болгар за первые дни Арнэйд случалось разговаривать только с Хавардом. Увидев его назавтра после прибытия, Арнэйд даже ахнула по себе – так он изменился, помывшись и одевшись в чистую, хоть и простую одежду. Лет ему было около двадцати пяти; правильные, довольно тонкие черты лица, голубые глаза, светло-русые, с золотистым отливом, слегка выющиеся волосы до плеч давали ему право считаться даже красавцем. Неряшливо отросшую бороду он подбрил и привел в опрятный вид. После всего пережитого он еще выглядел осунувшимся, но на губах его заиграла легкая, дерзкая улыбка (Арнор счел ее нагловатой и укрепился в своем настороженном отношении к новому знакомцу). Перед Арнэйд Хавард всегда принимал почтительный, даже покорный вид, не скрывая, что именно ее, а не Ошалче, с которой даже не мог объясняться, считает госпожой Дагова дома. Завидев Арнэйд, торопливо идущую с каким-нибудь делом, он слегка кланялся и так замирал, как околдованный, лишь следил за нею глазами. Она, несколько смущенная этим почтением чужеземца, кивала и проходила мимо. Но обо всех делах, касавшихся болгар, ей приходилось говорить с ним. Бард, второй, кто знал северный язык, был довольно угрюмым бородачом, не склонным к болтовне.

– Не знаешь ли ты, госпожа, какой-нибудь сведущей лекарки? – спросил Хавард у Арнэйд на второй или третий день после их прибытия в Силверволл. – Многие наши люди ослаблены долгой дорогой и пленом, хворают. Пусть бы она их полечила, иначе кое-кто не увидит весны.

Это была правда: в мерянском яле болгарским пленникам приходилось мало есть и много мерзнуть, да и путь до Бьюрланда выдался нелегким, и теперь многих томил кашель, слабость, ломота в костях.

– Я могу послать за Вефрейей, она у нас считается самой мудрой женщиной, – ответила Арнэйд. – Но могу попробовать и сама – я летом собираю травы, у меня есть зверобой, душица, липовый цвет. Еще у нас заваривают сосновую хвою.

– Наши люди будут вдвойне благодарить своих богов, если о них позаботится сама госпожа! – Хавард с чувством поклонился, и в голубых его глазах светилась та почтительность с оттенком дерзости, которая настораживала Арнора.

При этом Арнэйд заметила, как Хавард бросил взгляд на золотое кольцо-цветок у нее на руке. Видно было, что это кольцо он знает; ему известно, кому оно раньше принадлежало. Может быть, ему самому? Но уж сказать об этом у него наглости не хватит!

Арнэйд пошла в сени своего дома, где хранила в больших берестяных туесах запасы сушеных трав, и послала младших срезать свежую сосновую ветку. Отсыпав всего по горсти в медное ведерко, она вернулась в гостевой дом и подвесила ведерко на шест к очагу, где в середине был разведен огонь.

В гостевом доме Силверволла можно было устроить более сотни человек, и нередко во время сбора дани он бывал полон. Он состоял из трех помещений: сперва шли длинные сени, потом теплый покой с широким, сложенным из валунов очагом посередине, длиной более чем в два человеческих роста, на подсыпке в локоть высотой. Над этим очагом при желании можно было зажарить хоть лося целиком или повесить в ряд пять-шесть больших котлов либо решеток для мяса, а пламя его хорошо освещало длинную палату. Понизу по всей длине стен шли широкие помосты, где днем сидели, а ночью спали, перед ним – столы, а над помостами полати. В дальнем конце была дверь в третий покой, где имелась только печь-каменка и спаль-

ные помосты в два яруса. В обычное время там хранились свернутые тюфяки и шкуры, которыми укрывались во время сна. Сейчас половину их достали, чтобы можно было уложить болгар и пленниц, и помещение, где в эту пору обычно пахло лишь холодом, обрело жилой вид.

Арнэйд нравилось бывать в гостевом доме. Здесь она в прежние зимы видела Свенельда сына Альмунда... Сидя возле очага в ожидании, пока вода закипит, Арнэйд смотрела в огонь и снова, в который уже раз вспоминала те давние встречи. «Здесь берут мыто за проход с товаром...» Уже слабо верилось, что когда-то Свенельд поцеловал ее в сенях этого самого дома, среди мешков, коробов, бочонков и висящей упряжи, в то время как ей оттягивала руку корзина с яйцами. Теперь и сам Свенельд, и тот поцелуй казались такими далекими! Сама тогдашняя Арнэйд казалась себе такой непохожей на нынешнюю: молоденькая и впервые задумавшаяся, за кого же ей хочется выйти. И мысль эта пришла ей в голову лишь при известии о женитьбе Свенельда... Сегодня ее окружали в этом доме совсем другие люди, но, хотя болгары находились прямо у нее перед глазами, а Свенельда она видела в воспоминаниях годичной давности, он все равно казался ей более настоящим, чем голубоглазый Хавард, плотный черноусый Ямбарс, угрюмый Бард, седобородый Самуил и все их смуглые спутники.

Самуил был среди них самым значительным человеком; Арнэйд никто не говорил об этом, она сама догадалась, что он и есть болгарский хёвдинг. Человек преклонных лет – пятидесяти или шестидесяти, не разберешь, – он держался величаво, и, как заметила Арнэйд, ел отдельно от прочих. У него было продолговатое смуглое лицо со впалыми щеками, такое сухое, что казалось вырезанным из потемневшего дерева, с крупным носом и довольно длинной, волнистой бородой, когда-то черной, а теперь полуседой. Шуба его и крытая шелком соболья шапка обличали человека очень знатного, но, как подумала Арнэйд, если он их лишится, то в достоинстве не потеряет. Из-под низко надвинутой на лоб шапки карие глаза его смотрели остро и пронизательно, но при этом спокойно, словно ему не требовалось напрягаться, чтобы увидеть всякого насквозь.

Пока Арнэйд готовила отвар, Самуил сидел на своем обычном месте – напротив у очага, – и наблюдал за нею, но не пристально, а как бы между делом. Когда она стала размешивать в котелке длинной ложкой, он кивком подозвал Хаварда и что-то ему сказал.

– Господин Самуил благодарит тебя за доброту и заботу о наших людях, – перевел Хавард. – Он говорит, да воздаст тебе Господь за это доброе дело, да будешь ты в милости перед лицом его.

Арнэйд опустила взгляд. Черты Самуила были суровы, но во глазах светилась мудрость. Она подумала, что он, наверное, неплохой человек, но его резкая непохожесть на всех, к кому она привыкла, смущала ее.

– Он говорит, что его ждет дома дочь твоих лет, ее зовут Мириам.

Самуил закивал, глядя на Арнэйд темными глазами из-под морщинистых век, будто давая этим понять, что смотрит на нее как на дочь.

В последующие дни, пока Дагу было не до того, Арнэйд еще не раз беседовала с Самуилом. Выяснилось, что он немного знает славянский язык, и это давало им возможность разговаривать без помощи толмача. Завидев ее, он показывал на скамью возле себя и приглашал: «Подступи к нам».

– Скажи мне ответ, – начинал он, неторопливо подбирая слова в языке, который им обоим был не родным, но единственный давал возможность общаться. – Сколь много лета род твой поживать в эта страна?

– Мой род поживать в Мерямаа... – Арнэйд быстро подсчитала на пальцах, – шесть колено. Мой старший дед был первее прочих всех.

– Твой род самый перво... первородный есмь?

– Ну... да. – Арнэйд надеялась, что поняла его верно.

Рассказать всю сагу о Бьярнхедине Старом на славянском языке ей было не под силу. Расспрашивал Самуил и про Хольмгард – что за человек Олав конунг, велики ли его владения, богатства, военная сила, связи с другими конунгами и влиятельными людьми, какие пути туда ведут. Об этом Арнэйд знала лишь понаслышке – ни Олава, ни Хольмгарда она в глаза не видела. Тогда она посылала за Виги, который в Хольмгарде некоторое время перед тем походом прожил сам: он был посвободнее, чем Арнор, занятый оценкой и дележом добычи. Виги тоже помнил с детства несколько славянских слов, но вести связную беседу не мог, и Арнэйд приходилось им с Самуилом переводить. Почти каждый раз с ними сидел и Хавард, почти не сводя с Арнэйда глаз, и на губах его играла легкая улыбка. «Можно подумать, он свататься приехал!» – однажды буркнул Виги. «Только не скажи этого Арни!» – Арнэйд даже испугалась, что будет, если старший брат заподозрит такие намерения в госте, которого вытащил из «какой-то вонючей задницы» грязным, как тролль.

Глава 8

– Поро кугу юмо¹⁶! – Арнэйд села на лавку и уронила руки на колени. – Не скажу, что хотела бы поменяться с нашими новыми рабынями, но едва ли хоть одной из них пришлось в эти дни работать больше моего! Даже когда они стирали вчера, я все это время была при них и замерзла, как волчица!

Шел последний вечер перед большим пиром. Завтра на курганах опять соберется весь Бьюрланд, чтобы принести жертвы в благодарность за удачный поход. Завтра Арнэйд снова предстояло, одетой в лучшее платье, держать серебряную чашу с жертвенной кровью, но она сомневалась, хватит ли у нее сил держаться на ногах. Одно радовало – на пиру всю челядь и скот раздадут по рукам, останется только их собственная доля, и ей уже не придется следить, чтобы несколько десятков человек и сколько же голов скота были накормлены, напоены, согреты и прибраны как подобает.

– Виги, я знаю, что в походе вы перенесли немало трудов и опасностей, – продолжала она, глядя на младшего брата: Виги развалился на скамье напротив и ухмылялся. – Но для меня этот пир тоже что-то вроде военного похода... Когда все закончится, меня придется нести домой на руках.

– С этим я справлюсь. Главное, чтобы Гудбранд не пытался унести тебя на руках *к себе* домой! – язвительно ответил ей Арнор. – Я удивляюсь, что он еще не прибежал сюда с теми обещанными пятью служанками. Наверное, хочет вручить их при всех свидетелях, на пиру, перед богами, чтобы все знали, что после Харальда Боезуба и Кугырака свет не видел равных ему!

– А ты... не слышал? – Арнэйд осторожно покосилась на него.

– Чего я не слышал?

– Мне рассказала Гисла... Рунольв сегодня ездил в Ульвхейм, ему там рассказали... Гудбранд привез какую-то пленницу и теперь в ней души не чает. Подарил ей не то два, не то три платья Хильд, и все ночи проводит с нею. Рунольв сам не видел, но говорят, очень красивая. Если Гудбранд опять будет свататься, я ему намекну, что раз место уже занято, я не собираюсь соперничать с пленницей!

– Пленница? – Арнор поднял брови. – Красивая? А как ее зовут, не говорили?

– Лиса, Лисави – как-то так. Что-то о трудолюбии, хотя, говорят, работой он ее не томит¹⁷!

– Лисай! – воскликнул изумленный Арнор.

– Да, вроде так. Ты ее знаешь?

– Так это же моя пленница!

– Твоя?

– Я сам ему подарил! Чтобы он не ворчал, что я задержался на востоке.

– Ты знал, в чем у него нужда! – Арнэйд фыркнула.

– Но... – Немного растерявшись от такого итога своего великодушного порыва, Арнор подошел к ней. – Арно, ты не огорчилась? Я, конечно, не хочу с тобой расставаться, но если ты надумаешь... Я могу ему втолковать, что он роняет...

– Святы-деды! – Арнэйд обняла его за шею. – Оставь его наслаждаться твоим даром. Хотя бы этой заботой у нас будет меньше!

Скрипнула дверь в сених, качнулась внутренняя, вошел Даг, источая морозный запах.

¹⁶ Великий добрый бог!

¹⁷ Эти имена связаны с понятием «трудолюбие».

– Арни, ты здесь? – Он оглядел полутьму жилища, стирая снег с бороды. – Пойдем в гостевой дом. Перед пиром стоит потолковать с твоими найденышами. Наверняка нас спросят завтра, что это за люди, а у меня самого не было времени это выяснить!

Когда Арнор и Даг вошли, Самуил и Ямбарс возле очага повернули к ним головы. При виде Дага – он зашел сюда впервые за эти дни – гости, чуть помедлив, встали и поклонились.

– Вы старшие над этими людьми? – спросил Даг, подходя и садясь напротив.

Самуил нашел глазами Хаварда – тот сидел среди прочих булгар за игрой в кости, но появление отца и сына прервало игру. Хавард вскочил и торопливо подошел.

– Приветствую тебя, Даг хёвдинг, и тебя, Арнор, от лица Самуила бен Бехера, Ямбарса Алпай-улы, от моего и от всех наших спутников. – Он поклонился, кивая каждому, кого называл.

Потом присел на самый край скамьи, всем видом показывая, что не навязывается в беседу значительных людей, а всего лишь готов помочь им понять друг друга.

– Нам нужно поговорить, – без предисловий начал Даг. – Завтра мы приносим жертвы, у нас будет большой пир, сюда, в этот дом, соберутся все лучшие люди Бьюрланда. Кое-кто уже слышал о вас, и люди непременно захотят узнать, кто вы такие и с чем прибыли.

Даг вопросительно взглянул в глаза сперва Самуилу, потом Ямбарсу – смуглому крепышу лет сорока, с грубоватыми чертами круглого лица, с большим носом и густыми черными усами. Узковатые темные глаза его горели, как угольки.

– Кто вы такие? – прямо спросил Даг.

– Мы – торговые люди из Булгара, и я не сомневаюсь, что твой сын уже рассказал тебе об этом. – Самуил помнил, что часть этих вопросов Арнор задал им еще в первый день знакомства. – Мы прибыли сюда ради дела, необходимость которого и тебе, как человеку умному и бывалому, тоже ясна, – он делал в речи остановки, чтобы Хавард мог перевести как следует. – Очень много лет ценные меха с севера шли к южным морям через волоки между Славянской рекой на Дон, а оттуда через переволоку на реку Итиль. С переволоки можно было ехать вверх по реке – к Булгару, или вниз – к городу Итиль, где живет каган, хакан-бек и все их приближенные. Эта торговля приносила всем много пользы, а сведущим людям – богатство. Так было, пока хакан-бек Аарон не разгневался на русов, – Самуил бросил взгляд на Арнора, – которые проходили через его владения.

Арнор стиснул зубы, глядя перед собой. Аарон разгневался, еж твою кочерыжку! Аарон подлю напал на них, разорвав мир без всякого повода с их стороны! Получив половину добычи, пытался захватить и остальное! Но было не время снова разъяснять, что они не виноваты, и Арнор промолчал.

– После этой ссоры торговый мир между хакан-беком и владыками русов был разорван, – продолжал Самуил, неприметно из-под полуопущенных век наблюдая за лицом Арнора, на котором все же отражался тайный гнев. – Оставалась надежда, что хотя бы через годы мир будет восстановлен и мы снова будем обменивать дорогие меха на серебро из Гургана. Но Бог отвратил свое лицо от торговых путей. Прошлой зимой ваши люди – ваши сородичи с севера – явились на волоки между Славянской рекой и Доном и разорили ее. Сожжены города, люди убиты или уведены в плен. Эта область сделалась непроходима, и древний торговый путь разрушен. Это ведь сделали люди Олава?

– Откуда тебе известно, что эта область разорена русами?

Даг старался не подавать вида, насколько эта весть важна, а главное, что они в Бьюрланде до появления булгар об этом не знали.

– Нам известно это от славян, которые живут на верхнем Дону. Они называются лютотричи. Их князь, Лютослав, был там и все видел своими глазами. Он прислал эту весть в Итиль, а оттуда она разошлась по всем окрестным землям.

– Да, это сделали люди Олава, – подтвердил Даг. – Мы с прошлой зимы знали об этом замысле.

– Олав имел законное право на эту месть – на Итиле погиб его зять, Грим конунг, – вставил Арнор.

При этих его словах у Хаварда вытянулось лицо.

– Погиб... – он впился глазами в Арнора, – кто, ты сказал, погиб?

– Грим конунг, старший вождь всего похода. Он был сыном Хельги Хитрого из Кенугарда и зятем Олава из Хольмгарда. Вместе со своей дружиной он пропал там на Итиле, в самую последнюю ночь, когда мы уже отплывали. При нем были две сотни киевских варягов, самая лучшая часть войска! Из них мы больше не видели ни одного человека! И еще без малого тысячу убитыми и ранеными мы потеряли в один только первый день, когда арсии напали на нас, считай, как на спящих!

Давний гнев все же прорвался в речи Арнора, не очень-то остывший за полтора года с лишним. Внимательно выслушав, Хавард стал переводить – запинаясь, медленно подбирая слова. Самуил и Ямбарс переглянулись; оба тоже переменялись в лице.

– Какое несчастье... – пробормотал Самуил. – Какое ужасное несчастье... И что же... – Он вопросительно взглянул на Арнора, – его тело... сумели вынести? Оно было погребено как подобает?

– Нет, – угрюмо ответил Арнор. – Все, кто был с Гримом, тоже погибли, вынести тело было некому.

– Но какие-то люди... хотя бы рассказали родным, каким образом он погиб? От чьей руки... куда делось тело?

– Никто этого не видел.

Арнор невольно хмурился: противный старикан этими вопросами попадал в самое болезненное место. Никто из выживших русов не видел гибели Грима, не видел тела, вообще не знал, что с ним стало. Те, кто отплыл, оставив его с дружиной на берегу живым, не получили больше никаких сведений о том, что случилось после их отхода. Целых полдня, когда все остальные уже собрались на острове выше по реке, ждали Грима – и напрасно. А когда поняли, что не дождутся, возвращаться и что-либо предпринимать было поздно. В темноте на воде слышны были звуки битвы, грохот копыт хазарской конницы... Прочее оставалось только воображать. Грима и его людей сочли погибшими именно потому, что ни один из них так и не присоединился к основной части войска. И Арнор хорошо помнил, какой жгучий стыд они, люди Олава, испытывали в тот день, поняв, что потеряли своего вождя и не могут даже прояснить его судьбу.

– Думаю, хакан-беку дорого обошлось бы примирение с Олавом, – добавил он. – Смерти Грима ни он, ни Хельги ему не простят.

Булгары медлили с ответом, обдумывая его слова и переглядываясь.

– Я сомневаюсь, – медленно начал Самуил, – чтобы хакан-бек пожелал сам искать мира с теми людьми, что пролили кровь его подданных на его земле, вблизи «города царства». Возможно, много лет пройдет, прежде чем всемогущему богу будет угодно смягчить сердца и угасить эту вражду. Но трудно смириться с тем, что на эти годы прекратится всякое сообщение товаров между северными странами и южными...

– Я пока не услышал самого главного, – вставил Даг, когда Хавард заканчивал переводить. Он видел, что разговор о том раздоре весьма задевает всех собеседников, и стремился охладить накал чувств. – Кто вас послал, уважаемые? – Он перевел взгляд между Самуилом и Ямбарсом. – Если вы из Булгара, вас послал Алмас-кан? Если так, то вам незачем излагать ваше дело мне. Речь Алмас-кана предназначена для ушей равного ему – для Олава конунга. Его люди будут здесь уже довольно скоро, и вместе с ними вы уедете в Хольмгард.

Выслушав это же по-булгарски, Самуил и Ямбарс опять переглянулись. Даг видел, что им не по вкусу это предложение, хоть они почему-то не решаются его отвергнуть.

– Нет, нас не посылал Алмас-кан, – наконец произнес Самуил.

– Тогда кто? И к кому вы направляетесь?

– Нас послали... уважаемые люди... из Булгара. Известно ли тебе, кто такие рахдониты?

– Кое-что я слышал об этом. Это люди... почти такие же, какими сами русы были лет сто назад, пока у нас не было конунгов в Гардах. Торговые люди, что объединяются в дружины и сами возят свои собственные товары из конца в конец света. Но у нас такого больше нет. С тех пор как в Гардах и в Кенугарде появились конунги, все права на дальнюю торговлю мехами, челядью и серебром принадлежат только им. Те, кто не хотел смириться с потерей этих прав, были изгнаны или перебиты.

Арнор в это время смотрел на Хаварда, который внимательно слушал, ожидая, когда настанет пора переводить, и заметил, что при последних словах Дага Хавард переменился в лице. Обычно приветливое, даже услужливое выражение на миг сделалось жестким. Дрогнули ноздри, голубые глаза похолодели и стали безжалостными. Но тут же он, почуввав взгляд Арнора, снова расслабился и даже слегка улыбнулся ему одними губами. Однако сделать более теплым взгляд ему не удалось.

– Разве это справедливо? – оживился Самуил. – Почему люди, которые честно вели свои дела, поставляли тем же князьям хороший товар, давали хорошую цену за их товар, преодолевали долгий путь, постоянно подвергая опасности свое имущество, жизнь, свободу, здоровье – и они были изгнаны?

– Вот, Хавард... – Ямбарс взглянул на своего молодого товарища, но прочел в его лице нечто такое, что решил не продолжать.

– Изгнаны лишь потому, что жадность князей не знает предела! – продолжал Самуил. – Им мало военной добычи, мало дани, им нужны еще главные прибыли от продажи всего этого, от торговли. Разве дело князей – торговать? Князья – потомки богов, так они о себе говорят, ведь правда? Их ли дело – считать куниц и отнимать хлеб у людей, которые не сражаются, не собирают дани...

– Если бы не князья, никто из наших не попал бы на заморские торги, – сказал Арнор. – Хельги Хитрый из Кенугарда должен был пойти войной на греков, чтобы их цесари разрешили русским купцам приезжать в Миклагард. Самим купцам это было бы не под силу. С ними бы цесари и разговаривать не стали.

– Ну а теперь никаким князьям не под силу водворить мир и восстановить безопасный путь между Славянской рекой и Хазарской. Но если уважаемые и достойные люди сумеют договориться между собой, то дело можно значительно поправить!

– Что это за уважаемые люди? – снова спросил Даг. – Рахдониты?

– Да, я прибыл сюда по совету многих уважаемых в Булгаре людей.

– Но как вы сможете... сможете ли вы обойти волю хакан-бека? Он ведь не допустит таких отношений.

Арнор вспомнил разговоры в булгарском стане: дескать, если хазары спросят о русах, лучше сказать им, что буртасы перебили все остатки русского войска ниже по реке и до Булгара они не дошли. И эта «шутка» обошлась русам в часть добычи немалой ценности.

– Алмас-кан платит дань хакан-беку, а торговые люди той и другой страны живут в тесном союзе между собой и ведут множество общих дел, – ответил ему Ямбарс. – Я скажу вам откровенно, раз уж вижу в вас людей понимающих и опытных, – он прищурился, – торговые люди в самой Хазарии, в Итиле, в Саркеле, в Беленджере, в Карше, в Самкерце, в Семендере, в аль-Бабе не более вас рады этой распре, которая всех лишила прибылей. Не нашего ума разбирать дела владык, но мы должно делать свои дела. Уважаемые люди послали нас сюда, на этот

дальний северный край света, чтобы поискать здесь разумных людей, которые тоже не хотят терять доходы.

– Кто эти уважаемые люди? – спросил Даг.

– Я могу назвать тебе их имена, – сказал Самуил, – но сомневаюсь, чтобы когда-то ты их слышал. Это Ешав бен Хелон, Гадиил бен Елишам, Махир бен Сефур, Нафанаил бен Саул... Если бы сам хоть раз был в Итиле... или в Булгаре, ты знал бы: каждое из этих имен для осведомленного человека звучит как звон золота!

– И ты *услышал* бы звон золота, – горячо подхватил Ямбарс, – принесенного этими именами, если бы не эти шайтуны... – Он бросил сердитый взгляд на другой угол дома, где сидели кучкой два десятка мерянских пленниц, в настороженном молчании наблюдавших за мужчинами. – Если бы при нас остались все те дары, которые эти люди послали...

– Своим товарищам в этих краях! – от себя помог ему Хавард. – Тем, кто услышит голос разума и пожелает водить дружбу с на... с этими уважаемыми людьми. Ты можешь убедиться, Даг хёвдинг, что я не лгу: твоя дочь теперь носит на руке золотое кольцо с рубином огромной ценности. Едва ли во всей этой стране найдется другое такое же – поправь меня, если я ошибаюсь. Это кольцо было в числе тех даров, что передали для вас уважаемые рахдониты. Мы рады, что хотя бы часть их попала к тем, кому назначалась, то есть к вам. Но только представь, что этих даров уже сейчас у вас могло бы быть в три, в четыре раза больше! И золота, и серебра, и цветных одежд!

Даг ответил не сразу, а вопросительно взглянул на сына, но тот ничего не мог ему подсказать. Даг имел немалый опыт в заключении разных сделок, но сейчас происходило нечто такое, с чем он не встречался. При его жизни и даже при жизни его деда – со времен Тородда конунга, основавшего Силверволл, – вся дальняя торговля находилась в руках владык из Хольмгарда. Таким, как он, оставалась лишь торговля местная: забрать пушнину из лесного бола, передать сборщикам Олава, получить серебро, железо и прочие товары, чтобы на это выменять в болах пушнину уже следующей зимы. Богатство его рода прибывало медленно, от поколения к поколению. Но в дальней торговле идут совсем другие дела, потому владыки и забирают ее в свои руки: если здесь одна стеклянная бусина стоит три куницы, то на Хазарском море одна куница стоит три бусины. Когда люди Олава покупают меха там, где меха дешевы – у мерянских и чудских ловцов, – и увозят туда, где дешевы бусины – куда-нибудь в Сирию, – то стоимость дороги окупается неоднократно, пусть даже эта дорога займет полгода. Увезя отсюда, из Силверволла, одну куницу, через год привезешь стоимость девяти куниц. Но до сих пор шесть из них приходились на долю Олава конунга.

И вот приехали люди, которые предлагают исключить из числа получающих прибыль во всяком случае Олава конунга, а может, и хакан-бека Аарона с Алмас-каном. Но Даг не мог так сразу оценить все возможности и опасности этого расклада.

– Мы и другие наши люди стали бы приезжать сюда к вам, – заговорил снова Самуил, будто угадав, что мысли Дага дошли именно до этого места. – Твой сын, – он взглянул на Арнора, – сам проделал этот путь и знает: он хоть и длинен, но преодолим. Мы будем привозить к вам из Булгара серебро, шелковые ткани, красивую посуду, пряности. А вы будете продавать нам разнообразные меха, которыми ваша земля так богата, мед, воск, челядь. На всякой челяди можно делать большие деньги, а у вас тут есть где ее взять. И мы видим, что вам это под силу. – Он мельком глянул на мерянских девушек. – Хотя скажу тебе честно, на рынках Багдада лучшую цену дают за дев славянских, со светлыми волосами и большими синими глазами.

Самуил слегка рассмеялся, прищурившись, и сразу стало видно, что в девах он тоже знает толк, хоть и немолод.

«Да где я их тут возьму...» – по привычке подумал Даг, но тут же сам себе ответил: где взять, найдется. Славяне живут отсюда не так уж далеко – на юг и на запад. Дело не в этом...

– Мой сын убедился, – Даг оглянулся на Арнора, – что этот путь преодолим для войска в две тысячи человек. Для отряда в три-четыре десятка человек он *не* преодолим! Через месяц или через два, на этом пути найдутся удалыцы, которые решат, что ваши дары – это для них. И ваши жизни тоже. Только случай и милость ваших богов спасли вас от смерти. Не окажись мой сын в то же время в том же яле, никто никогда и не узнал бы о вашей участи. Вы бы пропали в этих лесах, как... как песчинка на дороге длиной в два месяца, и ни один чародей не нашел бы ваших следов.

– Согласен, в этот раз нас постигла неудача, – Самуил ненадолго отвел взгляд. – Но господь посылает милость свою стойким, тем, кто смиренно принимает его волю. Господь может потребовать от человека куда большей жертвы, чем серебро, одежды и кони. Тот, кто останется верен своему пути...

– Вижу, наши речи были неубедительны, – сказал Ямбарс, наблюдая за лицом Дага. – Потому что мы мало можем подкрепить их чем-то более весомым и звонким, чем слова. Ведь если бы мы привезли сюда все то имущество, что пропало в лесах, ты ближе к сердцу принял бы наши доводы?

– Потеряна ничтожная доля того, что ты можешь на этом выиграть, – снова обратился к Дагу Самуил. – Настанет весна, и ты, твой сын, твои люди – все, кого ты избереешь, – смогут поехать с нами вниз по реке обратно к Булгару. И там они увидят своими глазами, какие люди делают вам это предложение и что могут дать в обмен на дружбу. Мы ведь не спешим. Этот мир существует уже больше шести с половиной тысяч лет. Может подождать еще год-другой, – он засмеялся, показывая потемневшие мелкие зубы.

– Мир существует шесть тысяч лет? – Глаза Арнора широко раскрылись от изумления.

Его поразил не столько названный возраст мира, сколько само то, что у мира есть возраст, будто у человека.

– Именно так, – перевел Хавард ответ Самуила, усмехаясь его изумлению. – Шесть тысяч четыреста... и сколько-то еще лет назад Господь сотворил сперва небо и землю, создал свет, день и ночь, и приказал земле родить траву и деревья, и поместил на небо светила для дня и для ночи, и сделал рыб, птиц, всех животных, а потом и человека. На все это у него ушло шесть дней. Но только Господь в силах делать важные дела так быстро.

– Я должен это обдумать, – сказал Даг и поднялся; рассказ о сотворении мира он пропустил мимо ушей, его занимали дела более близкие. – Не советую вам завтра на людях упоминать о том, что ты рассказал мне... Это может... породить ненужные толки.

– Понимаю. – Самуил прищурился. – Такие дела – только для разумных и осторожных людей. Думаю, и Олаву в Хольмгарде пока не следует об этом знать, – он многозначительно взглянул на Дага. – Как ты верно сказал, владыки должны вести разговоры с равными себе. Мы с тобой – не владыки, но мы можем делать свои дела между собой и получать хорошую прибыль. Главное здесь – уважение друг к другу и доверие. Для того, кто с нами в дружбе, у нас найдут такие дары, какие не от всякого хакана получишь. Надеюсь, со временем ты будешь среди тех, кому господь назначил лучшие плоды своего сада... Хотя и не так, как сыны Израилевы.

Кто такой Израиль, Даг спрашивать не стал – видно, еще один из этих загадочных «уважаемых людей», от лица которых с ним вели эти прельстительные речи. Даг, хоть и не считал себя большим мудрецом, был довольно умен, чтобы за прельстительностью разглядеть опасность. Самуил предлагал ему завязать торговые связи с булгарскими купцами напрямую, без ведома Олава, а может, и Алмас-кана тоже. Никаких посольств, как делал Хельги Хитрый с греками, никаких договоров, в которых каждая статья обсуждается по несколько лет и четко определяет права и возможности торговых гостей в чужом краю. Только тайная договоренность между ним и Самуилом – «уважение и доверие». В свидетелях – лишь боги того и другого.

Но можно ли доверять этим людям? Мы ведь знаем о них только то, что они сами рассказали, говорил себе Даг. Они предлагают весной поехать с ними в Булгар... Сделать то самое, что рано или поздно соберется сделать сам Олав – и скорее рано, ему ведь тоже хочется покончить с зависимостью от Хельги Хитрого, без воли которого он сейчас не получит ни одного серебреника. И это дело, само по себе весьма опасное, придется делать тайком от Олава и людей из Хольмгарда. И все дальнейшие дела делать втайне. Возможно ли это? Люди Олава бывают здесь каждую зиму и внимательно приглядываются ко всему имуществу, когда собирают дань. Возможно ли будет скрыть от них плоды булгарской торговли? А что если Олав сам завяжет отношения с Алмас-каном и через него узнает о товарах из Мерямаа? И что сделает Олав, когда обнаружит, что его водят за нос?

Думая обо всем этом, Даг полночи не мог заснуть. Осторожно ворочался, чтобы не разбудить никого из малых детей, и чувствовал, что гости из Булгара отравили ему радость от успешного похода и влили полведра дегтя в праздничный мед. Возможность нажить богатство быстрее и легче прежнего манила, но мысли о ней больше тревожили, чем радовали.

Может, лучше б не было никакого похода и добычи, если вместе со скотом и полоном Арнор привез с востока вот это!

* * *

Утром, еще в темноте, Арнор, Виги и Арнэйд тайком шептались в длинных сенях.

– Только еще не хватало, чтобы эти ёлсы стали на пиру рассуждать о подарках и торговле в обход Олава! – рассказывал брату и сестре Арнор. – Все напьются и начнут вести такие речи, что потом беды не оберешься.

– А чем тебе не нравится торговать с Булгаром, если Булгар тоже этого хочет? – хмыкнул Виги. – Да с прошлой зимы у нас везде об этом толкуют!

– Это все сначала надо обдумать. Ма шанам¹⁸, Олав ведь не будет так спокойно смотреть, как мы с тобой присваиваем его доходы. Да и что там еще с Булгаром... а дорога туда! Мы с тобой от восточной мери живыми вырвались, прямо скажем, только благодаря удаче – если бы эти булгарские ёлсы не пришли первым и не перебили половину, мы с тобой сейчас тут не стояли бы. Надо разобраться получше, что за люди и к чему нас толкают. Без того, чтобы об этом сразу узнал весь Бьюрланд.

– Но как им помешать? Не звать на пир – обидятся, а люди-то они важные.

– На пир не должен попасть только Хавард, – сказала Арнэйд. – И еще Бард, но он не такая важная птица, чтобы обидеться. Без Хаварда двое других ни с кем не смогут столковаться.

– Верно! – одобрил Арнор. – Надо как-то этого лупоглазого убрать, а старик с тем крепышом пусть их сидят на пиру.

– И как мы его уберем? – Виги подбоченился.

– Да как... – Арнор сейчас был не склонен мямлить. – Пока темно, вызвать его на двор, мешок на голову, свяжем и куда-нибудь в клеть.

– Погоди, аля¹⁹, не спеши. – Арнэйд взяла его за локоть. – Я сейчас пойду к ним готовить завтрак, может, улажу это дело мирным путем.

Арнэйд сегодня явилась в гостевой дом рано: здесь еще многие спали, булгары в одной части длинной палаты, пленницы в другой, и лишь один, Маштык – морщинистый, смуглый, жилистый человек с длинными полуседыми усами и клоком волос на выбритой голове, – уже раздувал огонь.

– Якшы, Маштык! – похвалила его Арнэйд. – Нам понадобится огонь.

¹⁸ Я думаю (мерянск.)

¹⁹ Аля – молодец, парень (фольклорное обращение).

Понял он, конечно, только первое слово, но обернулся, поклонился и приветливо закивал.

– Девушки, поднимайтесь, пора печь лепешки! – закричала Арнэйд, хлопая в ладоши. – Нужно быстро поесть и готовить эту палату к пиру! Очаг вычистить, пол вымести, все скамьи и столы протереть. Парни принесут еловые лапы, вы их расстелите по полу. Перемыть посуду для пира, а Талвий и Вирбика со мной будут чистить самую дорогую, из серебра и бронзы. Остальные будут с Ошалче и другими нашими женщинами готовить угощение. Потом вы еще раз умоетесь, причешетесь, заплетете косы, и вас разберут ваши новые хозяева.

Завтра, как Арнэйд утешала себя, из всей этой толпы останется лишь пять девушек, и ей станет куда легче.

Пока она говорила, с лавки вскочил Хавард. Торопливо оправив исподнюю одежду, пригладил свои легкие золотистые волосы и улыбнулся ей.

Самуил тоже проснулся и сидел на своем тюфяке, медленно поглаживая выбритую макушку. Шапку он еще не надел. Арнэйд подошла и приветствовала его вежливым кивком.

– Аван-и?

– Аван-ха!²⁰ – Самуил наклонил голову: он уже научил Арнэйд этому болгарскому приветствию, хотя о более сложных вещах они могли говорить только по-славянски. – Подступи ко мне, пре... прекрасница.

Таким образом он приглашал ее присесть; Арнэйд засмеялась, услышав, какое наименование он для нее соорудил из слов «прекрасная» и «красавица».

– Ты будешь... Ты имеешь воля... жажда сидеть на пиру? – спросила Арнэйд. – Нынче вейцла у нас здесь, – она обвела рукой палату, давая понять, что гости соберутся именно сюда.

– Это едьба для ваших богов... есмь?

– Да, это... о, блот, блот-вейцла²¹. – Арнэйд не была уверена, что «едьба» – подходящее слово, но не могла вспомнить, как правильно. – Едь... Хлеб для богов!

– Я ведал. Нет, я не буду... Наш бог не велит брать едьбу от другие боги.

– Я ведала. – Арнэйд кивнула. – О, Хавард! – воззвала она. – Скажи ему: если он не будет на пиру, то ему нужно будет скоро уйти в другой дом. Я уже придумала куда: к Ульвару. Мы всех этих удыр²², когда пойдем в святилище, переведем туда. Ульвар, бедняга, погиб, сегодня в их доме никого не будет. Нам, кстати, понадобится кто-то, кто за ними присмотрит, и будет очень удачно, если ты, Самуил, окажешь нам услугу и возьмешь это на себя.

– Сие я могу, – Самуил улыбнулся ей в ответ. – Смотреть девы – сие дело для меня.

Арнэйд слегка содрогнулась в душе: если Самуил занимается дальней торговлей, он и рабами тоже много торговал. Это ведь один из самых выгодных товаров. Раб стоит тем дороже, чем дальше его увезли от дома – так им легче управлять. Самый непокорный мужчина не решится на побег и будет послушным, если между ним и родным краем – месяцы пути, а каждый встречный тут же признает в тебе беглого раба и выдаст хозяевам.

– А ты, Хавард, мог бы помочь Самуилу, – Арнэйд снова улыбнулась. – Ты побудешь с ним, чтобы ему не было скучно одному.

– Я бы предпочел пойти в святилище со всеми и поблагодарить богов, что они уберегли нам... хотя бы жизнь и свободу! – Хавард развел руки, показывая, что иных благ лишен. – А к тому же хотел бы увидеть тебя в платье жрицы и с чашей в руках. Уверен, это очень красивое зрелище!

²⁰ – Все хорошо? – Да, пока все хорошо. (Роль исчезнувшего хазарского языка здесь играет чувашский, как единственный живой потомок волжско-булгарского языка из ветви прототюркских языков.)

²¹ Blot, blot-veizla (др.-сканд.) – жертвоприношение, жертвенный пир.

²² Удыр – девушки.

– Ты сможешь меня увидеть, когда мы пойдем на могилы. Но нехорошо было бы бросить Самуила одного с двумя десятками девок, а больше мы никого не можем с ними оставить. Кеганай, хозяйка, Ульварова вдова, будет нам помогать с готовкой, а Кеденей, ее брат, пойдет на пир, он ведь тоже был в походе, ему причитается часть добычи.

Арнэйд улыбалась, но говорила твердо. Хавард, не будь дурак, все понял: это лишь предлог, чтобы помешать ему попасть на пир, но настаивать он не мог. Да и какое его право быть на пиру, если он не входит в число тех людей, от кого приносятся жертвы, и сам лишь чуть лучше тех животных из числа добычи, которые *станут* жертвой!

– Твои родичи не хотят допустить меня на этот пир, – негромко, без обиды, но уверенно проговорил он, стоя перед Арнэйд и глядя прямо ей в глаза своими ясными голубыми глазами.

Эти глаза, тонкие черты лица, золотистые, чуть выющиеся волосы до плеч, горделивая повадка делали его весьма обаятельным, несмотря на бедную одежду. По нему было видно, что привык он к куда лучшим обстоятельствам, но и в худших он сохранял непринужденность.

– Понимаю. В их глазах я – жалкий бродяга, которого подобрали где-то в грязном углу... немногим лучше раба. Как я жалею, Арнэйд, что ты не увидела меня... до того, как удача от нас отвернулась. Мой род ничем не хуже твоего. Мой дед жил в Кенугарде и был очень богат. Он ходил с конунгом Диром на Греческое царство и получил право торговать там. Он имел несколько кораблей и возил туда челядь, меха, обратно привозил золото, серебро, шелк и разные дорогие вещи, а потом увозил их на запад, к моравам, ляхам, саксам и даже франкам. Он единственный в Кенугарде торговал рейнскими мечами. Мой отец занимался теми же делами, но однажды в Кенугард явился Хельги Хитрый и погубил Аскольда, тогдашнего конунга. Он говорил, что сохранит жизнь и имущество всем людям Аскольда, которые принесут ему клятву верности, и на это мой отец согласился. Но торговать с греками стало нельзя – у Хельги ведь не было с ними договора. Мой отец начал торговлю с Хазарией, но Хельги объявил, что больше никто, кроме его людей, не должен покупать и продавать дорогие товары в чужие земли. Весь такой товар теперь принадлежал ему. Этого мой отец уже не мог стерпеть и вместе со своими фелагами переселился в И... во владения кагана. Там я вырос... Кенугарда не помню, меня увезли оттуда малым ребенком. А там... на новом месте мой отец снова стал делать хорошие дела, торговал с хазарами, булгарами, с сарацинами, с люторичами, ясами и другими племенами, подчиненными кагану. Мой отец и сейчас весьма богат и уважаем. Если бы кто-то из твоих братьев поехал с нами, то убедился бы собственными глазами, что я не хуже всякого другого мог бы...

Хавард запнулся, понимая, что в нынешнем своем положении не имеет права говорить о том, что «мог бы. Арнэйд была этому рада. Эта речь внушила ей тревогу и неловкость. Неспроста Хавард вдруг стал рассказывать ей о своем роде, хотя она его об этом не спрашивала.

– Нас там много таких – тех, кого называют «хазарской русью», – снова заговорил он. – С вами, северной русью, мы не вели почти никаких дел, но теперь, когда и Хельги из Кенугарда, и Олав из Хольмгарда разорвали все связи с Хазарией, мы могли бы объединиться, и тогда... Тогда эта река Валга стала бы воистину рекой серебра, и все это серебро текло бы в ваши и наши лари!

Он засмеялся, и его глаза весело заблестели, лицо приобрело уверенное и горделивое выражение. По всем его повадкам было видно, что он и впрямь человек из уважаемой семьи.

– Если бы твой отец понял, как хорошо это было бы для вас... – Хавард слегка подался к Арнэйд и сделал движение, будто хочет взять ее за руку, но она безотчетно попятилась. – Мы могли бы... Я бы тогда... Вот таких колец, – он все же слегка коснулся ее пальцев возле перстня-цветка, – у тебя были бы десятки. Я бы ничего для тебя не жалел, и любая королева позавидовала бы таким платьям из цветного шелка, таким украшениям... Но сейчас не стоит пока об этом говорить, да?

Он заглянул ей в глаза, и смысл его взгляда невозможно было не понять. Арнэйд в растерянности не находила ответа, ее слегка трясло от волнения. По сути дела, Хавард сейчас к ней посватался, то есть дал понять, что посватался бы, если бы мог показать себя равным ей по положению. Арнэйд против воли чувствовала себя польщенной, но не решалась полностью ему поверить, и от этого в том волнении, которое он ей внушал, было что-то неприятное, неловкое. Лучше бы он ничего такого не говорил! Он всегда был вежлив и почтителен, не требовал такого, на что не имел права, и Арнэйд не хотелось его обижать, но все-таки лучше бы ему не заводить таких речей!

– Чего в этом невозможного? – Хавард слегка засмеялся, и Арнэйд не могла не отметить, что он, в общем-то, красивый мужчина, только двух зубов снизу справа не хватает. – Отчего же хазарской руси не стать единым родом с мерянской русью, когда наши земли соединяет река! Она здесь, рядом, – он показал в сторону востока, где за роздых от Силверволла лежала подо льдом река, называемая то Мерянской, то Валгой, а совсем далеко – Сара-итиль. – И никакие конунги нам для этого не нужны, мы сами скоро станем богаче и сильнее любых конунгов.

– Кугу юмо шамыч²³! – выдохнула Арнэйд. – Я стою тут и слушаю тебя, а удыр сидят сложа руки. Мне нужно заниматься делом. У меня работы, как у Феньи и Меньи. Пожалуй, вашим людям лучше уже сейчас, как поедите, уйти в кудо Ульвара, чтобы не мешать уборке. Скажи им, чтобы были готовы.

С этими словами она направилась к очагу, где пленницы мешали липкое ржаное тесто для лепешек. Хавард смотрел ей вслед, и, судя по веселому взгляду его голубых глаз, вовсе не считал эту беседу неудачной.

²³ Великие добрые боги! (мерянск.)

Глава 9

– Арнэйд, красавица, приободришься! Сегодня же такой прекрасный день для тебя! Твоя братья стяжали славу и привезли такую отличную добычу, богов нужно благодарить за это с радостным лицом, а ты сидишь хмуришься, будто у тебя жаба на коленях.

Гисла, стоя у Арнэйда за спиной, расчесывала ей волосы. При ее последних словах Арнэйд фыркнула от смеха, стараясь не дергать головой. Уже одетая в нарядное красное платье с золочеными застежками, она сидела на скамеечке из куска елового бревна, где ножками служили обрубленные на нужную длину сучья. Гисла пришла помочь ей одеться и причесаться для жертвоприношения и пира – сделать «узел валькирии» служанкам-мерянкам пока было не по силам.

– Да я бы лучше подержала немного жабу, лишь бы не ждать на пир Гудбранда! – в сердцах ответила Арнэйд. Эта мысль не давала ей покоя. – Он ведь тоже стяжал славу и привез добычу. Ма шанам, воображает себя равным Харальду Боезубу. Боюсь, он сейчас привезет тех пять служанок, которых мне сулил, и потребует, чтобы я вышла за него.

– Ты ведь ему этого не обещала! – подсказал Виги.

Уже в новой синей рубахе, он сидел поблизости на скамье; зная, как сестра дрожит над праздничными крашеными одеждами, он старался почти не шевелиться, чтобы ни обо что не испачкаться, и жевал соломинку.

– Не обещала. Но вы его вызвали на состязание в доблести, и он его выдержал. Если он приведет пять служанок и опять посватается, что я буду ему отвечать?

– Скажешь, что согласна? – с наивным видом предположил Виги.

Арнэйд слегка повела глазами, отыскивая, чем бы в него бросить, но поблизости ничего не нашла.

– Кереметлык²⁴! Виги, ты же знаешь!

– Что я знаю? Ма эй саа ару²⁵, почему ты не хочешь? Чем он тебе не нравится?

– Ты, Вигнир, молод, чтобы понимать девушек! – Гисла оглянулась и подмигнула ему, продолжая водить дорогим самшитовым гребнем по волосам Арнэйда.

Волосы у нее были темно-русые, густые и плотные, и у Гислы едва хватало длины пальцев, чтобы сжать этот поток в горсти.

– Не нравится, и все! – Арнэйд поджала губы. – Ну, я не хочу выходить замуж, пока вы не женились. На кого я вас покину, двух здоровенных лосей, на одних служанок? Ошалче и без того хватает дел, чтобы еще следить за вашими рубахами.

– Добрые сыновья привели бы жен к отцу в дом давным-давно, – по-мерянски вставила Ошалче, кормившая младшее дитя, в то время как двое постарше вертелись рядом. За двенадцать лет в семье русов Ошалче научилась довольно хорошо понимать их язык, но говорить почти не могла, да и надобности не было. – Может, перед тем походом вы по вашим обычаям были молоды для женитьбы, но после похода что вам мешало? Хотите опозорить отца, что у него в доме два сына, не годных к делу?

Виги насмешливо фыркнул, но ничего не ответил. Мнение Ошалче для него мало значило, но он не спорил с нею.

– Может, девушке нравится кое-кто другой? – тем временем прошептала Гисла, наклонившись к самому уху Арнэйда. – Кое-кто и помоложе, и попригляднее собою, чем Гудбранд?

Арнэйд изнутри облилась дрожью: уж не на Свенельда ли Гисла намекает? Его здесь год не видели, но такие вещи женщины хорошо запоминают.

²⁴ Мерянское проклятье.

²⁵ Я не понимаю.

Легким толчком в спину Гисла велела ей наклониться; Арнэйд свесила голову вниз, и Гисла перекинула весь поток волос ей через маковку.

– Да здесь как будто нет таких... – с мнимым безразличием ответила Арнэйд; сильно помогло то, что поток волос глушил ее голос, а лицо и вовсе скрывал.

Здесь, в Силверволле, и правда таких не было...

– Ну... может быть... он завелся здесь... *недавно?* – Гисла стала собирать волосы в пучок и скручивать в жгут. – Он по виду небогат, но хорош собой, а таких *обещающих* губ и таких шальных глаз я много лет ни у кого не видела!

– Похотливых глаз, ты хотела сказать! – прищурившись, поправил Виги.

– Осторожно поднимай голову! – велела Гисла, и Арнэйд медленно выпрямилась.

На затылке у нее красовался узел из волос, а длинный густой хвост свешивался из него ниже лопаток. «Я бы сказал, это похоже на конскую задницу», – подумал Виги, но благоразумно промолчал. Валькириям виднее.

– Почему ты думаешь... про него? – Арнэйд повернула голову к Гисле. – Разве... об этом говорят?

Когда Хавард держал перед нею свою многозначительную речь, в доме не было никого, кроме них, кто понимал бы по-русски. Но не прошло и дня, как дело выплыло наружу.

– Люди замечают, что болгарский гость не сводит с тебя глаз. – Уклончиво улыбаясь, Гисла покачала головой. – Да и чему дивиться: ты красавица и самого лучшего рода во всем Бьюрланде! Ты здесь все равно что дочь конунга. А этот парень, сразу видно, не промах и умеет выбрать лучшее.

– Да кто он такой! – с досадой ответила Арнэйд. – Пока что его знатный род и богатства где-то там в Булгаре – одни слова. Я уж не стану мечтать о бродяге, у которого только и есть, что рубашка на теле да нахальство!

– Он что, к тебе полез?

Арнэйд не услышала, как отворилась дверь у нее за спиной; все взглянули туда, на вошедшего Арнора. Обойдя Арнэйд, он встал перед нею, чтобы видеть ее лицо.

– Н-нет, нет! – Арнэйд встревожилась. – Он не сделал... ничего неподобающего.

Пересказывать утреннюю беседу в гостевом доме она не собиралась.

– Он умный парень и понимает, – сурово заметил Арнор, – что только вздумай он сделать что-то неподобающее, как его труп выбросят в ближайший овраг, и некому даже будет спросить о нем.

– Меня больше тревожит, что мне отвечать Гудбранду, если он опять заведет свою песню. Его-то не выбросишь в овраг!

– Ты знаешь, что ему отвечать. – Арнор слегка ей подмигнул и стал расстегивать пояс. – Что мне надевать, ты нашла мне рубашку?

– Вон лежит, на ларе. Сверху отца, внизу твоя.

Арнор стянул сорочку и направился к лохани. Пайгалче, бывшая когда-то их нянькой, подошла полить ему из кувшина.

– Кстати, он уже приехал, – сказал Арнор, обмывая плечи.

– Кто?

– Да этот Сигурд... То есть Гудбранд.

– Святы-деды! Кугу юмо шамыч! – Со страдальческим видом Арнэйд осторожно покачала головой, ощущая, как колыхнется сзади хвост волос. – Пожалуй, лучше мне к нему выйти сейчас и сказать пару слов. Это лучше, чем объясняться у всех на виду в гостевом доме.

– Ну, пойдись! – Арнор обернулся от лохани и еще раз ей подмигнул. – Ты теперь валькирия, тебе неведом страх.

Да если бы так! Арнэйд знаком велела Талвий набросить ей на плечи шубу и идти следом. Рослая, крепкая, как сосна, новая служанка с неподвижным лицом теперь везде ходила за нею. Арнэйд надеялась, никто не догадается, что сердце в ее груди трепещет, как заячий хвост.

* * *

Гостей из Ульвхейма Арнэйд обнаружила за воротами Дагова двора, у коновязи, которая тянулась отсюда и до гостевого дома. Гудбранд и несколько человек, прибывших с ним – толстяк Вигфус, тощий рослый Торд, невысокий коренастый Гейрфинн, – привязали здесь лошадей, чтобы идти в святилище вместе с семьей Дага, и беседовали в ожидании хёвдинга. Увидев Арнэйд, они прервали разговор и стали ее осматривать, давая понять, что находят ее яркую одежду, дорогие украшения, крытую узорным шелком кунью шубу выше всяких похвал. Куниц в Бьюрланде раздобыть было нетрудно, а этот шелк происходил из добычи братьев, из Гургана; Арнэйд приготовила ее себе в приданое и надевала только по самым большим праздникам.

– У нас все готово. – Прикидывая, далеко ли до полудня, Арнэйд взглянула на небо, где зимнее солнце тускло мерцало сквозь облака. – Отец скоро выйдет, и пойдем.

Она огляделась, но никого похожего на пять обещанных служанок не заметила.

– Ты ищешь то, что я тебе обещал? – догадался Гудбранд. – Я решил не вести рабынь с собой сегодня, но если мы назначим день, то я приеду с ними, и мы позовем свидетелей...

– Постой, Гудбранд! – Арнэйд подняла руку, останавливая его речь.

Взгляд Гудбранда метнулся к перстню в виде золотого цветка у нее на пальце, глаза расширились от удивления. Видно, Арнор по дороге домой не показывал спутникам этой добычи.

– Послушай-ка, Гудбранд! – с лукавым видом начала Арнэйд, отважно улыбаясь, хотя внутри у нее все тряслось. – О служанках... Что касается служанок... *Мне известно*, что у тебя имеется *одна* служанка, которая намного лучше всех прочих... Она так хороша, что не сыщется ей равных... Она красива, молода, носит такие платья, что были бы впору госпоже усадьбы, и, видно, так искусна в кое-каких делах... Я, помнится, слышала ее имя... Лиса... Лисави... а, Лисай! Она появилась у тебя недавно, но уже успела завоевать одобрение хозяина и восхищение Ульвхейма! Слухи о ней ходят по всему Бьюрланду.

При первых же ее словах Гудбранд покраснел; в таких случаях говорят, «гнев бросился ему в кожу». Видя это, Арнэйд понимала, что ввязалась в нешуточное дело, но, хоть вступать с кем-то в раздор для нее было непривычно, остановиться она не могла. Страшно бросать вызов мужчине, знатному человеку, да еще по такому тонкому поводу, но легче предотвратить повторное сватовство, чем при всех отказывать. У нее *нет* достойного повода для отказа, и люди просто сочтут ее вздорной, привередливой и слишком гордой.

Спутники Гудбранда слушали, перемигиваясь и ухмыляясь, а к концу это речи уже ржали в кулаки, не в силах сдержаться.

– Кто... кто тебе это наболтал? – гневно спросил Гудбранд.

– Это известно многим людям. – Арнэйд бросила взгляд на мужчин за спиной у Гудбранда, которые изо всех сил старались сделать невозмутимые лица.

– Так и что? Чего дурного, если мужчина... это же моя рабыня, я...

– С твоей рабыней, ты, разумеется, можешь делать все, что тебе угодно. Но я не могу унаследовать место... сам знаешь где... после рабыни!

Теперь давились от смеха не только спутники Гудбранда, но и жители Силверволла; приметив яркую стайку нарядных людей, они собрались послушать, о чем говорят Дагова дочь и ее предполагаемый жених.

Гудбранд стиснул зубы, понимая, что делается посмешищем. Его взгляд упал на кольцо Арнэйд с самоцветной сердцевинкой.

– Я тоже кое-кто слышал! – Он упер руки в бока, стараясь вернуть уверенность. – Что на тебя пучит наглые глаза еще кое-кто... кого и человеком-то назвать стыдно! В этом все дело? Кто подарил тебе это кольцо?

– Да уж явно не ты! – раздался за спиной у Арнэйд спокойный мягкий голос.

Она обернулась: в первом ряду толпы обнаружился Хавард. В простом кожухе, с наброшенным на плечи грубым серым плащом, по одежде он не шел ни в какое сравнение с нарядным, будто греческий цесарь, Гудбрандом, но стоял, уперев одну руку в бок, а в другой держа палку, закинутую за плечо, и весь вид его выражал уверенность. Из-под простой серой шапки валяной шерсти виднелись тонкие, чуть выющиеся золотистые волосы, будто лучи, и у Арнэйда мелькнуло в мыслях, что он похож на Светлого Бальдра, плененного зимними тучами.

– Ты, я вижу, впервые даже видишь это кольцо! – продолжал Хавард, вызывающе щурясь и улыбаясь с видом явного превосходства. Как ни мало Арнэйд ему доверяла, но сейчас не могла не восхититься его умением владеть собой. – А чтобы свататься к девушке, которая в этих краях ничуть не хуже, чем дочь любого конунга, надо выказать чуть больше знакомства с сокровищами! Ты же, как я слышал, раздобыл лишь несколько тощих девок, да и пользуешься самой лучшей. Ты сделал выбор, на себя и пеняй. Бывает, человек хоть и не блещет умом, но хорошо понимает, что ему пристало и кто ему пара.

У Арнэйда оборвалось сердце – Хавард назвал Гудбранда подходящей парой для рабыни-пленницы! В толпе раздалось несколько испуганных возгласов.

Арнэйд прижала руку с кольцом ко рту. Хавард, конечно, человек мутный, но уж в трусости его не заподозрить. А на его ярких «обещающих» губах мерцала та же легкая улыбка, в голубых, слегка прищуренных глазах светилась насмешка. По виду он был совершенно спокоен: похоже, бросать смертельные оскорбления знатым людям ему не в новинку. Он даже не побледнел – ненависть не запала ему в сердце, а сердце это, как видно, было выковано из наилучшего железа и не дрожало в предчувствии кровопролития.

– Ты, ётунов пес! – Гудбранд покраснел еще сильнее и свирепо нахмурился. – Арнор! – Вдруг он заметил Дагова старшего сына, который в одном кафтане стоял позади нескольких рядов толпы и с любопытством прислушивался. – Ты вытащил это дерьмо из какой-то отхожей ямы, и теперь оно тут оскорбляет достойных людей! Ты для этого его приволок? Саатана, я не потерплю, чтобы меня оскорблял какой-то шайтун, который сам не лучше раба!

– В рабство меня пока не обращали, – спокойно ответил Хавард. – А если ты, Арнор, – он оглянулся к себе за спину, – одолжишь мне какое-нибудь оружие и щит, то я покажу, что владею им, как подобает свободному человеку.

– Прекратите! – Между Хавардом и Гудбрандом влезла по-медвежьи рослая фигура.

Даг уже оделся в праздничный красный кафтан с шелковой отделкой, но его густые брови были нахмурены, а лицо сурово. Кафтан на груди оттопыривался: видно, за пазухой у него лежало священное «кольцо клятв».

– В этот день, когда мы собрались принести жертвы и поблагодарить богов, вы испытываете их терпение! Гудбранд, если ты считаешь его не лучше раба, не стыдно ли тебе ввязываться с ним в перепалку? А ты, аля, – он бросил сердитый взгляд на Хаварда, и его обычно мягкие серые глаза обрели твердость стали, – здесь никто и звать тебя никак. Когда человек не имеет поддержки, ему стоит вести себя скромнее.

– Я имею поддержку в моей судьбе и воле богов, – уже не так дерзко, но уверенно ответил ему Хавард. – Ты ведь не допустишь, Даг хёвдинг, чтобы у тебя в доме со свободным человеком поступили несправедливо. А если мне не откажут в справедливости и праве самому постоять за себя, иной поддержки мне не требуется.

– Таких дерзких псов угощают палкой! – бросил Гудбранд, кипя от негодования.

– Попробуй! – Хавард, усмехаясь, снял с плеча свою палку и хлопнул по ладони.

Уже по этому движению было видно, что дойди дело до схватки, он не растеряется.

– Никаких драк и ссор перед моим домом в священный день! – повысил голос Даг, не давая Гудбранду ответить. – Что вы как дети! Если вам надо разобраться между собой, вы найдете способ. А сейчас разойдитесь. Нам пора в святилище.

– Я тебе вышибу все зубы, что еще есть, – пообещал Хаварду Гудбранд и отошел к своим людям.

– Сделать это будет не так легко, как бабу за мягкое пощупать, – бросил Хавард ему вслед.

– Арни, уведи его к Ульвару, умоляю! – прошептала Арнэйд, вцепившись в локоть брата. – Только кожух надень, что ты не одетый выскочил!

Облака сомкнулись, солнце спряталось, и уже какое-то время медленно падал мелкий снег, но Арнэйд заметила его только сейчас, смаргивая с ресниц и видя белые пушинки на зеленом кафтане Арнора.

– Да люди сказали – любопытная игра завязалась у наших ворот!

– Талвий, принеси ему кожух, живо! Любой, какой попадется.

– Арнэйд, я тебя жду! – сурово окликнул Даг. – Ты понесешь чашу, или нам еще кого поискать?

– Я иду! Догоняй скорее! – шепнула Арнэйд брату и ушла в дом, чтобы накинуть теплый платок и взять серебряную жертвенную чашу.

– Пошли! – Арнор перевел взгляд на Хаварда и кивнул в сторону.

Толпа пришла в движение: одни готовились следовать за Дагом в святилище, другие побежали за оставленными вещами и домочадцами. Арнор, с накинутым на плечи кожухом, и Хавард прошли прочь от ворот, к небогатому дворику, где поселился покойный Ульвар, когда подружился с Кеденеем и взял в жены его сестру.

– Дашь мне что-нибудь? – спросил Хавард, когда они отошли от толпы. – У меня все было, но после той битвы эти тролли все растащили куда-то по щелям.

– Могу дать секиру или меч хазарский. А, нет, хазарским же с коня рубят. Шлем тоже дам. Щит само собой. Завтра зайдешь ко мне, я покажу, что есть. Выберешь по руке.

Они вошли во дворик. В дом Кеденея уже перевели пленниц, которых сегодня на пиру торжественно раздадут, и туда же перешел смотревший за ними Самуил со своими людьми.

– И еще. – У дверей Арнор остановился и повернулся к Хаварду. Тот смотрел на него снизу вверх, и теперь в тонких чертах его проступило скрытое беспокойство. – Если ты отвадишь от нас Гудбранда, я подарю тебе лошадь.

Хавард изменился в лице: отвадить Гудбранда он хотел ради собственных целей, не думая, что этим окажет услугу еще и Арнору.

– Надо же тебе будет на чем-то сваливать отсюда, – закончил Арнор, развернулся и ушел.

* * *

В святилище Арнэйд старалась сосредоточиться на своих обязанностях, не смотреть по сторонам и выкинуть из головы все, что она услышала в это утро. Она стояла на могиле своего прадеда – Бьярнхедина Старого, с этой священной возвышенности она обращалась к богам, и сегодня как никогда ясно ощущала свое право быть связующим звеном между мертвыми под землей, богами на небе и живыми людьми на земле. От волнения ее трясло, но в то же время она чувствовала себя необычайно сильной. Кому это делать, кому занимать это место, как не ей, правнучке воина-медведя? Того, по чьим следам сюда пришли все эти русы – уроженцы Готланда, Аландских островов, где поклонялись медведю и тоже считали его своим предком, Свеаланда и других земель за Варяжским морем. Весь род «мерянской руси» можно было считать потомками Бьярнхедина Старого – и они считали себя ими, раз приходили приносить жертвы над его могилой. А значит, она, его правнучка, была кем-то вроде общей матери всех этих людей. На празднике Зимних Ночей Арнэйд еще не осознала этого как следует, но в

этот раз ей казалось, что она спустилась с Бьярнхединова кургана какой-то более значительной женщиной, чем поднималась туда.

Пир в гостевом доме прошел весело. Угощение было очень обильное: каждая из трех дружин отдала в благодарственную жертву по одной голове всех видов взятого скота: по одному бычку, по барану, по свинье. А Даг прибавил к этому коня. Мяса, вареного и жареного, было столько, что не могли съесть. Участники похода рассказывали, как все было, Арнора заставили послать мальчишку за его шлемом, пустили шлем вокруг стола, и каждый счел своим долгом просунуть палец в дыру от стрелы и пошевелить им там, что вызывало неизменный хохот соседей. А Рунольв, воодушевившись от пуре, прямо на месте сочинил вису.

Коршун битвы клюнул
В лоб Хеймдалля стали.
Крови карлов больше,
Не попить из чаши!²⁶

– произнес он, встав за столом, и Арнору пришлось пойти выпить с ним в благодарность: от всякого стиха в его честь у человека прибавляется удачи, пусть даже этот стих не самый искусный.

– Х-хе! – воскликнул рыжий Кольбейн, когда шлем дошел до него. От пива его полное лицо стало красным как мак, полуседые-полурыжие волосы разметались по плечам. – Что же это была за стрела?

Арнор вынул из кошелья на поясе искривленный от удара наконечник с маленьким кусочком обломанного древка. Наконечник тоже пошел по рукам.

– Да у тебя, Арнор, в голове, видать, камень! – сказала Вефрейя, для наглядности постукав наконечником по столу. – Если об нее плющится железо!

Клюв кукушки сечи
Сломлен был о камень
Плеч Хеймдалля стали,
Хоть рожден железным!²⁷

– выкрикнула Гисла, сложив вису на ходу и так торопясь, будто кто-то грозил ее опередить.

Гости одобрительно засмеялись: Гисла, женщина бойкая, оказалась еще и стихотворицей!

– Арнор, ничего не остается нам делать, – прокричал Снэколь сквозь гул голосов и смеха, – кроме как дать тебе прозвище. Отныне ты будешь зваться Арнор Камень!

Потом начали делить пленниц. Каждый из участников похода дал что-то из вещей – перстень, застежку с ворота рубахи или просто щепку, помеченную известным ему значком или руной, и все это сложили в прославленный Арноров шлем. Из сеней по одной заводили пленниц; Арнэйд с закрытыми глазами запускала руку в шлем, возила там и вытягивала наугад одну вещь – чья вещь, тому и девушка. Если какая-то девушка бывала оценена ниже других, к ней прибавлялось что-то из имущества для выравнивания стоимости. Дележ сопровождался воплями то восторга, то разочарования, тут же затевались мены: одну на другую, с приплатой или без. Пленниц угощали жареным мясом, чтобы глядели веселее на свою новую жизнь, потом уводили по домам.

²⁶ Коршун битвы – стрела, Хеймдалль стали – мужчина-воин, то есть Арнор, кровь карлов – пиво.

²⁷ Ворона сечи – стрела, камень плеч – голова, Хеймдалль стали – мужчина-воин, то есть Арнор.

Из булгар на пиру был только Ямбарс – не понимая речей, он, однако, со своего скромного места в конце стола внимательно наблюдал за пирующими. Гудбранд держался горделиво-замкнуто, усердно пил и почти не участвовал в разговоре. Слух о его ссоре с каким-то из чужаков уже разлетелся, но мало кто знал, в чем тут дело. За дележом добычи, сопровождаемой обильной едой и питьем, об этом позабыли, и Арнэйд даже стала надеяться, что об этом речь не пойдет. Но как же оно могло быть? Когда Арнор стал показывать добычу из последнего яла – серебряный ковш с хазарским всадником, дорогой меч, кафтаны, серебряный браслет и прочее, – ему, конечно, пришлось рассказать всю эту сагу, в том числе и свой разговор с бойким покойником и обнаружение пленных булгар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.